СОДЕРЖАНИЕ.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

БОЛЬШЕВИК

№ 11—12

№ 11—12

30 ИЮНЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 ИЮНЯ 11—12

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

Главлит № 40181. Москва. Тираж 40.000.
Типогр. издат. «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а.

О некоторых задачах момента.

Оживление Советов нельзя рассматривать как кратковременно-эпизодический момент в нашей политике.

Мы вступили в полосу массовой перестройки отсталых форм хозяйства; впервые перед нами так широко и конкретно встали задачи переустройства деревни.

Совершенно ясно, что продвижение к социализму в деревне, подготовка в ней элементарных предпосылок для социалистического строительства — невозможны без вовлечения массы крестьянства в общественно-строительную работу, без широкого захвата крестьянства в Советы.

Дело социалистического строительства в деревне становится на твердую почву, поскольку передовые элементы деревни будут выступать не только об'ектом, но и суб'ектом этого строительства,—поскольку сам крестьянин будет проявлять живейший интерес к работе Советов, будет стремиться к практической увязке своего хозяйства с советскими организациями.

Полоса оживления Советов знаменует пробуждение широких пластов крестьянства к активному участию в политической жизни страны.

Нет никакого сомнения в том, что этот рост политической активности заключает в себе различные тенденции.

В общем и целом, это здоровый рост, необходимый для успешного строительства социализма.

Но, конечно, в обстановке этого общего политического оживления будут обнаруживаться и тенденции враждебного нам характера.

Общеизвестно, что наша партия отнеслась с достаточным вниманием к тому перелому в отношении Советской власти, который проявился среди интеллигенции.

В общем и целом, и здесь на-лицо перелом положительного характера, оживление политической активности со знаком плюс.

Однако, в обстановке общего оживления политической активности интеллигенции в желательном для нас направлении,—для современного момента характерны и явления роста политической активности, направленной против нас, хотя это имеет место лишь среди сравнительно незначительной части интеллигенции.

Усиливается участие массы учительства и агрономов в советской работе, но одновременно с этим смелее и энергичнее начинают выступать и те из учителей и агрономов, которые имеют, по сути дела, эсеровскую и меньшевистскую идеологии, выступать против нас, используя и сход, и кооперацию, и лекцию, и частную беседу.

Наличие этих различных тенденций в общем росте политической активности, конечно, характерно не только для интеллигенции: это имеет место и в крестьянстве. Чем крепче будет пролетарское государство, чем значительнее будут наши хозяйственные успехи, чем плодотворнее будет наше участие в поднятии культурного уровня деревни,—тем сильнее будут развиваться тенденции положительного характера и тем менее оснований будет для успехов противопролетарских настроений и течений.

Но одно совершенно ясно: переживаемая нами полоса оживления политической активности в деревне требует не ослабления пролетарского руководства страною, а его усиления.

Решительный отказ от методов военного коммунизма, конечно, не означает ослабление пролетарского руководства. Новыми «смягченными» методами, но с усилением во много крат инициативы и энергии со стороны руководителя революции и носителя государственной власти, пролетариата,—будет строиться социализм, несмотря на все препятствия и затруднения.

Совершенно очевидно, однако, что вопрос об организации и укреплении пролетарских рядов должен волновать нас не меньше, а больше, чем в прежние периоды исторического развития.

Верно, что пролетариат должен переделать широкие непролетарские слои трудящихся.

Верно, что пролетариат должен подготовлять бесклассовое общество.

Но так же верно, что это будет выполнено им только тогда, когда под руководством партии он будет выполнять свою роль гегемона, руководителя, организатора масс.

В этот исходный период движения к бесклассовому обществу, в стране с громадным большинством крестьянского населения, пролетариат, и, прежде всего, его партия, должен идеологически и организационно усиливать свое классовое влияние на широкие массы трудящихся, а не ослаблять его.

* * *

Тов. Ленин назвал профсоюзы «школой коммунизма» для пролетариата. Такое определение было дано не случайно.

Профсоюзы, действительно, должны играть все возрастающую роль в политическом воспитании рабочего класса.

Поэтому, когда мы говорим об организации пролетариата, укреплении его рядов,—мы непременно должны поставить вопрос о профсоюзном движении, его состоянии, тенденциях, недостатках.

Было бы излишне оптимистичным утверждать, что в этой области, как и в ряде других областей, у нас все обстоит благополучно.

Положение профсоюзов очень сложное и трудное.

С одной стороны, профсоюзы должны защищать экономические интересы рабочих, об'единенных в союзные организации. Они должны содействовать действительному повышению материального уровня жизни рабочего, в условиях общего хозяйственного под'ема. С этой точки зрения, они обязаны противостоять таким устремлениям хозяйственников, в которых соображения народно-хозяйственной целесообразности уступают место ведомственной нажимистости.

С другой стороны, профсоюзы должны помогать скорейшему росту производства, накопления в промышленности, ибо без роста промышленности невозможен и нормальный рост заработной платы и общее повышение материального уровня жизни рабочего.

С этой точки зрения, профсоюзы обязаны противодействовать цехово-групповым устремлениям рабочих отдельных предприятий.

Профсоюзы именно потому и являются школой коммунизма, что рабочий на конкретных моментах профсоюзной работы приучается сочетать свои индивидуально-групповые интересы с общегосударственными, общепролетарскими.

Профсоюз «жмут» с двух сторон: с одной стороны—хозяйственники, с другой—рабочие массы. Именно, руководимый партией профсоюз должен найти среднюю, правильную линию. В нем должны быть разрешены противоречия, в условиях которых протекает наше хозяйственное развитие.

Об'ективную трудность этого положения отрицать нельзя. Понятны в таких условиях и различные уклонения профсоюзов в различные моменты.

В первые годы нэпа профсоюзы, вполне учитывая стремление истощенных в период военного коммунизма рабочих, занимались преимущественно вопросами материального положения рабочих предприятия; в общехозяйственную жизнь завода профсоюз вмешивался мало.

В начале кампании по поднятию производительности труда кое-где профсоюзы не сразу раскачались.

Однако за последний год профсоюзы сделали в этом отношении большой шаг вперед. Производственные комиссии и совещания, широкое освещение производственных вопросов на рабочих собраниях, преодоление узко-групповых запросов,—все это проводилось партией через профсоюзы.

Тем не менее, за последнее время можно отметить в профсоюзном движении отрицательные явления противоположного порядка.

В целом ряде случаев, профсоюзы оказываются в хвосте у излишне ретивых и напористых хозяйственников; профорганы зачастую идут на такие требования отдельных хозяйственников, которые совершенно не диктуются необходимостью.

Совершенно неизбежное в таких условиях недовольство рабочих переваливает через головы профсоюзов. Конфликты, имевшие место за последнее время в госпредприятиях, в большинстве своем прошли мимо профсоюзов.

Само собою разумеется, что это явления ненормальные и опасные. Профсоюзы уже обратили внимание на это уклонение.

Партия должна всемерно помогать профсоюзам выпрямить линию там, где она искривлена. Необходимо осуществить оживление профсоюзов, приближение их к массам. Профсоюзы—это важнейший участок партийной работы.

Без хорошо организованных, тесно связанных с рабочими массами профсоюзов гегемонию пролетариата не обеспечишь.

Партия об этом не забывает и потому будет внимательнейшим образом следить за профдвижением и всемерно помогать ему дать рабочему классу воспитание в «школе коммунизма».

* * *

Оживление политической активности деревни проявляется, в первую голову, в необычайно интенсивном росте сельских ячеек комсомола.

Новое, молодое поколение крестьянства оказывается наименее консервативно, более живо и положительно реагирующим на наши первые успехи в деле социалистического строительства. Значение комсомола в наших условиях необычайно велико.

Союз превратился в воспитательную организацию крупнейшего политического значения.

Почти полтора миллиона лучших представителей второго поколения вступили в действительную «школу коммунизма», каковой является комсомол.

Эти полтора миллиона подымают, в свою очередь, почти такую же армию из третьего поколения, при чем пионерская армия наверняка, через год-другой, значительно перегонит своим ростом комсомол.

Характерно, что с каждым годом крестьянская часть этих организаций сильно увеличивается.

Такое явление совершенно естественно и нормально, если мы всерьез говорим о переделке поколений и о подготовке социалистического общества.

Но и здесь развитие, как и в профсоюзах, протекает в противоречиях.

Комсомол становится по своему социальному составу все более крестьянской организацией, хотя руководящая роль в нем принадлежит рабочему ядру.

Но задачей комсомола является коммунистическое воспитание, перевод широких масс крестьянской молодежи на пролетарские позиции. Конечно, в этом противоречии заложены возможности отрицательного характера.

По мере увеличения политического значения комсомола; по мере того, как комсомол, особенно в деревне, все больше выступает в роли организатора Советской общественности, иногда заменяя отсутствующую здесь парторганизацию,—по мере этого всякие явления отрицательного характера внутри комсомола будут иметь важнейшее общеполитическое значение.

Если в комсомоле будут, паче чаяния, происходить процессы разложения, то это будет иметь вреднейшие последствия и для партии.

А опасность с этой стороны сейчас, быть может, большая, чем с других сторон. Партия более едина по социальному составу: в ней гораздо значительнее пролетарское ядро. Партия имеет сильный актив, с большим политическим опытом и теоретическим развитием. Партия имеет славные исторические традиции.

Во всех этих отношениях в комсомоле дело обстоит хуже: именно поэтому здесь и больше опасности. Партия должна принять все меры к обеспечению коммунистического руководства комсомолом.

Сейчас нельзя смотреть на комсомол прежними глазами: об'ективная роль комсомола значительно увеличилась.

Каждая партячейка, каждый партком не могут теперь относиться к вопросу руководства комсомолом формально и, так сказать, с точки зрения контроля.

Дело не только в контроле, вернее не столько в контроле, сколько в налаживании систематически проводимого руководства комсомолом со стороны партии.

* * *

И деревенская партячейка, и профсоюз, и комсомол—требуют, по сути дела, дополнительных партийных сил. Их, однако, у нас уж не столь много. Необычайное оживление советской

общественности пред'являет к партии новые требования на партработников.

Совершенно ясно, что удовлетворить эти требования полностью и целиком нет возможности.

Это обстоятельство ставит перед нами три задачи. Во-первых, необходимо рационализировать работу по распределению партсил. Надо более внимательно присматриваться к товарищам и целесообразнее распределять имеющиеся кадры работников.

Во-вторых, следует придать большое значение работе по организации беспартийного актива вокруг партии.

И, в-третьих, исключительную роль в обеспечении партийного руководства советской общественностью — суждено сыграть печати.

Поскольку не хватает живых партруководителей, надо шире поставить дело систематического снабжения трудящихся соответствующего типа газетами, брошюрами, книгами.

В этом отношении надлежит сделать очень многое.

Мы еще не вышли из кризиса сбыта, который характерен для состояния книжного дела в последнее время. Потребление сократилось, ряд партийных издательств лопнул.

Основная причина этого явления лежит в том, что мы еще не сумели приспособиться к массовому потребителю книги; что мы в самой малой мере поставляем на рынок массовую популярную литературу.

Совершенно ясно, что здесь перед нами лежит неотложная задача приспособиться к массовому потребителю.

Это диктуется, таким образом, и соображениями политического, и соображениями экономического характера.

Таковы некоторые из стоящих сейчас перед нами задач.

Я. Яковлев.

О диалектике культурного развития и Вардинском переложении А. Богданова.[1])

1 февраля 1925 г. в «Правде» была опубликована в информационном порядке резолюция первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей (по докладу тов. Вардина). Для характеристики и оценки нынешних разногласий в области художественной литературы эта резолюция является важнейшим документом, поскольку, во-первых, она принята столь авторитетным в области пролетарской литературы собранием, во-вторых, принята по докладу одного из виднейших руководителей напостовской группы литераторов, и, в-третьих, дает наиболее принципиальную и наиболее последовательную формулировку сути напостовских взглядов на вопросы не только пролетарской литературы, но и пролетарской культуры в целом.

Эта резолюция тем более заслуживает внимания, что она завершает период довольно длительных споров в вопросах художественной литературы, представляя собой нечто вроде платформы конференции пролетарских писателей.

Согласно этой резолюции «господство пролетариата несовместимо с господством непролетарской идеологии, а следовательно, непролетарской литературы» (тезис 1). Резолюция рекомендует «путь захвата власти пролетариатом в области искусства» (тезис 7). Резолюция утверждает: «без своей самостоятельной классовой культуры, без своей литературы пролетариат не сохранит гегемонии над крестьянством» (тезис 8).

Предпосылкой этих утверждений является понимание тов. Вардиным того, что «при современных условиях художественная литература является одной из последних арен, на которой происходит непримиримая классовая борьба между пролетариатом и буржуазией за гегемонию над промежуточными элементами» (тезис 3).

Итак, создание самостоятельной классовой культуры, господство пролетарской идеологии, устанавливаемое путем захвата власти пролетариатом, как средство сохранения господства пролетариата, как средство сохранения гегемонии пролетариата над крестьянством!

Этой теории соответствует и понимание тов. Вардиным того, что именно на полях художественной литературы происходит один из последних решительных боев за власть между пролетариатом и буржуазией. Здесь имеется полное совпадение взглядов резолюции первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей со взглядами А. А. Богданова, неоднократно со всей решительностью отвергнутыми партией и Лениным.

---

[1]) Соглашаясь в основном со статьей т. Яковлева, редакция оговаривает свое несогласие с отдельными положениями автора.

Богданов видел в пролеткультовском движении одну из основных форм рабочего движения, действительные достижения в области которого являются одним из важнейших условий победы пролетариата.

Вардин исходит из той же богдановской схемы, из той же оценки пролетарской культуры, превращая победу пролетарской культуры в основное условие сохранения пролетарской власти («без своей самостоятельной классовой культуры... пролетариат не сохранит гегемонию над крестьянством»).

Для Богданова отсутствие соответствующих побед на пролеткультовском фронте служило до революции достаточным основанием для об'яснения невозможности захвата власти пролетариатом, а во время революции служило основой для неверия в творческие силы захватившего власть рабочего класса.

Вардин делает первый шаг по тому же пути неверия в творческие силы захватившего власть рабочего класса, когда декларирует несовместимость господства пролетариата с господством непролетарской идеологии. Если путь захвата власти в области культуры не приведет достаточно быстро к торжеству пролетарской культуры, то тем самым наступит предрекаемая Вардиным несовместимость господства пролетариата с господством непролетарской культуры...

Отсюда, очевидно, принципиальное единство точек зрения Богданова и Вардина.

Заявить по Богданову, что отсутствие пролетарской культуры является причиной невозможности пролетарской победы, или заявить по Вардину, что без своей самостоятельной классовой культуры пролетариат не сохранит власти,—это, конечно, одно и то же по существу.

А разница лишь в том, что в конечном счете у Богданова дело сводилось к очевидной меньшевистской схеме ожидания для социалистической революции тех времен, когда весь пролетариат будет грамотнее, культурнее, сознательнее и прочее, и тому подобное.

У Вардина же, конечно, этой меньшевистской основы нет, но есть зато на-лицо некритическое, непродуманное восприятие богдановских идей. О ком, как не о Вардине и о подобных Вардину, пишет издательство «Книга» в своем предисловии к изданному им собранию статей Богданова «О пролетарской культуре»: «Его (Богданова) взгляды на культуру тесно связаны со всеми прочими, это очень ясно и наглядно выступит для читателя в предлагаемой книге»...

«Получился такой результат, что и теперь многие совершенно не сочувствующие А. А. Богданову, как теоретику вообще, даже относящиеся к нему прямо отрицательно, сами того не зная, повторяют иные его мысли, при чем считают их просто марксистскими и ортодоксальными...» [1]).

[1]) А. Богданов, О пролетарской культуре, стр. 8.

Примечание. О какой связи здесь идет речь, см., с одной стороны, систему философских взглядов Богданова, с другой—его заключительную статью в сборнике «Законы новой совести», написанную им в 1924 г. и представляющую собой пламенный протест против коренных основ большевизма (все это, конечно, под видом благочестивых протестов против стадности, рабства, суб'ективизма, готтентотства и фарисейских разговоров о чистоте цели).

Богдановской (в вардинском изложении) точке зрения противостоит ленинский взгляд на вопрос о том, что является основным условием сохранения и укрепления пролетарской власти.

Ленин беспощадно расправляется со всеми теми меньшевиками, которые полагают необходимым ждать определенного уровня цивилизованности и культуры для совершения пролетарской революции.

Ленин, революционер и марксист, не знает препятствий к тому, чтобы «начать с начала, с завоеваний революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы...» [1]).

Но именно из этого вытекает, что отсутствие необходимого уровня культуры является важнейшим препятствием к тому, чтобы уже после захвата власти двигаться к социализму с той быстротой, с которой это хотелось рабочему революционеру: «нам... не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки...» [2]).

В статьях о государственном аппарате Ленин раз'яснял, что рабочим, строящим советский аппарат, недостает именно элементов знания, просвещения, обучения, недостает той культуры, которая так необходима.

В статье о кооперации он же раз'яснял, что и задача переделки нашего аппарата и задача кооперирования («при условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве») требуют целой культурной революции: «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [3]).

Среди вопросов, разрабатывавшихся Лениным в последние месяцы его жизни, этот вопрос о величайшей культурной революции, которую нам остается проделать для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, был одним из самых основных вопросов...

И нужно иметь величайшую степень бесцеремонности для того, чтобы пытаться именем Ленина прикрыть пролетваповские рассуждения о захвате власти пролетариатом в области искусства, о самостоятельной классовой культуре, как основном условии сохранения гегемонии пролетариата... И не меньшую степень бесцеремонности надо иметь, чтобы об'являть политическим ликвидаторством всякое отрицательное отношении к пролетарской культуре, вопреки тому, что наиболее отрицательно к ней относился Владимир Ильич.

Глубоко неправильно было бы думать, что только в последний год с такой ясностью выявилось ленинское отношение к проблеме культуры. Да, именно в последний год он писал с горечью: «...В то время, как мы болтали о пролетарской куль-

[1]) Ленин, т. XVIII, часть 2, стр. 119.
[2]) Ленин, т. XVIII, часть 2, стр. 137 и 138.
[3]) Ленин, т. XVIII, часть 2, стр. 145.

туре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо. Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях «пролетарской культуры». Это показывает, сколько еще настоятельной черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы». «Это показывает далее, какая уйма работы предстоит нам теперь для того, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть действительно сколько-нибудь культурного уровня» [1]).

По существу же тот же подход к проблеме культуры мы видим у Ленина на протяжении, по меньшей мере, двух десятков лет (см. его книгу против Богданова, особенно заключительную главу).

Ленин к вопросу о пролетарской культуре подходил всегда, как диалектик. И поэтому культурную революцию в условиях диктатуры пролетариата он сводил прежде всего к тому, чтобы господствующий класс, т.-е. рабочий класс, овладел буржуазной культурой... Овладеть буржуазной культурой в условиях советской власти на деле — все, что нужно для победы социализма.

«Теперь... все чудеса техники, все завоевания культуры, станут общенародным достоянием...»,—говорил Ленин в заключительной речи на III Всероссийском С'езде Советов на заседании 18 января 1918 г. [2]).

«Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство—в руках специалистов и в их головах» [2]).

«Чтобы победа была полная и окончательная, надо еще взять все то, что есть в капитализме ценного, взять себе всю науку и культуру» [3]). «Задача... соединить победоносную пролетарскую революцию с буржуазной культурой, с буржуазной наукой и техникой...» [4]),—говорил Ленин через год, 13 марта 1919 г. на митинге в Ленинграде.

Нужно добиваться того, чтобы «...плоды тысячелетнего развития цивилизации не доставались кучке людей, пользующихся этим для того, чтобы выделяться и обогащаться, а доставались поголовно всем трудящимся» [5]).

Еще через год в речи на Всероссийском совещании политпросветов 3 ноября 1920 г. Ленин говорил о том, что строить социализм можно, только «овладев всей суммой знаний, которую наследовали учителя от буржуазии. Все технические завоевания коммунизма были бы без этого невозможны и была бы пуста всякая мечта об этом» [6]).

Тогда же, в 1920 году, обращаясь к комсомольцам на III Всероссийском с'езде комсомола, Ленин учил их тому, что забыл

[1]) Ленин, т. XVIII, часть 2, стр. 113.
[2]) Ленин, т. XVI, стр. 72.
[3]) Ленин, т. XVI, стр. 75.
[4]) Ленин, т. XVI, стр. 76.
[5]) Ленин, т. XVI, стр. 74.
[6]) Ленин, Социалист. революция и задачи просвещения, стр. 41.

подменивший Ленина Богдановым Вардин: «В стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя...» [1]). К тому же «скоро превратить Россию из темной, безграмотной страны в грамотную нельзя...» [2]).

И отсюда его призыв усвоить ту сумму знаний, наследием которых является коммунизм, отсюда пример Маркса, понявшего неизбежность движения к коммунизму при помощи усвоения того, что дала прежняя наука, отсюда призыв поставить себе задачу взять себе всю сумму человеческих знаний, отсюда призыв овладеть всеми современными знаниями... Овладеть, взять, усвоить, знать—вот ленинский лексикон. И дальше, «без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием всех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» [3]).

Тов. Вардин в п. 9 своих тезисов скрыл от читателей первую часть этой цитаты, приведя только ее вторую часть, начиная со слов «пролетарская культура...», он хотел этим скрыть от читателя ленинскую оценку вардинских специалистов по пролетарской культуре. Это удалось ему тем менее, чем яснее нам смысл первой части этой цитаты, после того, как ее Вардин пытался скрыть. Этот факт тем более характерен и любопытен, что вторая часть цитаты, которую Вардин привел, о закономерном развитии имеющихся запасов знаний, едва ли может быть сочетаема с вардинской теорией захвата власти пролетариатом в области искусства, или с его признанием невозможности сохранить власть без самостоятельной классовой культуры. Конечно, если не поставить себе специальной целью соединить Богданова с Лениным в едином Вардине. Товарищи вапповцы не дали даже себе труда задуматься над тем, почему и зачем Ленин противопоставляет «закономерное развитие» выдумке специалистов по пролетарской культуре.

Основную ленинскую мысль о необходимости взять всю буржуазную культуру, взять ее себе для того, чтобы победить окончательно,—мне пришлось почти в тех же словах слышать несколько раз от Владимира Ильича в октябре 1922 г., когда мы беседовали по поводу статьи Плетнева и выступления тов. Бухарина.

И об этом, наконец, в предсмертных статьях Ленин сформулировал с наибольшей точностью: «...Нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т.-е. культур чиновничьей или крепостнической и т. п.

[1]) Ленин, т. XVII, стр. 326.
[2]) Ленин, т. XVII, стр. 327.
[3]) Ленин, т. XVII, стр. 317.

В вопросах культуры торопливость и размашистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать хорошенечко на ус» [1]).

Для людей, чуждых диалектики, непонятен этот ленинский путь рождения пролетарской культуры. Им нужно, как заявляют вапповские тезисы в п. 8, обязательно «сказать новое слово, опереться на еще невиданные новые достижения». У них вся сущность в хлестких заявлениях о захвате власти пролетариатом, или в области культуры о том, что «в области идеологии, в области литературы действуют законы классовой борьбы так же, как они действуют в других областях общественной жизни...».

А о том, что говорит Ленин в течение всех годов революции, о том, как взять старую буржуазную культуру, созданную старыми общественными отношениями, они не дают себе труда подумать.

Тов. Вардину поясним сие по возможности популярно.

Сотни тысяч людей овладевают буржуазной культурой в условиях буржуазно-капиталистических стран, но еще ни в какой мере не имеется победы социализма в этих государствах.

У нас, в условиях советской власти, одного повышения грамотности, роста культурности, цивилизации миллионов людей достаточно для установления социализма.

Понятна ли вам разница, тов. Вардин и товарищи вапповцы? Если не понятна, то поясним еще немного.

У нас, когда сотни тысяч и миллионы людей станут грамотными, когда сотням тысяч станут доступными величайшие завоевания буржуазной науки и культуры, у нас, когда каждый шаг по пути роста культурности есть одновременно шаг к вовлечению новых сотен тысяч в управление государством, в дело непосредственного строительства социализма, из этого рождается и родится та пролетарская культура, с которой пролеткультовские и вапповско-вардинские измышления не имеют ничего общего.

Каждый рабочий или крестьянин-рабфаковец, который овладеет достижениями буржуазной науки, в области инженерного или архитектурного или медицинского искусства, а после применит их для строительства социалистического, а не буржуазного общества, каждый рабочий или крестьянин, который изученную им грамоту или хотя бы начатки естествознания приложит к делу общественной и культурной работы, к делу сознательного участия в строительстве советского государства, есть подлиннейший элемент новой пролетарской культуры. И именно отсюда, из усвоения миллионами лучших завоеваний буржуазной науки и культуры придет столь чаемая Вардиным «гегемония» пролетарской культуры (правда, при этом приходится сильно умерить высокомерие различного рода мелко-буржуазным интеллигентам, ныне особо гордо пред'являющим свое право на монополию в деле пролетарской культуры, но надо думать, что потеря от сего для пролетарской культуры будет не слишком большой). Для всей постановки вопроса о пролетарской культуре тов. Вардиным это отсутствие понимания истинного характера ленинской культурной революции, т.-е. диалектического характера культурного развития, особенно характерно.

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 125.

Наконец, если и теперь еще тов. Вардин не понимает, поясним эту же мысль еще по-иному.

Когда десятки литераторов пишут стихи (тут есть плохие и хорошие литераторы, больше плохих, чем хороших, больше рассуждающих о стихах, чем умеющих написать действительно понятное массам революционное стихотворение), они остаются литераторами и только литераторами, и каждого мы оцениваем по заслугам, а не по происхождению и не потому—принадлежит ли он к вапповцам или к какой-либо другой литературной группировке. Когда же миллионы людей в условиях советской власти берут буржуазную культуру, то это и есть рождение действительно пролетарской культуры. А товарищам, видящим основу революционности в заявлении о том, что в области литературы действуют те же законы классовой борьбы и проч., придется еще подумать о следующем: заменить плуг трактором, при наличии соответствующих материальных возможностей и некоторых культурных предпосылок, и можно и нужно, и опыт наш показал, что можно. А «буржуазную» физику и химию так не заменишь, здесь нужно брать, усваивать, овладевать сотням тысяч, миллионам!

Наконец, понятно, тов. Вардин?

Но, конечно, Вардину и тут море по колена. Ведь он же в п. 8 предусмотрительно признал возможность сохранения пролетарской власти только при условии, если рабочий класс «произведет такую революцию в области культурной, какую произвел он в области экономической и политической».

В области политической мы свергли власть буржуазии путем вооруженного восстания, в области экономической мы конфисковали основную массу средств производства буржуазии и передали их в руки рабочего государства, а можно ли конфисковать физику, захватить власть над Шекспиром и похож ли, наконец, ленинский призыв овладевать и усваивать буржуазную культуру на Тарасконские походы Ваппа, собиравшегося зажечь море.

На этих особенностях культурной революции, на диалектическом характере культурного развития пришлось остановиться так подробно потому, что в этом вопросе нужна полная ясность. Партии нужно знать, о какой культурной революции идет речь: о ленинской ли культурной революции, где миллионы строят социалистическое общество, или о вардинском захвате власти пролетариатом в области искусства, где несколько захолустных литераторов кричат громче всех, а довольно много талантливых пролетариев портятся в парниковых условиях пролеткультов, Ваппов и Маппов. Против того, чтобы в этих парниках «сплошь и рядом самое новейшее кривляние выдавалось за нечто новое и под видом чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры преподносилось нечто сверхестественное и несуразное» [1]), Владимир Ильич боролся всегда с величайшей страстностью. Кривлянию выдумщиков пролетар-

[1]) Ленин, Приветственная речь на 1 Всероссийском с'езде по внешкольному образованию, т. XVI, стр. 190.

В вопросах культуры торопливость и размашистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать хорошенечко на ус» [1]).

Для людей, чуждых диалектики, непонятен этот ленинский путь рождения пролетарской культуры. Им нужно, как заявляют вапповские тезисы в п. 8, обязательно «сказать новое слово, опереться на еще невиданные новые достижения». У них вся сущность в хлестких заявлениях о захвате власти пролетариатом, или в области культуры о том, что «в области идеологии, в области литературы действуют законы классовой борьбы так же, как они действуют в других областях общественной жизни...».

А о том, что говорит Ленин в течение всех годов революции, о том, как взять старую буржуазную культуру, созданную старыми общественными отношениями, они не дают себе труда подумать.

Тов. Вардину поясним сие по возможности популярно.

Сотни тысяч людей овладевают буржуазной культурой в условиях буржуазно-капиталистических стран, но еще ни в какой мере не имеется победы социализма в этих государствах.

У нас, в условиях советской власти, одного повышения грамотности, роста культурности, цивилизации миллионов людей достаточно для установления социализма.

Понятна ли вам разница, тов. Вардин и товарищи вапповцы? Если не понятна, то поясним еще немного.

У нас, когда сотни тысяч и миллионы людей станут грамотными, когда сотням тысяч станут доступными величайшие завоевания буржуазной науки и культуры, у нас, когда каждый шаг по пути роста культурности есть одновременно шаг к вовлечению новых сотен тысяч в управление государством, в дело непосредственного строительства социализма, из этого рождается и родится та пролетарская культура, с которой пролеткультовские и вапповско-вардинские измышления не имеют ничего общего.

Каждый рабочий или крестьянин-рабфаковец, который овладеет достижениями буржуазной науки, в области инженерного или архитектурного или медицинского искусства, а после применит их для строительства социалистического, а не буржуазного общества, каждый рабочий или крестьянин, который изученную им грамоту или хотя бы начатки естествознания приложит к делу общественной и культурной работы, к делу сознательного участия в строительстве советского государства, есть подлиннейший элемент новой пролетарской культуры. И именно отсюда, из усвоения миллионами лучших завоеваний буржуазной науки и культуры придет столь чаемая Вардиным «гегемония» пролетарской культуры (правда, при этом приходится сильно умерить высокомерие различного рода мелко-буржуазным интеллигентам, ныне особо гордо пред'являющим свое право на монополию в деле пролетарской культуры, но надо думать, что потеря от сего для пролетарской культуры будет не слишком большой). Для всей постановки вопроса о пролетарской культуре тов. Вардиным это отсутствие понимания истинного характера ленинской культурной революции, т.-е. диалектического характера культурного развития, особенно характерно.

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 125.

Наконец, если и теперь еще тов. Вардин не понимает, поясним эту же мысль еще по-иному.

Когда десятки литераторов пишут стихи (тут есть плохие и хорошие литераторы, больше плохих, чем хороших, больше рассуждающих о стихах, чем умеющих написать действительно понятное массам революционное стихотворение), они остаются литераторами и только литераторами, и каждого мы оцениваем по заслугам, а не по происхождению и не потому— принадлежит ли он к вапповцам или к какой-либо другой литературной группировке. Когда же миллионы людей в условиях советской власти берут буржуазную культуру, то это и есть рождение действительно пролетарской культуры. А товарищам, видящим основу революционности в заявлении о том, что в области литературы действуют те же законы классовой борьбы и проч., придется еще подумать о следующем: заменить плуг трактором, при наличии соответствующих материальных возможностей и некоторых культурных предпосылок, и можно и нужно, и опыт наш показал, что можно. А «буржуазную» физику и химию так не заменишь, здесь нужно брать, усваивать, овладевать сотням тысяч, миллионам!

Наконец, понятно, тов. Вардин?

Но, конечно, Вардину и тут море по колена. Ведь он же в п. 8 предусмотрительно признал возможность сохранения пролетарской власти только при условии, если рабочий класс «произведет такую революцию в области культурной, какую произвел он в области экономической и политической».

В области политической мы свергли власть буржуазии путем вооруженного восстания, в области экономической мы конфисковали основную массу средств производства буржуазии и передали их в руки рабочего государства, а можно ли конфисковать физику, захватить власть над Шекспиром и похож ли, наконец, ленинский призыв овладевать и усваивать буржуазную культуру на Тарасконские походы Ваппа, собиравшегося зажечь море.

На этих особенностях культурной революции, на диалектическом характере культурного развития пришлось остановиться так подробно потому, что в этом вопросе нужна полная ясность. Партии нужно знать, о какой культурной революции идет речь: о ленинской ли культурной революции, где миллионы строят социалистическое общество, или о вардинском захвате власти пролетариатом в области искусства, где несколько захолустных литераторов кричат громче всех, а довольно много талантливых пролетариев портятся в парниковых условиях пролеткультов, Ваппов и Маппов. Против того, чтобы в этих парниках «сплошь и рядом самое новейшее кривляние выдавалось за нечто новое и под видом чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры преподносилось нечто сверхестественное и несуразное» [1]), Владимир Ильич боролся всегда с величайшей страстностью. Кривлянию выдумщиков пролетар-

[1]) Ленин, Приветственная речь на 1 Всероссийском с'езде по внешкольному образованию, т. XVI, стр. 190.

своей культуры он противопоставлял всегда закономерное развитие запасов знаний, накопленных человечеством. Он ненавидел всегда игрушки наполовину барского типа и боролся с ними. И делал он это не столько потому, что была вредна сама по себе такого рода игрушка, а потому, что такие игрушки и парники отвлекали и отвлекают часто прекрасных пролетариев в мелкие боковые улицы и переулочки, в сторону от основного потока революционного рабочего движения. Так было с богдановской школой на Капри... Чудесными методами единой организационной науки из школы на Капри и из Пролеткульта должна была родиться подлинная пролетарская культура. По Вардину же это рождение всеспасающей пролетарской культуры, вне которой несть спасения для рабочего класса, вне которой невозможно сохранение рабочей гегемонии над крестьянством, происходит в его собственном закуточке, именуемом на этот раз «Всесоюзной Ассоциацией Пролетарских Писателей». Вместо реторты, где алхимики пролетарской культуры изготовляли средства спасения пролетариата на острове Капри, другая реторта, на этот раз именуемая иначе, но по существу представляющая собой старую песню, и даже не на новый, а на тот же самый богдановский лад.

Не даром ведь вокруг вопроса предоставления Вапп̆у реальной власти в культурных делах, разворачивается практическая борьба вапповцев, требующих признания «принципа гегемонии пролетарской культуры» (мы здесь не говорим уже о том, что смех разбирает при чтении таких формулировочек; надо же выдумать: гегемония пролетарской культуры! захват власти пролетариатом в области искусства!).

По существу же пролетарская культура снова сводится к данной кучке захудалых литераторов, как у Богданова она сводилась к данной кучке пролеткультовских «ученых» и «писателей». Данная кучка литераторов требует признания за ней гегемонии в области культуры! Мало того, она считает эту гегемонию условием, вне которого невозможно сохранение и укрепление пролетарской власти!

Столь отличное от ленинского отношение Всесоюзной конференции пролетарских писателей к вопросам пролетарской культуры определяется в значительной мере различными исходными оценками существующего положения. Оценка настоящего положения в области культуры Вапповской конференцией стоит не на почве действительности, а на почве фантастической выдумки, чудовищной переоценки имеющихся достижений. Резолюция эта признает бесспорный факт существования пролетарской культуры и литературы в современном обществе! (пункт 4). В пункте 3 эта пролетарская культура и литература превращается даже в пролетарскую «крепость». В пункте 12, покончив с буржуазной культурой девятью хлесткими строчками, торжественно об'является о том, что «пролетарская литература Советского Союза сложилась в единое организованное целое...» и т. д., и т. п.

Насколько антиленинским является это непринятое у большевиков хвастовство уже сложившейся якобы пролетарской культурой, читателю скажут несколько справок о том, как оценивал сложившееся положение в области культуры наш учитель:

«...мы спотыкаемся о недостаточную культурность масс...» [1]), «...некультурность принижает советскую власть и воссоздает бюрократию...» [2]), «...девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи об'ясняются недостатком образования и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем...» [3]), «...мы должны помнить, что... при нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма. Если бы народ наш был грамотный, то тогда все было бы иначе» [4]). «Вы должны помнить, что победить народом безграмотным, что победить народом некультурным нельзя» [5]). «Нужно еще строить советское хозяйство, а при этом на одной грамотности далеко не уедешь. Нам нужно громадное повышение культуры» [6]). «...в связи с новой экономической политикой надо неустанно выдвигать мысль, что политическое просвещение требует основных элементарных зачатков культуры. Надо добиться, чтобы умение читать и писать служило к повышению культуры, чтобы крестьянин получил возможность применять это умение читать и писать к улучшению своего хозяйства и своего государства» [7]).

Задачи не только осуществления социализма, но даже простой борьбы со взяткой и варварством «... без общего под'ема культуры, без того, чтобы сделать рабоче-крестьянскую массу более культурной, чем наша теперешняя, не решить» [8]).

Такую болячку, как волокита и взятка, «...нельзя вылечить военными победами и политическими преобразованиями, а можно вылечить только одним под'емом культуры» [9]).

И, наконец, «на войне можно победить в несколько месяцев, а культурно победить в такой срок нельзя, по самому существу дела тут нужен срок более длинный, и надо к этому более длинному сроку приспособиться, рассчитывая свою работу, проявляя наибольшее упорство, настойчивость и систематичность» [10]).

Сопоставьте вардинское бахвальство о том, что якобы теперь уже «обязательно признание принципа гегемонии пролетарской литературы или его щегольство «бесспорным» фактом существования пролетарской культуры с этими простыми ленинскими словами, которые исходят из оценки действительности, как она есть, и вы поймете, где лежат корни ошибок конференции. Вместо признания собственной некультурности и вытекаю-

---

[1]) и [2]) Из речи о партийной программе на VIII с'езде РКП: «Революция и культура», стр. 18—19.

[3]) Ленин, «Социалистическая революция и задачи просвещения», речь на I Всероссийском с'езде по просвещению, стр. 11.

[4]) Ленин, речь на II Всероссийском с'езде политпросветов, т. XVIII, часть I, стр. 380.

[5]) Ленин, «Социалистическая революция и задачи просвещения», речь на II Всероссийском с'езде политпросветов, стр. 58.

[6]) Ленин, речь на II-м Всероссийском с'езде политпросветов, т. XVIII, часть I, стр. 382.

[7]) Ленин, речь на II Всероссийском с'езде политпросветов, т. XVIII, часть I, стр. 382.

[8]) Ленин, речь на II Всероссийском с'езде политпросветов, т. XVIII, часть I, стр. 384.

[9]) Ленин, речь на II Всероссийском с'езде политпросветов, т. XVIII, часть I, стр. 383.

[10]) Ленин, речь на II Всероссийском с'езде политпросветов, т. XVIII, часть I, стр. 385.

щего отсюда призыва работать над ее преодолением, Вардин являет пример того коммунистического чванства, которое в действительности мешает тысячам желающих учиться талантливых рабочих расти и участвовать в деле культурной революции (ибо никакое потакание Воронского попутчикам не может принести столько вреда таким талантливым людям, как Безыменский, как вардинско-родовская идеология пролетарской культуры, уже взятой приступом пролетвапповских налетчиков, идеология уже якобы захваченной пролетариатом власти в области искусства, идеология уже якобы построенных железо-бетонных крепостей пролетарской культуры, мешающая видеть действительный недостаток элементарной культурности).

Еще одно последнее замечание. Чувствуя, очевидно, неловкость и политическую ошибочность своей позиции, пролетарские писатели в своей резолюции сочли необходимым упомянуть о крестьянстве в том пункте, где победа пролетарской культуры ими превращается в основное условие сохранения гегемонии пролетариата. При этом они не дали себе труда продумать действительное соотношение классов в нашей революции, соотношение рабочего класса и крестьянства при рабочей власти, то своеобразие пролетарской диктатуры, которое определяется тем, что эта диктатура опирается на союз рабочего класса и крестьянства и, более того, представляет собой особую форму такого союза под руководством рабочего класса.

И недаром в своем приветствии президиуму 1 Всесоюзной конференции пролетарских культурно-просветительных организаций тов. Ленин счел необходимым напомнить о том, что господство пролетариата, являющегося авангардом всех трудящихся и эксплоатируемых, необходимо для об'единения всей массы трудящихся вокруг городских рабочих, в союзе с городскими рабочими.

Простым рекламированием гегемонии пролетариата и в особенности подменой этой гегемонии гегемонией пролетарской культуры мы не делаем ни одного шага вперед по пути разрешения вопроса о соотношении рабочих и крестьян в ленинской культурной революции. Трудность культурной революции совсем не в том, что трудно сделать культурным, сознательным, грамотным и цивилизованным весь рабочий класс, трудность и вместе с тем ее основная задача в том, чтобы сумму накапливаемых рабочим классом в его борьбе за социализм знаний, навыков и идей сделать орудием воспитания не только самого рабочего класса, но и крестьян. Принципиальная негодность богдановско-вардинской точки зрения при анализе отношений классов к нашей революции определяется и тем, что роль рабочего класса, как руководителя и воспитателя миллионов крестьянских масс, затушевывается, смазывается, подменяется фантастикой пролетарской культуры, а роль авангарда, ведущего за собой все трудящиеся массы, подменяется превращением движения авангарда в самоцель, тем самым предопределяется разрыв авангарда и массы в таком решающем для судеб революции деле, как под'ем культурности масс. Великолепным примером конкретной постановки культурной проблемы является речь Ленина о задачах союзов молодежи, произнесенная им 4 октября 1920 года.

Мы не раз уже цитировали из нее отдельные части, но вся в целом, в своей генеральной мысли эта речь представляет собой образец наиболее четкой ленинской постановки вопроса. Ленин в этой речи призвал молодежь к тому, чтобы усваивать и овладевать, чтобы брать себе всю сумму человеческих знаний. А конкретно для того, чтобы страну неграмотную превратить в грамотную, нищую и убогую—в богатую, он призвал каждого парня и девушку, желающих быть коммунистами, к тому, чтобы в любой деревне, в любом городе они решали практически ту или иную задачу общего труда. По существу можно было бы ограничиться противопоставлением этой речи всем ухищрениям как Богданова, так и его последователей и опошлителей вроде Вардина.

Ибо уже здесь в основном даны два принципиально разных подхода: один—сознающий всю меру нашей некультурности, всю роль этой некультурности в задержке нашего движения к социализму, призывающий усвоить, взять всю сумму буржуазных знаний и буржуазной культуры, в полной уверенности, что именно таким путем придет рождение социалистического общества, и другой путь—полубарских игрушек гордого интеллигентского высокомерия, подменяющего задачи невиданной еще в истории человечества культурной революции кривлянием «в пролеткультах» и «ваппах».

Между этими двумя путями должен выбирать каждый пролетарий, желающий по-ленински решать культурную проблему. И ленинский лозунг 1905 года, обращенный против тогдашних мудрящих литераторов, не желавших и не умевших провести партийной линии в литературе «долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела...», обращается теперь против новых пролетвапповских сверхчеловеков, в какие бы пролетарские одежды они себя ни одевали.

Пост-скриптум. Вапповские идеологи возрожденной Богдановщины не прочь скрыться за широкую спину массы рабочих и крестьянских корреспондентов.

Для полной ясности мы должны здесь отметить следующее: рабкоровское и селькоровское движение является одним из чудеснейших подтверждений ленинского плана культурной революции. В рабкоре, и в особенности в селькоре, мы имеем прежде всего активного строителя советского государства, борца за советскую справедливость, за законность против извращений советского аппарата. Селькор и рабкор—журналисты постольку, поскольку они борются за интересы трудящихся масс пером. Также и в ленинской идее культурной революции общее повышение культурности ни на одну минуту не отрывается от задачи повышения участия рабочих и крестьян в строительстве советов. С этой точки зрения движение рабкоров и селькоров и является лучшим выражением ленинской культурной революции. И уже, во всяком случае, это движение наиболее чуждо выдумкам «пролетвапповских» алхимиков.

К национальному вопросу в Юго-Славии[1]).

(По поводу речи тов. Сталина, напечатанной в „Большевике" № 7).

1. Тов. Сталин говорил о моем понимании национального вопроса лишь на основании одной моей неполностью переведенной речи в Югославской комиссии. Поэтому вся полемика т. Сталина против моего понимания национального вопроса основана на ряде недоразумений, которые я хотел бы рассеять тем же путем.

2. В полном соответствии с духом ленинизма я рассматривал национальный вопрос вообще и в частности в конкретной исторической ситуации, в которой он возник в Юго-Славии, исключительно под углом зрения интересов пролетарской революции. Выступая против неправильной теоретической постановки вопроса Розой Люксембург, утверждавшей, что национальный вопрос в рамках капитализма вообще разрешать «невозможно», я на основании исторического опыта развивал мысль, что лишь пролетарская революция будет в состоянии, как это показывает живой пример Советской России, создать фундамент для полного и прочного решения национального вопроса. В то же время я подчеркивал необходимость для коммунистической партии активно поддерживать все национально-революционные движения, направленные против империализма, в целях ускорения пролетарской революции.

В этом, как известно, заключается сущность революционно-марксистского, ленинского понимания национального вопроса.

3. Что касается вопроса о праве на самоопределение вплоть до отделения, я никогда не утверждал, что это—вопрос академический или что он не имеет актуального значения; еще менее я ставил этот вопрос в связь с тем, требуют ли или не требуют существующие национальные течения этого права. Как раз наоборот. Я всегда всячески подчеркивал, что, безусловно, признание права на самоопределение вплоть до отделения должно быть основным принципом нашей политики в национальном вопросе. Утверждая, что кроатское и словенское национальное движение в данный момент не стремится к отделению, я к этому присовокуплял, что, в случае осложнений во внутреннем или внешнем положении, вполне возможно, что кроаты и словены иначе поставят вопрос о своем самоопределении. Поэтому коммунистическая партия и в данный момент должна безусловно и безоговорочно выступать в пользу самоопределения вплоть до отделения.

[1]) См. «Большевик» № 7, стр. 20.

Всегда защищая борьбу за право самоопределения вплоть до отделения, я в наших конкретных условиях высказывался против лозунга «Отделение во что бы то ни стало». Против этого лозунга высказывался и тов. Сталин.

4. Мой «конституционный» подход к национальному вопросу в Юго-Славии не имеет ничего общего с реформистским пониманием конституционного разрешения национального вопроса. Прежде всего я, как все марксисты, понимаю конституционную борьбу не в реформистском смысле, как борьбу в парламенте или в рамках данной конституции, а как часть общей революционной классовой борьбы пролетариата, как составную часть борьбы за завоевание власти. Поэтому антитеза тов. Зиновьева: «Национальная проблема есть вопрос революции, а не конституции» («Правда» № 83) неправильна постольку, поскольку вопрос о конституции, как я подчеркивал в своей речи в юго-славской комиссии, тоже есть вопрос революции. Когда я ссылался на то, что и Ленин требовал, чтобы право на самоопределение вплоть до отделения было гарантировано конституцией, то совершенно ясно, что я не хотел этим сказать, что Ленин понимал национальный вопрос по реформистски или страдал «конституционными иллюзиями»,—я лишь хотел предотвратить упрек, что вышеупомянутое требование вообще является реформистским. А между тем, это требование, если ставить его в ленинском духе,—как я его и поставил,—не имеет ничего общего с реформизмом.

Русские марксисты во времена царизма не посвящали особого внимания конституционному вопросу, так как этот вопрос в России не имел актуального характера. Совершенно иначе обстоит дело в Юго-Славии. Юго-Славия уже в течение 7 лет живет под знаком конституционной борьбы. В Юго-Славии конституционный вопрос стоит в центре политической жизни. Конституционная борьба потрясает основы государства. Но центральный вопрос, осложняющий вопрос конституционный и делающий невозможным его решение, есть вопрос национальный. Таким образом, национальный вопрос в конкретной обстановке Юго-Славии связан с конституционным вопросом.

Какую позицию я занял по отношению к этому положению вещей? Я подчеркивал, во-первых, что национальный и конституционный вопросы по существу являются двумя различными вопросами, дабы категорически отмежеваться от реформистских взглядов, соответственно которым национальный вопрос всегда должен быть решен в рамках «неприкосновенных» границ данного государства, и, во-вторых, что признание и обеспечение права самоопределения вплоть до отделения является предпосылкой решения конституционного вопроса в таком государстве с пестрым национальным составом, как Юго-Славия.

В этом заключается мой «конституционный» подход к национальному вопросу. Отсюда видно, что ни мое общее понимание национального вопроса, ни мой «конституционный» подход к национальному вопросу не имеют ничего общего с реформизмом.

Еще одно важное замечание: конституционная борьба в Сербии, живущей почти 100 лет при конституции, имеет революционную традицию. Во время конституционной борьбы, часто принимавшей формы открытой гражданской войны, в особенности во вторую половину истекшего столетия, были свергнуты три короля и была уничтожена вся династия Обренович. Поэтому теперешняя

конституционная борьба является чрезвычайно благоприятной отправной точкой для нашей дальнейшей революционной борьбы.

5. Большевистская теория нации, яснее и лучше всего изложенная в известной статье Сталина «Марксизм и национальный вопрос», была мною применена к конкретной ситуации в Юго-Славии. Опыт Юго-Славии всецело подтверждает правильность этой теории.

Что крестьянские массы являются носителями национального движения в Юго-Славии, что крестьянские массы сообщают этим национальным движениям их боевую мощность,—несомненный факт. В этом смысле национальный вопрос—как говорит Сталин—по сути дела есть вопрос крестьянский. В этом нет никакого сомнения. Я лишь утверждал и еще утверждаю, что национальные движения в Юго-Славии не носят аграрного характера. Я показал, что экономическая основа национальных движений в Юго-Славии связана с конкуренцией между господствующей сербской буржуазией, ведущей политику сербского капитала, и буржуазией кроатской и словенской, оттесняемой монополистической сербской государственной политикой.

Но тот факт, что крестьянские массы поставляют главную армию национальных движений, отчетливо выявляет всю важность национального вопроса для коммунистической партии, так как при отсутствии правильной позиции в национальном вопросе крестьянские массы не могут быть отвлечены от идеологического влияния национальной буржуазии, стоящей во главе национальных движений и использовывающей последние в своих классовых интересах.

Я привел также следующую цитату Сталина. Сталин говорит, подводя итог анализу национальных движений: «Из всего сказанного ясно, что национальная борьба является борьбой буржуазных классов между собой. Иногда буржуазии удается вовлечь в национальное движение и пролетариат; тогда национальная борьба по внешности принимает «общенациональный» характер, но это только по внешности. По существу своему она всегда остается буржуазной, выгодной и удобной, главным образом, для буржуазии».

Само собой разумеется, это марксистское положение не означает, что коммунистическая партия должна занять «нейтралитет» в борьбе между различными национальными буржуазиями. Напротив, коммунистическая партия должна:

а) делать ясное различие между угнетенной и угнетающей нацией, б) она должна решительно становиться на сторону угнетенной нации в ее борьбе против всех форм национального угнетения, в) она будет стремиться использовать все конфликты на этой почве в целях ускорения пролетарской революции.

6. Я с удовлетворением констатирую, что тов. Сталин в положительной части своей речи в качестве основных пунктов нашей программы в национальном вопросе формулировал именно те требования, которые я выставлял уже раньше. Как формулировка, так и мотивировка т. Сталина вполне соответствуют моей точке зрения, которая, разумеется, в легальной юго-славской прессе не могла быть ясно и до конца выражена, что дало повод к некоторым неправильным толкованиям.

И. Сталин.

Еще раз к национальному вопросу.

(По поводу статьи тов. Семича).

Можно лишь приветствовать, что тов. Семич теперь, после проделанной дискуссии в юго-славской комиссии, присоединяется в своей статье целиком и полностью к позиции делегации РКП Коминтерна. Но было бы неверно думать на этом основании, что между делегацией РКП, с одной стороны, и тов. Семичем,—с другой, не было разногласий до дискуссии или во время дискуссии в юго-славской комиссии. Тов. Семич склонен, повидимому, так именно думать о разногласиях по национальному вопросу, стараясь свести их к недоразумениям. Но он, к сожалению, глубоко ошибается. Он утверждает в своей статье, что полемика с ним основана на «ряде недоразумений», вызванных «одной, не полностью переведенной», его речью в юго-славской комиссии. Иначе говоря, выходит, что виноват тут стрелочник, почему-то переведший речь тов. Семича неполностью. Я вынужден заявить в интересах истины, что это утверждение тов. Семича совершенно не соответствует действительности. Было бы, конечно, лучше, если бы тов. Семич подкрепил это свое заявление цитатами из своей речи в юго-славской комиссии, хранящейся в архиве Коминтерна. Но он этого не сделал почему-то. Ввиду этого я вынужден проделать за тов. Семича эту, не очень приятную, но совершенно необходимую процедуру.

Это тем более необходимо, что неясностей в нынешней позиции тов. Семича даже теперь, когда он целиком солидаризуется с позицией делегации РКП, осталось все-таки немало.

Я говорил в своей речи на юго-славской комиссии (см. «Большевик» № 7) о разногласиях по трем вопросам: 1) по вопросу о путях разрешения национального вопроса, 2) по вопросу о внутреннем социальном содержании национального движения в данную историческую эпоху и 3) по вопросу о роли международного момента в национальном вопросе.

По первому вопросу я утверждал, что тов. Семич не «вполне уяснил себе основную суть постановки национального вопроса у большевиков», что он отрывает национальный вопрос от общего вопроса о революции, что он становится, таким образом, на путь, сводящий национальный вопрос к вопросу конституционному.

Верно ли все это?

Читайте следующие места из речи тов. Семича в юго-славской комиссии (30 марта 1925 г.) и судите сами:

«Можно ли сводить национальный вопрос к конституционному? Раньше всего, одна теоретическая постановка. Скажем, в одном государстве X живут три нации—A, B и C. Эти три нации из'являют желание, что они хотят жить в одном государстве. О чем же, в таком случае, идет речь? Конечно, о регулировании внутренних отношений внутри этого государства. Значит, вопрос конституционного порядка. В этом теоретическом случае, национальный вопрос сводится к конституционному... Если мы в таком теоретическом случае сводим национальный вопрос к конституционному, тогда нужно сказать, и это я постоянно подчеркивал, что самоопределение народов, вплоть до отделения, является условием разрешения конституционного вопроса. И только в такой плоскости я ставлю конституционный вопрос».

Я думаю, что эти места из речи тов. Семича не нуждаются в дальнейших комментариях. Ясно, что тот, кто рассматривает национальный вопрос, как составную часть общего вопроса о пролетарской революции, не может его сводить к вопросу конституционному. И наоборот: только тот, кто отрывает национальный вопрос от общего вопроса о пролетарской революции, только тот может сводить его к вопросу конституционному.

В речи тов. Семича имеется указание на то, что право национального самоопределения не может быть завоевано без революционной борьбы. Тов. Семич говорит: «Понятно, что такие права можно завоевать только революционной борьбой. Они не могут быть завоеваны парламентским путем, а только могут быть вызваны массовыми революционными действиями». Но что значит «революционная борьба» и «революционные действия»? Можно ли отождествлять «революционную борьбу» и «революционные действия» с низвержением господствующего класса, с захватом власти, с победой революции, как условием разрешений национального вопроса? Конечно, нельзя. Одно дело, когда говоришь о победе революции, как об основном условии разрешения национального вопроса, и совершенно другое дело, когда условием разрешения национального вопроса ставишь «революционные действия» и «революционную борьбу». Необходимо отметить, что путь реформ, путь конституционный вовсе не исключает «революционных действий» и «революционной борьбы». Решающими при определении революционного и реформистского характера той или иной партии нужно считать не «революционные действия» сами по себе, а те политические цели и задачи, во имя которых они предпринимаются и используются партией. Русские меньшевики в 1906 году, после разгона первой Думы, предлагали, как известно, организовать «всеобщую забастовку» и даже «вооруженное восстание». Но это нисколько не мешало им оставаться меньшевиками. Ибо для чего они предлагали тогда все это? Конечно, не для разгрома царизма и организации полной победы революции, а для того, чтобы «произвести давление» на царское правительство в целях завоевания реформы, в целях расширения «конституции», в целях созыва «улучшенной» Думы. «Революционные действия» для реформирования старых порядков при сохранении власти в руках господствующего класса,—это одно, это путь конституционный. «Революционные действия» для слома старых порядков, для низвержения господствующего класса, — это другое, это путь революционный, это путь полной победы революции. Разница тут коренная.

Вот почему я думаю, что ссылка тов. Семича на «революционную борьбу» при сведении национального вопроса к вопросу конституционному, не опровергает, а лишь подтверждает мое заявление о том, что тов. Семич «не вполне уяснил себе основную суть постановки национального вопроса у большевиков», ибо он не понял, что национальный вопрос следует рассматривать не изолированно, а в неразрывной связи с вопросом о победе революции, как часть общего вопроса о революции.

Настаивая на этом, я вовсе не думаю сказать, что я высказал что-либо новое об ошибке тов. Семича по этому вопросу. Ничуть не бывало. Об этой ошибке тов. Семича говорил тов. Мануильский еще на 5 конгрессе Коминтерна, заявив, что:

«В своей брошюре «Национальный вопрос в свете марксизма» и в ряде статей, опубликованных в органе юго-славской коммунистической партии «Радник», тов. Семич в качестве практического лозунга для компартии выдвигает борьбу за пересмотр конституции, т.-е. фактически сводит весь вопрос о самоопределении наций исключительно на конституционную почву» (см. стенограмму 5 конгресса, стр. 596).

Об этой же ошибке говорил тов. Зиновьев в юго-славской комиссии, заявив, что:

«В перспективе тов. Семича, оказывается, не хватает малого— революции», что национальный вопрос является проблемой «революционной, а не конституционной» (см. «Правда» № 83).

Не может быть, чтобы все эти замечания представителей РКП в Коминтерне об ошибке тов. Семича были случайными, лишенными основания. Дыма без огня не бывает.

Так обстоит дело с первой, основной ошибкой тов. Семича.

Остальные его ошибки непосредственно вытекают из этой основной ошибки.

По второму вопросу я утверждал в своей речи (см. «Большевик» № 7), что тов. Семич «не хочет рассматривать национальный вопрос, как вопрос по сути дела крестьянский».

Верно ли это?

Прочтите следующее место из речи тов. Семича в юго-славской комиссии и судите сами:

«В чем заключается,—спрашивает тов. Семич,—социальный смысл национального движения в Юго-Славии?» И отвечает там же: «Это социальное содержание состоит в конкурентной борьбе между сербским капиталом, с одной стороны, и кроатским и словенским—с другой» (см. речь тов. Семича в юго-славской комиссии).

Что конкурентная борьба словенской и кроатской буржуазии с сербской буржуазией не может не играть тут известной роли,—в этом, конечно, не может быть сомнения. Но столь же несомненно и то, что человек, усматривающий социальный смысл национального движения в конкурентной борьбе буржуазии разных национальностей, не может рассматривать национальный вопрос, как вопрос по сути дела крестьянский. В чем состоит суть национального вопроса теперь, когда национальный вопрос из вопроса местного и внутри-государственного превратился в вопрос мировой, вопрос о борьбе колоний и зависимых национальностей против империализма? Суть национального вопроса состоит теперь в борьбе народных масс колоний и зависимых национальностей против финансовой эксплоатации, против политического порабощения и культурного обезличения этих колоний и этих национальностей со стороны империалистической буржуазии господствующей национальности. Какое значение может иметь при такой постановке национального вопроса конкурентная борьба буржуазии разных национальностей между собой? Безусловно не решающее, а в некоторых случаях, даже не важное. Совершенно очевидно, что речь идет здесь, главным образом, не о том, что буржуазия одной национальности побивает, или может побить в конкурентной борьбе буржуазию другой национальности, а о том, что империалистская группа господствующей национальности эксплоатирует и угнетает основные массы, и, прежде всего, крестьянские массы колоний и зависимых национальностей, а угнетая и эксплоатируя их, она тем самым вовлекает их в борьбу с империализмом, делает их союзниками пролетарской революции. Нельзя рассматривать национальный вопрос, как вопрос по сути дела крестьянский, если социальный смысл национального движения сводится к конкурентной борьбе буржуазии разных национальностей. И наоборот: нельзя усматривать социальный смысл национального движения в конкурентной борьбе буржуазии разных национальностей, если рассматриваешь национальный вопрос, как вопрос по сути дела крестьянский. Провести знак равенства между этими двумя формулами нет никакой возможности.

Тов. Семич ссылается на одно место в брошюре Сталина «Марксизм и национальный вопрос», написанной в конце 1912 г. Там сказано, что «национальная борьба является борьбой буржуазных классов между собою». Этим он, видимо, пытается намекнуть на правильность своей формулы определения социального смысла национального движения в данных исторических условиях. Но брошюра Сталина писана до империалистской войны, когда национальный вопрос не являлся еще в представлении марксистов вопросом общемирового значения, когда основное требование марксистов о праве самоопределения расценивалось не как часть пролетарской революции, а как часть буржуазно-демократической революции. Смешно было бы не видеть, что с тех пор международная обстановка изменилась в корне, что война, с одной стороны, и октябрьская революция в России, с другой стороны, превратили национальный вопрос из частицы буржуазно-демократической революции в частицу пролетарско-социалистической революции. Еще в октябре 1916 г. в своей статье об «Итогах дискуссии» Ленин говорил, что основной пункт национального вопроса о праве на самоопределение перестал составлять часть обще-демократического движения, что он уже превратился в составную часть обще-пролетарской, социалистической революции. Я уже не говорю о дальнейших трудах по национальному вопросу как Ленина, так и других представителей русского коммунизма. Какое значение может иметь после всего этого ссылка т. Семича на известное место в брошюре Сталина, писанной в период буржуазно-демократической революции в России, теперь, когда мы вступили в силу новой исторической обстановки в новую эпоху, в эпоху мировой пролетарской революции? Она может иметь лишь то значение, что тов. Семич цитирует вне пространства и времени, вне зависимости от живой исторической обстановки, нарушая тем самым элементарные требования диалектики и не считаясь с тем, что правильное в одной исторической обстановке может оказаться неправильным в другой исторической обстановке. Я уже говорил в своей речи в юго-славской комиссии, что в постановке национального вопроса у русских большевиков надо различать две стадии: стадию дооктябрьскую, когда речь шла о буржуазно-демократической революции, а национальный вопрос рассматривался, как часть обще-демократического движения, и стадию октябрьскую, когда речь шла уже о революции пролетарской, а национальный вопрос превратился в составную часть пролетарской революции. Едва ли нужно доказывать, что это различение имеет решающее значение. Боюсь, что тов. Семич все еще не уяснил себе смысла и значения этого различия между двумя стадиями в постановке национального вопроса.

Вот почему я думаю, что в попытке тов. Семича рассматривать национальное движение не как вопрос по сути дела крестьянский, а как вопрос о конкуренции буржуазии разных национальностей,—«кроется недооценка мощи национального движения и непонимание его глубоко народного, глубоко революционного характера» (см. «Большевик» № 7).

Так обстоит дело со второй ошибкой тов. Семича.

Характерно, что то же самое говорит об этой ошибке тов. Семича тов. Зиновьев в своей речи в юго-славской комиссии, заявляя:

«Неправильно утверждение тов. Семича, что в Юго-Славии крестьянское движение возглавляется-де буржуазией и поэтому оно не революционно» (см. «Правда» № 83).

Случайно ли это совпадение? Конечно, нет!

Опять-таки: дыма без огня не бывает.

Наконец, по третьему вопросу я утверждал, что тов. Семич делает «попытку трактовать национальный вопрос в Юго-Славии вне связи с международной обстановкой и с вероятными перспективами в Европе».

Верно ли это?

Да, верно. Ибо в своей речи тов. Семич не сделал даже отдаленного намека на то, что международная обстановка в современных условиях особенно в отношении Юго-Славии является важнейшим фактором в деле разрешения национального вопроса. Тот факт, что само юго-славское государство сложилось в результате свалки двух основных империалистических коалиций, что Юго-Славия не может выскочить из той большой игры сил, которая происходит ныне в окружающих государствах империализма, —все это осталось вне поля зрения тов. Семича. Ссылка тов. Семича на то, что он вполне мыслит известные изменения в международной обстановке, в силу которых вопрос о самоопределении может стать вопросом актуально-практическим,—эта ссылка должна быть признана теперь, в данной международной обстановке, уже недостаточной. Дело теперь вовсе не в том, чтобы признать при известных изменениях в международной обстановке возможного и далекого будущего актуальность вопроса о праве наций на самоопределение,—это могли бы перспективно признать теперь, в случае нужды, даже буржуазные демократы. Дело теперь не в этом, а в том, чтобы не превращать нынешние, сложившиеся в результате войн и насилий, границы юго-славского государства в исходный пункт и законную базу разрешения национального вопроса. Одно из двух: либо вопрос о национальном самоопределении, т.-е. о коренном изменении границ Юго-Славии, является *привеской* к национальной программе, бледно вырисовывающейся из далекого будущего, либо он является *основой* национальной программы. Ясно, во всяком случае, что пункт о праве на самоопределение не может быть одновременно *и* привеской, *и* основой национальной программы юго-славской компартии. Боюсь, что тов. Семич все еще продолжает рассматривать право на самоопределение, как перспективную привеску к национальной программе.

Вот почему я думаю, что тов. Семич отрывает национальный вопрос от вопроса об общей международной обстановке, ввиду чего у него вопрос о самоопределении, т.-е. об изменении границ Юго-Славии, является по сути дела вопросом не актуальным, а академическим.

Так обстоит дело с третьей ошибкой тов. Семича.

Характерно, что то же самое говорит тов. Мануильский об этой ошибке тов. Семича в своем докладе на 5 конгрессе Коминтерна:

«Основной предпосылкой всей постановки национального вопроса тов. Семичем является мысль о том, что пролетариат должен брать буржуазное государство *в тех границах, какие созданы в нем рядом войн и насилий*» (курсив мой. *И. Ст.*) (см. стенограмму 5 конгресса Коминтерна, стр. 597).

Можно ли считать это совпадение случайным совпадением? Конечно, нельзя!

Еще раз: дыма без огня не бывает.

А. Гольцман.

Электрификация и электропромышленность.

«...Это — вторая программа нашей партии».

Н. Ленин. Речь на VIII С'езде Советов.

«...Нащупали ли вы уже электрификацией мужика».

Н. Ленин в беседе с **Гольцманом**.

«...С электрификацией пора уже покончить».

Замечание «ответственного» работника.

I.

Минувший 1923—24 хозяйственный год был переломным для дела электрификации нашей страны. Еще 2—3 года назад вместо слова «электрификация» очень и очень многие ответственные товарищи произносили, несколько греша против правил словообразования, «электрофикция». Всего ¾ года назад мне лично приходилось слышать от некоторых ответственных товарищей, что с «электрофикцией» нужно покончить. Это говорилось как раз в то время, когда электрификация переживала свой переломный момент, своеобразный кризис роста, завершающийся на наших глазах полным триумфом, признанием «де-юре» и «де-факто» идеи электрификации. Как раз 1923—24 год показал, что наши успехи в области электрификации столь серьезны, что уже сейчас самые заядлые скептики перестали думать не только о возможности покончить с «электрофикцией», но и об уменьшении масштаба работ.

Чем это об'ясняется?

Отчасти и преимущественно—общим сдвигом в промышленности страны, имевшим место в 1923—24 году. Известно, что первые два года нэпа, 1921 и 1922 г.г., были подготовительными годами для решительного сдвига промышленности, наступившего в 1923—24 операционном году. С другой стороны, перелом обусловливался специально еще тем обстоятельством, что как раз в 1925 г. вступает в действие первая группа районных электростанций, заложенных три и четыре года назад. До настоящего времени имел место неизбежный при всяких крупных строительных работах односторонний процесс предварительного расходования средств и лишь в нынешнем году мы получаем первый эффект произведенной работы—электрическую энергию с больших районных станций.

Вступившие до сего времени в действие районные станции, Каширская и Киселовская, не могли сыграть решающей роли в балансе электрохозяйства своих районов, так как они являются стан-

циями как раз наименьшей мощности из всей группы строящихся правительством станций. Кашира обладает установленной мощностью в 12 тысяч киловатт, что при суммарной мощности станций, обслуживающих Московский район (станции МОГЭС'а) в 100.000 квт., конечно, не имеет крупного значения. То же приходится пока сказать и о Кизеловской станции, хотя, как будет упомянуто в дальнейшем, ей предстоит сыграть в самое ближайшее время довольно большую роль. Ее установленная мощность равна 6.000 квт.

В противоположность этим небольшим станциям в конце 1925 г. и в начале 1926 г. начинают функционировать следующие станции общественного значения:

Название.	Район.	Установл. мощн.
Волховская	Ленинград	56.000 квт.
Шатура	Москва	48.000 » [1])
Балахна	Н.-Новгород	20.000 »
Штеговская	Донбасс	20.000 »
Земо-Авчалы	Тифлис	12.000 »

Всего 156.000 киловатт.

Кроме того расширяются добавочными машинами:

„Красный Октябрь" (Ленинградский район) . . . . на 10.000 квт.

„Электропередача (Московский район) . . . . » 16.000 »

Всего . . . . . на 26.000 квт.

Итак, одни только станции, имеющие районный характер, т.-е. общегосударственное значение, дают приход энергии в 182.000 квт. Как велико значение этого факта, читатель сможет понять, если вспомнит, что установленная мощность всех станций общественного пользования [2]) до начала электрификационных работ равнялась всего 475.000 киловатт. Вступающие в нынешнем году станции дают, следовательно, прирост, примерно, в 38,3% к наличному резерву электрической энергии. Такой прирост вносит уже переворот в энергетическое хозяйство обслуживаемых районов. Вступление Волхова или Шатуры, несомненно, имеет революционизирующее значение для электроснабжения Ленинграда и Москвы, тем более, что их энергия значительно дешевле электрической энергии действующих станций.

Однако этим не ограничивается прирост источников энергии, выпадающий на нынешний год. До сих пор речь шла только о станциях, строящихся полностью или частично за счет правитель-

---

[1]) Из них 32 т. квт. нынешним летом и 16 т. к весне 1926 г.

[2]) Станциями общественного пользования называются электр. станции, отпускающие энергию на рынок, т.-е. фабрикам, заводам, трамваю, в жилые помещения и пр. Им противостоят станции ф.-заводские и транспортные, имеющие специальную цель—обслуживания данного пре приятия. По мере проникновения социалистических начал в промышленное строительство деление станций на ст. обществ. пользования и специальные должно отпасть, так как обе категории должны взаимно обслуживать своим резервом потребителя по распределению, заранее разрабатываемому плановыми органами. Само это подразделение носит на себе печать капиталистического происхождения.

ственных ассигнований и имеющих значение для целого района. Помимо этих станций, имеющих общегосударственное значение, имеем также ряд сооружений, так сказать, местного значения (хотя должны тут же оговориться, что деление станций па «общегосударственные» и «местные» имеет чисто условный характер). Станции этого рода сооружаются коммунальными органами, исполкомами, союзными республиками или крупными предприятиями. Стремление этих «местных» органов к электрификации обнаруживает особенную силу именно в 1924 году. Причина ясна. Она лежит в общем хозяйственном под'еме страны, в оздоровлении местного бюджета, вообще в переживаемом страной периоде первоначального социалистического накопления, позволяющего «инвестировать» средства в новостройки и др. капитальные работы. Между тем, можно сказать с уверенностью в группе новостроек электростанции почти всегда отдается предпочтение.

К сожалению, мы не располагаем точными сведениями о происходящих сооружениях этого рода и вынуждены дать здесь читателю справку лишь о важнейших работах. Имеем следующие основные строительства:

Название станций.	Район.	Установл. мощн.
Ляпинская	Ярославль	10.000 квт.
Свердловская	Свердловск	6.000 "
Ново-Николаевск.	Зап. Сибирь	1.000 "
Кондопожская	Карелия	4.000 "
Эриванская	Армения	3.850 "
Ленинаканская	"	1.470 "
		26.320 квт.

Кроме того, упомянем основные расширяющиеся станции в Баку, Грозном, Ростове н/Д. и на Урале, всего 37.200 квт. Перечень этот далеко не полон. Однако и он дает прирост в 63,5 т. квт., а вместе с районными станциями—230,3 т. квт., или около 50% к действующим станциям общественного пользования.

Очевидно, что электрификация промышленности и коммунального хозяйства в 1924 и теперь в 1925 г.г. начинает свои юные дни и в своей деятельности проявляет поистине комсомольскую энергию, и это вполне понятно, ибо электрическая энергия проталкивала еще до войны путь в промышленность бойкими и решительными шагами, а теперь она завоевывает свое место с большей энергией, силой и быстрым темпом, нежели всякая иная механизация, если угодно сравнивать эти две отрасли механизации.

Как правило (не имеющее, к счастью, пока исключений), каждая новая станция дает энергию по значительно более дешевой цене, чем действующие. Этим создается стимул для промышленных, коммунальных и пр. предприятий к электрификации своего производства. Так, например, вступление Волховской станции дает решительный сдвиг в средней цене энергии по Ленинграду. При предварительных подсчетах приняты во внимание удорожающие влияния действующих электростанций и выплата %% на затраченный капитал. При всем том стоимость киловатт-часа энергии для промышленных предприятий Ленинграда должна уменьшиться, благодаря вступления Волхова, с 9 к. до 3,5 к. Подсчитано, что экономия на электроэнергии должна составить по Ленинграду около 13 м. р. за год. Шатура понижает среднюю цену энергии по Москве на 18%. Штеровская станция даст рудникам и заводам ток по цене не менее, как в два раза дешевле вырабатываемой ими на собственных станциях. То же самое нужно сказать об остальных станциях.

Такое удешевление электрической энергии вызывает громадный прирост спроса на нее. Здесь нужно отметить поразительное совпадение момента решительного перелома в развитии нашего хозяйственного под'ема с моментом окончания крупнейших электрических сооружений. Рост хозяйственного восстановления в 1925 году должен быть признан еще более бурным, чем в 1924 г. Темп возрождения страны, восстановления и расширения предприятий приобретает американский размах. Повидимому, нынешний операционный год даст увеличение продукции по сравнению с 1923—24 годом не менее, чем на 60%. Такие скачки не наблюдаются ни в одной стране. Бурный темп восстановления (и мы в праве сказать—расширения) промышленности в нынешнем году сразу рассеял все сомнения в том, найдут ли строящиеся электростанции потребителей. Такие сомнения имели место летом 1924 г. Теперь уже, однако, очевидно, что темп возрастания спроса на электроэнергию опередил и оставил позади себя наши строительные возможности. Не успели закончиться постройкой станции, как приходится ставить вопрос об их расширении. Станции вызывают к жизни новые промышленные предприятия. Всего рельефнее это видно на примере Нижегородской и Кизеловской станций, около которых начинают строиться новые заводы, правильно рассчитывающие на получение дешевой энергии в обильном количестве. Такая станция, как Кизеловская, является в этом смысле пионером промышленного возрождения в своем районе, ибо этот район позднее других оправляется от разрушений империалистической и гражданской войн.

II.

Одной из важнейших составных частей электрификации СССР является электрификация сельского хозяйства. Новый свет на роль сельской электрификации проливает опубликованный в № 7 «Большевика» конспект В. И. Ленина его брошюры о продналоге. Касаясь вопроса развития мелкого индивидуального крестьянского хозяйства и связанных с этим опасностей для укрепления социалистического строя, В. И. пишет: «Страшен ли социализму «индивидуализм» крестьянина? Его свободная торговля? Нет».

Почему не страшен? Не считает ли В. И. безопасным этот индивидуализм при всяких условиях, безотносительно к экономической политике советского государства? Можно ли считать, что индивидуализм изживается сам по себе, в силу «имманентных» законов экономики рабоче-крестьянской страны? Если бы мы придерживались такого взгляда, мы пришли бы к фатализму. Тогда нам, кроме чисто политических мер, направленных к усилению советского аппарата, не нужно было бы ни о чем печалиться. Однако В. И. понимает дело не так. Индивидуализм сельского

хозяйства для него «страшен». Он не обольщается фразами и иллюзиями охвата крестьянского хозяйства «советской системой». Ища выхода принципам социалистического строительства в стране мелкобуржуазного сельского хозяйства, В. И. приходит к выводу, что условием, обеспечивающим социальное перерождение земледелия, является электрификация. Он пишет следующее: «Электрификация: мерило. Отдаленный план, но план и (ergo) критерий. Всякий план есть мерило, критерий, маяк, веха. Если электрификация (произойдет. *А. Г.*) через 10—20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля его в местном обороте. Если не (произойдет. *А. Г.*) электрификация, все равно неизбежен возврат к капитализму». Так пишет Владимир Ильич. А несколькими строками ниже, обобщая свои мысли, он еще более крепко их подчеркивает: «Aut—aut. Tertium non datur» (Или—или. Третьего не дано).

Эти несколько мыслей В. И. о сельской электрификации нужно зарубить себе на носу как нашим доморощенным пессимистам, произносящим вместо «электрификация» «электрофикция», так и ура-оптимистам, надеющимся, что «социализм сам вывезет» и «неизбежно разовьется» по Эрфуртской программе. Теперь становится понятным, почему В. И. назвал план электрификации второй программой нашей партии, почему он считал его решающим моментом в развитии нашей страны на пути к коммунизму.

Тяга крестьянского населения к электрификации достаточно велика. Однако это стремление электрифицироваться до сих пор не приняло в достаточной мере организованных форм. Можно сказать без натяжки, что электрификация сельского хозяйства есть наиболее слабое место в общей системе нашей электрификации и даже более того, в противовес всем прочим областям электрификации, эта область до сих пор не сдвинута с мертвой точки. В первый год после октябрьского переворота, в особенности после 8 С'езда Советов, когда вопросы электрификации были со всей остротой поставлены в порядок дня авторитетом Владимира Ильича, сельская электрификация обнаруживает довольно значительный рост. Однако это усиление сельско-хозяйственной электрификации в период военного коммунизма об'ясняется в значительной мере возможностью бесплатного получения кое-какого электрического оборудования с фабрично-заводских и иных станций, останавливавшихся и закрывавшихся вследствие разрухи того времени.

Приводимая на стр. 35 таблица дает характеристику движения сельской электрификации по годам, начиная с 1917 года, по 1924 год.

Таблица подтверждает указанное влияние периода военного коммунизма и вместе с тем показывает, что с об'явлением новой экономической политики, когда иссякла возможность бесплатного получения электрического оборудования, число строящихся станций для сельской электрификации обнаруживает падение. Первые 2 года новой экономической политики были не совсем удачны для народного хозяйства. Однако, уже начиная с 1923 года, обнаруживается дальнейший рост сельской электрификации, при чем характерным является также отражающееся в таблице повышение средней мощности строящихся сельских станций. Оче-

Таблица № 1.

Рост числа и мощности сельских электростанций общественного пользования за 1917—1924 г.г.

I.	II.	III.	IV. Было построено в течение																V.		VI.
№№ по порядку.	Наименование данных.	Состояло к началу 1917 года.	1917 г.		1918 г.		1919 г.		1920 г.		1921 г.		1922 г.		1923 г.		1924 г.		Итого прирост за 1917—1924 г.г.		Состояло на 1 января 1925 г.
			Абс.	% к числу графы III.	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	
1	Число станций . . .	103	5	4,8	9	8,7	20	19,4	97	94	78	75,3	9	8,7	25	24,3	36	35	279	270	382
2	Общая мощность квт.	3.833	80	2,1	136	3,5	413	10,8	1.359	35	995	26	129	3,4	1.183	30,8	1.775	46,3	6.070	158	9.903
3	Средняя мощность станц. квт. . . .	36	16	—	15	—	21	—	14	—	13	—	14	—	47	—	49	—	22	—	26

видно, что в области сельской электрификации мы несомненно превзошли как по абсолютным величинам, так и по темпу развития то, что мы имели при царизме. Количество станций увеличилось более чем в $3^1/_2$ раза, их мощность возросла в $2^1/_2$ раза.

Начиная с 1923 года, стремление к электрификации сельского хозяйства обнаруживается с новой силой; одновременно с этим начинаются первые попытки помощи сельскому населению для целей электрификации. В Москве организуется ряд обществ, имеющих целью сельскую электрификацию, при чем с первых же дней организации этих обществ к ним начинают поступать заявления и ходатайства со стороны сельского населения.

Таблица № 2 дает характеристику заявок на электрификацию и их удовлетворение за $1^1/_2$ года, с середины 1923 года по 1924 г.

Таблица № 2.

Заявки на сельскую электрификацию и их удовлетворение за период 1923 и 1924 г.г.

Учрежден., получивш. заявки.	Количество заявок.	Из них принят. к выполн.	% удовлет.
Электрокредит	600	51	8,5
Э. Т. Ц. Р.	400	36	9,0
Электроэксплоатац.	400	24	6,0
Электросельстрой	200	24	12,0
Элмаштрест	100	18	18,0
	1.700	153	9,0

Как видно из таблицы, удовлетворение заявок центральными организациями равняется ничтожной величине: в то время как заявок поступило около 1.700 (в таблице цифры приведены с округлением)—удовлетворено только 153 заявки.

Что показывают эти цифры?

1) Очевидно, громадная масса заявлений местных сельских организаций не имеет под собой твердой экономической почвы. Помимо одного желания электрифицироваться для проведения электрификации в жизнь требуется еще и накопление достаточных рессурсов, с помощью которых работа может быть доведена до конца. Между тем, на деле во многих случаях первый порыв электрификации обрывается вследствие различных, подчас случайных, трудностей. Вместо того, чтобы предварительно собрать солидные средства, обеспечивающие доведение строительства до конца, многие крестьянские общества и кооперативы по электрификации, возбуждают ходатайства перед центром об электрификации в надежде на то, что стоит только начать работу, а там «как-нибудь» дойдет до конца. Мы имели один из наиболее печальных примеров такого легкого отношения к делу на опыте с Рузаевской электростанцией. Станция не была доведена до конца вследствие неправильного подхода местных властей, не сумевших организовать в достаточной мере крестьянское население для проведения электрификации. Если к этому неправильному подходу местных властей присовокупить также в корне неправильный прием, примененный одной из центральных организаций, работавших в Рузаевском деле, то станет ясным, почему станцию, имевшую, казалось бы, блестящие экономические перспективы, пришлось продавать с молотка.

2) Ничтожное, прямо нищенское состояние касс центральных электрифицирующих организаций. Поскольку вся страна переживает только первоначальный период социалистического накопления, постольку в еще более зачаточном состоянии находится накопление капиталов, могущих быть употребленными на сельскую электрификацию. Электростроительные работы требуют предварительного авансирования довольно крупных капиталов, амортизирующихся в течение долгого периода лет. Таких капиталов страна не накопила; в частности, таким капиталом не располагают и центральные организации, работающие в области электрификации.

Упомянутые в таблице № 2 организации располагают до смешного ничтожными капиталами. Не касаясь двух промышленных трестов—Э. Т. Ц. Р. и Элмаштрест,—бьющихся как и большинство государственных трестов в тисках недостатка оборотных средств, остальные организации располагают следующими основными капиталами:

Электросельстрой . . . . 2.000.000 рубл.
Электроэксплоатация . . . . 2.000.000 рубл.

Электрокредит, ныне преобразованный в Электробанк, располагал к середине 1924 г. капиталом в 2.000.000 руб., а теперь имеет фактически собранного капитала 7.000.000 рубл.

Ясно, что этими капиталами, при отсутствии сколько-нибудь значительных вкладов со стороны населения, дело электрификации не может быть значительно продвинуто вперед. Этим об'ясняется заявление Электробанка, что до 40% поданных ему заявок на сельскую электрификацию являются экономически обоснованными, но не могут быть им удовлетворены за недостатком средств.

Все сказанное заставляет относиться с чрезвычайной осторожностью и продуманностью к попыткам сельской электрификации. До сих пор имело место слишком много случаев неудачных попыток, приводивших в конечном счете к дискредитации идеи электрификации. Не вдаваясь здесь в детальный анализ причин имевших место неудач, укажем только некоторые основные положения.

Первое: электрификация с осветительными целями до сих пор нигде себя не оправдала. С точки зрения экономического ведения дела станций осветительная нагрузка не является выгодной. Это вполне понятно, так как отпуск энергии для осветительной цели производится исключительно в вечерние часы, вследствие чего расходы на постройку и оборудование станций не могут себя своевременно оправдать. Этот факт нерентабельности станций, предназначенных для осветительных целей, должен служить важным предостережением для всех товарищей, стремящихся к проведению электрификации на селе.

Второе: электрификация чисто земледельческих работ в тесном смысле слова так же нерентабельна. Причина лежит в нерегулярном и непостоянном отпуске энергии. Условием рентабельности станции является максимальная нагрузка ее потребителями электроэнергии. Нагрузка не должна падать ниже известного % использования установленной мощности станции, при чем обычно

этот % не так уже велик. Считая, что обычный год содержит 365×24=8.760 часов, принимают, что число часов полной нагрузки оборудования станции должно достигать 25—30%, т.-е. должно доходить до 2.900 часов. Такая нагрузка станции считается приличной. Однако земледельческие работы в собственном смысле не могут дать такой нагрузки. Весь зимний период проходит без использования станции или со столь незначительным использованием, что теряет выгодность ее сооружения. Далее, необходимо учесть также и то обстоятельство, что такие работы, как, например, электропахота, по неизбежности ограничены в территориальном отношении, так как электроплуг не может быть оторван от электрического провода, соединяющего его со станцией. Такое территориальное ограничение уменьшает его конкурентоспособность по сравнению, например, с трактором, который может обслуживать бóльшую группу селений.

Третье: при указанных выше обстоятельствах сельской станции нужно искать себе постоянного потребителя, функционирующего круглый год. Такой потребитель может быть только промышленным предприятием, т.-е. либо кустарным промыслом, либо кооперативом по переработке земледельческих продуктов, либо даже частным (например, кулацким) промысловым предприятием. Таких предприятий в нашей деревне теперь уже довольно много. К началу 1925 г. в Республике насчитывалось около 40.000 первичных кооперативов с числом членов свыше 3.000.000 человек. Минин в «Вестнике С.-Х. Кооперации» № 11—12 за 1924 г. приводит следующее распределение важнейших кооперативов, могущих представлять для нас интерес с точки зрения электрификации.

Таблица № 3.

Основные промысловые кооперативы на 1/I 1924 г.

Наименование товариществ.	Число.	Число фиг. лиц.	Наименование. товариществ.	Число.	Число фиг. лиц.
Молочные	188	15.544	Маслод. и сыровар.	645	62.000
Льноводные	16	768	Картофелед.	62	21.339
Свекло-сахарн.	36	4.010	Винодельческ.	9	1.500
Табак. и хлопк.	92	92.558	Кустарн.-промысл.	631	25.276

Территориальное распределение этих кооперативов, равно как и иных промышленных предприятий, тяготеющих к деревне, неравномерно. Следовательно, неравномерным будет также распространение сельской электрификации. В одних районах Республики она будет прививаться и наслаиваться более или менее густо, в то время как в других она будет задерживаться соответственно общему темпу хозяйственного возрождения и индустриализации села.

Разумеется, деревни, располагающие так наз. промышленной нагрузкой для электростанции, могут без ущерба и, наоборот, с полным экономическим расчетом проводить и осветительные работы, равно как электропахоту и др. виды земледельческой электрификации. Если «осветительная» и земледельческая электрификации невыгодны сами по себе, то в комбинации с промышленным потребителем они являются особо выгодными, так как увеличивают степень использования станции, при чем именно в такие часы и в такие периоды года, когда промысла переживают обычное затишье.

Но помимо этих соображений из приведенных фактов с очевидностью вытекает и тот вывод, что только с помощью государственной финансовой поддержки можно сдвинуть с мертвой точки дело электрификации села. Ясно, что с капиталами вроде приведенных выше дело не пойдет значительно вперед. Не только впрочем в СССР. Оказывается, что буржуазные правительства давно уже осознали необходимость финансовой поддержки сельской электрификации—конечно, у себя дома. Так, например, во Франции образован в 1923 г. фонд сельской электрификации в 600.000.000 франков. Из него выдано в 1923 г. 40 м. фр., что при современной французской валюте составляет около 14 м. рублей. В Швеции правительство выдает долгосрочные ссуды для сельской электрификации из 35%. Срок ссуды доходит до 40 лет и выше. За пятилетие 1918—1923 г.г. выдано 31.500.000 крон. В Италии установлен фонд для субсидирования сельской электрификации в 400.000.000 лир. В 1923 г. выдано 65 милл. лир. Аналогичные данные можно привести из практики большинства западно-европейских государств.

В СССР специально на сельскую электрификацию средства до сих пор не ассигновывались. Было бы, однако, неправильно продолжать эту «практику» впредь. Теперь государство должно выступить с сильной финансовой поддержкой растущей инициативы сельского населения. Оно может опираться в своей работе на группу обществ, возникших по почину различных организаций; кроме того, на местах опорой государственной деятельности в области электрификации являются кооперативы по электрификации, возникающие в довольно большом количестве. В центре движения связующим звеном между государством и населением должен быть Электробанк.

III.

Усиленный рост электрификации, выраженный в изложенном выше расширении станций общественного пользования сельской электрификации, а также в постройке новых трамваев, усилении и улучшении средств связи (вспомним хотя бы радио) означает усиление спроса на электротехнические изделия. Электротресты считают, что каждый устанавливаемый заново киловатт-энергии вызывает дополнительные расходы на производство принимающих ток моторов, на распределительное устройство и проводку в среднем до 200 рублей. Исходя из приведенного выше расчета прироста устанавливаемой мощности получаем следующую (безусловно примерную, отнюдь не точную) цифру емкости рынка на изделия сильного тока:

230.000 × 200 = 46 милл. рублей (довоенн.).

На деле емкость рынка значительно выше, ибо в цифру 230 т. не вошла, как помнит читатель, сельская электрификация, расширение трамвайной сети, восстановление фабрично-заводских

станций и пр. Общая емкость электротехнического рынка исчисляется на 1924—25 операц. год в 90,2 милл. довоенных рублей.

Имеем ли мы, однако, собственную электротехническую промышленность, и если имеем, то в какой мере? «Русская электропромышленность,—говорит Н. Ванаг[1]),—беря свое начало в первое десятилетие XX века, еще в пеленках попадает в об'ятия банкового капитала».

Этот капитал был, однако, нерусского происхождения и тесно связан с электротехническими иностранными фирмами: А. Е. Г. и Сименс-Шуккерт в Германии, Эриксон в Швеции, различными электропромышленными фирмами Франции и т. п.

В таблице № 4 даны заимствованные у П. В. Оля сведения о роли заграничного капитала в организации российской электропромышленности.

Таблица № 4.

Участие иностранного капитала в Российской электропромышленности.

№№ попор.	ФИРМА.	Какой иностранн. капитал.	Сколько было вложено капитала.	
			Акц. капит. (в тыс. р.).	Облигац.
1	Сименс-Шуккерт	Германский	12.000	—
2	Сименс-Гальске	»	6.500	—
3	Сев. Кабельн. зав.	»	4.800	—
4	Всеобщ. К° Электричества	»	10.800	1.473
5	«Тюдор» Акк. З.	»	2.000	—
6	Сименс-Шуккерт	Австрийский	1.000	—
7	Дюфлон и Констант.	Французский	1.200	—
8	Русск. О-во беспр. телеф. и телегр.	Английский	2.000	—
9	То же	Итальянский	500	—
10	Эриксон	Шведский	3.600	—
			44.400	1.473
		Всего	45.873 тыс. руб.	

Приведенные цифры не совсем полны, но достаточны для характеристики степени заинтересованности иностранцев в нашей электропромышленности. Выражаясь грубо, можно сказать, что весь капитал, вложенный до революции в «русскую» электропромышленность, был нерусского происхождения.

Нас здесь не интересует, господствовал ли финансовый капитал над промышленными фирмами или наоборот. Важно, что заводы, расположенные на территории России, не только в финансовом, но и в техническом отношении находились в полной зависимости от своих иностранных патронов. Так как иностранные фирмы были заинтересованы в большей мере в ввозе в Россию изделий своего производства, чем в постановке туземного производства, то они, естественно, стремились использовать русские заводы для сборки частей, привозимых из-за границы, или, во всяком случае, для производства наиболее упрощенных изделий, оставляя в своих руках «секреты производства». Так создалась не только финансовая и организационная, но и техническая русская зависимость российской электропромышленности от иностранной, преимущественно немецкой и шведской.

[1]) „Финанс. капитал в России накануне войны", стр. 149. Там же Н. Ванаг ошибочно причисляет фирмы Сименс-Шуккерт и кабельн. завод. к подчиненным концерну А. Е. Г.

Возрождение электропромышленности на новых началах, постепенное высвобождение ее от иностранной зависимости началось уже при Советской власти.

Мы не можем здесь вдаваться в подробное описание технических завоеваний, достигнутых заводами и лабораториями в области электротехники. Читатель, конечно, представляет себе, что электричество является одной из наиболее интересных отраслей физики, переживающей на наших глазах глубочайшие перевороты. Поразительные открытия последних десятилетий не остаются, как известно, без влияния на прикладные знания человечества. Наоборот, никогда еще наука не шла так нога в ногу с промышленной практикой, как в наше время. Каждое новое достижение теоретической мысли подхватывается работниками заводов чуть ли не в тот же день, когда ученый оповещает о своем открытии. Более того, теперь уже трудно провести грань между «чисто-теоретическими» работами и экспериментальными исследованиями промышленных лабораторий. Наука как бы растворяется все больше в житейской боевой обстановке, спускается, как выразился, кажется, Анри Пуанкаре, с своего Парнасса.

Если все это верно по отношению к физике вообще, то в частности в электротехнике сто крат подтверждается тесная связь современной науки и практики. Ученые и техники СССР, занятые в области электротехники не являются печальным из'ятием из общего правила. Работы их в области расчетов и производства наиболее ответственных современных машин, в конструировании разнообразных аппаратов и приспособлений обнаруживают живой дух и бодрость вдохновляющего их класса, стоящего у власти. При той значительной технической отсталости русской электропромышленности, которая обусловливала ее зависимость от заграничных властителей, достижения техников, рабочих и ученых становятся еще более интересными.

Нужно упомянуть здесь об одном обстоятельстве, которое сыграло немалую побуждающую роль в быстром развертывании лабораторных и иных технических изысканий. В начале нэпа электропромышленность имела сравнительно ничтожную нагрузку, не превышавшую 25% ее довоенного выпуска. Стремление к загрузке предприятий вынуждало электротресты бороться против импорта решительнее, чем многие другие отрасли производства, которые имели в прежнее время меньше печального опыта зависимости от заграничной техники. Импорт электроизделий является до сих пор для наших трестов самым опасным врагом, ибо с ним, в качестве его носителя, приходит и заграничная техника, не удовлетворяющаяся отводимой ей частью русского рынка и стремящаяся восстановить свое монопольное господство. Таким образом руководители советской электропромышленности не без основания смотрели на импорт, как на угрозу даже той слабой загрузке предприятий, которая имела место в те времена.

Но для того, чтобы успешно бороться с стремлением импортировать заграничные товары, нужно было противопоставить им собственные достижения, суметь изготовить в надлежащий срок требуемый товар и притом качества, не уступающего заграничному. Между тем, очень многие из этих изделий в России, вообще, никогда не вырабатывались. Отсюда на ряду с отрицанием импорта идет упорная и в высшей степени спешная и напряженная изыскательская работа на предприятиях и в лабораториях. Как уже было упомянуто, эта работа дала блестящие результаты. Благодаря ей мы имеем ряд новых производств в электротехнической области—производств, которые при царе нам вообще не были знакомы. Этой постановкой новых производств электропромышленность приближается к выполнению основного своего задания—быть технической базой для электрификации СССР.

Начиная с 1922 г., электропромышленность обнаруживает бурный рост производства. Надо отметить, что эта отрасль производства и в довоенное время развивалась быстрее других произв. орудий производства. Это вполне понятно, ибо в XX столетии все отрасли народного хозяйства спешно перестраиваются «на электрическую ногу», т.-е. быстро переходят к применению электричества в качестве движущей силы. Индустриализация нашей страны, естественно, тоже находит отражение в усиленном спросе на электроизделия. Мы видели уже выше, что заграничные хозяева хотели запереть этот растущий спрос в рамки колониальной зависимости страны от ввоза из-за границы. Рост спроса на электротехнические изделия виден из следующих цифр:

Динамика емкости довоенного электротехнического рынка России.

	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
В милл. рублей	57	72	87	132
Прирост в % к предыдущему году	—	26	20	51

Во время войны произошло общее со многими др. отраслями промышленности искусственное разбухание производства, не характерное для развития этой отрасли. Дальнейшее восстановление началось, как упомянуто, в 1922 г. и привело к настоящему времени к достижению довоенного выпуска в ценностном выражении. Однако переоборудования и расширения, произведенные за время Советской власти, подняли технически возможный выпуск заводов %% на 15—20 сверх довоенного.

В особенности 1924 г. был переломным годом для электротехнических заводов. Поступление заказов превзошло все ожидания и поставило в затруднительное положение руководителей предприятий. Они не успевали приспособиться ко все повышающейся кон'юнктуре. На происходившем в апреле с. г. совещании отделений Электротехнического Треста Центрального Района это опережающее развитие спроса по сравнению с производством красочно описал технический директор самого крупного в СССР электротехнического завода «Электросила» (б. ВЭК) в Харькове. В июне 1924 г.,—сообщил он,—когда завод был в состоянии выпускать изделия на 200 т. р. в месяц, поступило заказов на 400 т. «Тогда,—заявил докладчик,—мы подтянулись, отремонтировали оборудование и пр. и в августе достигли выпуска в 400 т. Но заказов поступило в этот месяц на 600 т.». К октябрю завод еще более «подтянулся» и выпустил на 600 т., но портфель заказов показал цифру в 900 т. р.

Такая картина наблюдается по всему фронту электропромышленности.

В частности радиопромышленность шагает еще более сильными семимильными шагами. В 1923 г. мы выпустили радиоизделий на 300 т. довоенн. рублей. В 1924 г.—на 1.800 т. р. А к апрелю 1925 г. Трест слабых токов (изготовляющий предметы радио) имел заказов на 3,5 м. р.

Эта погоня рекордов ставит перед электропромышленностью новые серьезные задачи, без разрешения которых она не сможет удовлетворить нужды электрификации. Вместе с тем, расширение этих задач не может быть частным делом электротрестов. Электрификация вообще есть политическая задача экономической перестройки нашей страны. Поэтому важнейшие звенья, узлы этой задачи тоже могут быть развязаны только с политической точки зрения. Затруднения, встающие перед электрификацией, должны привлекать внимание партии и ею разрешаться. Партия декларировала проблему металла, как классовую политическую проблему победившего пролетариата в условиях замедленного темпа мировой революции. Тем более важна постановка вопроса об электрификации на тех же началах.

Прогноз развития рынка и спроса на электроизделия на ближайшее пятилетие,—поскольку такой прогноз возможен,—показывает еще большее отставание наших производительных возможностей. Расчет емкости рынка основан на найденных опытным путем, следовательно, приблизительных данных о росте потребления электроэнергии и электроизделий с учетом дальнейшего выполнения плана электрификации СССР. Вот какие получаются цифры[1]):

Таблица № 5.

Движение емкости электротехнического рынка и внутр. производства на ближайшее пятилетие.

Годы:	1924—25	1925—26	1926—27	1927—28	1928—29	1929—30
Емкость рынка в милл. довоенн. рубл.	90,2	112,0	140,0	175	230	300
Требуется внутренн. производств.	69,3	92,3	119,5	149,7	198,2	258,9

Вся эта таблица станет сразу понятной, а серьезность задач, стоящих перед электропромышленностью, станет сразу ясной, если к этому прибавить, что производительная мощь всех действующих в СССР электропредприятий при условии частичного перехода

1) В дальнейшем пользуюсь цифрами, разработанными инж. Фридманом.

на двух и трехсменную работу (там, где это возможно) составляет всего 108 милл. довоенн. рублей в год.

Итак, уже в 1926—27 г., т.-е. меньше, чем через два года, мы очутимся лицом к лицу с недостатком «основного капитала», т.-е. с необходимостью иметь налицо новые заводы. Между тем, всякий знает, что постройка большого нового завода, изготовление и установка усовершенствованного оборудования являются в наших условиях делом минимум 2—3 лет. Иначе говоря, нам уже теперь, немедля, нужно приступить к расширению электротехнических «владений», к постройке новых предприятий.

Реорганизация электропромышленности есть одна из важнейших экономических проблем, стоящих перед властью и партией. Только разрешение этой задачи позволит нам выполнить план электрификации «собственной рукой», ибо мы должны помнить, что в отношении электропромышленности у нас вопрос стоит альтернативно: либо мы будем иметь собственное вполне развитое, поставленное на американский лад, производство, либо мы его вовсе не будем иметь.

М. Альский.

Наша политика государственного кредита.

Декретом от 21 января 1918 г. Октябрьская революция аннулировала все государственные долги, оставшиеся Советской власти в наследство от царского и буржуазно-демократического правительства Милюкова-Керенского. В условиях гражданской войны, блокады и интервенции, когда революция, ведя борьбу за власть, отбивалась от многочисленных врагов внутри и вне страны, когда государство, превратившись как бы в осажденную со всех сторон крепость, вынуждено было отвлечь с хозяйственного и культурного строительства все силы страны и бросить их на фронты гражданской войны—на Юге и на Севере, на Востоке и на Западе; когда, наконец, страна очутилась в «костлявых руках» голода, холода, нищеты и смерти, не могло, конечно, быть и речи о строительстве у нас в стране государственного кредита. Никто из держателей свободных денежных и материальных средств, в указанных выше условиях гражданской войны, разрухи и «военных», быстро обесценивающихся совдензнаков, не стал бы, конечно, доверять их Правительству, которое еще борется за удержание и закрепление власти или которое оспаривает и желает еще вырвать эту власть. С другой стороны, в период так называемого «военного коммунизма», когда государство, запретив частный торгово-промышленный оборот, об'единило в своих руках и производство и распределение, когда всему этому сопутствовала широко проводимая политика всеобщей экспроприации экспроприаторов—каждый, кто только имел свободные денежные и материальные средства, дрожал над ними и за свой завтрашний день старался всеми доступными ему способами сокрыть их от всякого постороннего глаза и, в особенности, от органов власти, которые могли так или иначе посягнуть на них.

Вопросы государственного кредита могли встать лишь с момента окончания гражданской войны и утверждения в стране власти, они, в особенности, могли встать после отказа власти от чрезвычайных методов управления и после перехода всей страны к непосредственному хозяйственному строительству под руководством этой власти, т.-е. с момента провозглашения Советской властью новой экономической политики—нэпа.

В области строительства государственного кредита Советская власть имела возможность использовать технику и, в известной мере, методы и опыт других государств, да и самой дореволюционной России. Но и здесь Советской власти пришлось прокладывать свои особые пути и применять свои особые методы применительно к условиям первой в мире пролетарской Республики Советов.

В условиях товарно-денежного хозяйства громадные средства находятся нередко вне оборота, в распыленном состоянии и обременяют, вследствие этого, хозяйство страны, в частности денежное хозяйство. При помощи государственного кредита можно, при известных условиях, использовать эти средства таким образом, чтобы сразу поднять и двинуть вперед развитие производительных сил и накопление богатства в стране.

Государственный кредит является в этом отношении одним из могучих факторов развития современного народного и государственного хозяйства в стране. Мобилизуя, при помощи государственных кредитных операций, свободные сбережения и капиталы, накопившиеся и неиспользованные в производительных целях, или капиталы, ищущие применения в стране, государство, обращая их на производительные нужды страны, вносит таким образом новые и могучие элементы в процесс развития всего народного и государственного хозяйства и нередко в той как раз области, где частная инициатива или вовсе была бы невозможна, или если и была возможна, то в самом ограниченном размере.

Опыт некоторых стран определенно показал, что при помощи хорошей политики государственного кредита можно собрать колоссальные средства в распоряжение государства, обратить их в общегосударственных и общехозяйственных интересах и тем достигать тех целей, которые государство себе наметило. В условиях социалистического строительства первого в мире пролетарского государства, находящегося в буржуазном окружении, в особенности же в условиях строительства, после ужасной империалистической и гражданской войны, мобилизация при помощи государственного кредита свободных и распыленных средств и образование из них крупных фондов,—имеют особое значение и составляют первостепенный государственный интерес. В нормальных условиях обыкновенные бюджетные расходы покрываются обыкновенными же государственными доходами: налогами, таможенными и иными сборами, доходами от государственных имуществ и предприятий и т. п. Но у государства кроме обыкновенных бывают еще и чрезвычайные расходы, т.-е. такие, которые выходят за рамки нормального государственного строительства, управления и обороны—реформирование и перевооружение армии и флота, железнодорожное строительство и т. д., а в наших условиях—электрификация страны, сооружение торгового флота, создание новой технической базы для нашей промышленности, сельского хозяйства, транспорта и т. п., — которые требуют единовременных капитальных затрат. Таких затрат нельзя, конечно, производить за счет нормальных источников бюджетных доходов; этого нельзя, во-первых, потому, что эти доходы не столь уж велики, чтобы дать достаточные резервы для такого рода строительства, а, во-вторых, потому, что в интересах нормального развития страны и хозяйства нельзя прибегать к чрезмерному обложению,—к переобложению населения. Бывают такие случаи, когда и нормальные доходы государства не обеспечивают полного покрытия намеченных к производству расходов, тогда явственно образуется бюджетный дефицит; бывают также случаи, когда доходы эти достаточны для покрытия всех бюджетных расходов, но поступление их не совпадает со временем производства расходов,—тогда образуется кассовый дефицит у

государственного казначейства, который, как и бюджетный дефицит, нужно откуда-нибудь покрыть.

Все такого рода расходы и все такого рода дефициты покрываются обыкновенно за счет чрезвычайных источников доходов, или эмиссии бумажно-денежных знаков, или из источников государственного кредита.

Жизненный опыт нашей страны и финансовая литература периода нэпа с достаточной полнотой выяснили все тяжелые последствия бумажно-денежной эмиссии для народного и государственного хозяйства в условиях товарно-денежного хозяйства. На этом вопросе не стоит поэтому здесь останавливаться.

Таким образом остаются государственные кредитные операции, при помощи которых можно, при известных условиях, извлечь из населения свободные средства, составить из них большие фонды для капитальных государственных затрат, а, с другой стороны, возврат их без ущерба для хозяйства производить по частям, в течение ряда лет.

Государственные кредитные операции производятся обыкновенно на внутреннем или на внешнем—иностранных—рынках денежных капиталов. В первом случае государство мобилизует имеющиеся в распыленном состоянии у населения внутри страны денежные сбережения или свободные капиталы, ищущие применения,—в этом случае расходы, связанные с государственными кредитными операциями, как-то: проценты на капитал, комиссия по реализации займов и другие, остаются внутри страны; во втором случае, капиталы мобилизуются на иностранных денежных рынках и приливают в страну извне в виде добавочного капитала, за который государство должно из года в год платить известные суммы, в виде процентов на капитал, которые вывозятся вон из страны.

Внешние, как впрочем и внутренние, займы, в виде наличного капитала или даже в виде ввезенных из-за границы орудий труда: машин, станков, оборудования, транспортных средств и др., использованные для производительных надобностей страны—для развития уже существующих отраслей хозяйства или для организации новых в областях, которые были до сих пор нетронутыми или мало развитыми,—могут дать мощный толчок для развития всех смежных с ним отраслей хозяйства.

В этом случае проценты на капитал и ежегодные доли его погашения будут создаваться самим капиталом, безразлично его происхождения,—ввезен ли он из-за границы или мобилизован внутри страны—в процессе его обращения. В случае заключения внешних займов, иностранный капитал в больших, обыкновенно, размерах ввозится единовременно в страну и вывозится затем обратно в течение многих лет, в известных долях, в виде процентов на капитал и долей его погашения. Таким образом, не особенно обременяя народное хозяйство, происходит погашение займа, давшего свой эффект в развитии народного и государственного хозяйства. Эта операция, помимо производственно-хозяйственного эффекта, может оказаться выгодной для государства и в другом отношении, если стоимость капитала—процентов на ссудный капитал—на внутреннем денежном рынке дороже, чем на внешних. В этом случае государство может получить еще и эту разницу в свою пользу.

Всякая кредитная операция, всякий заем, имеет в основе своей две взаимно и в то же время противоположно заинтересованные стороны: заимодавца-кредитора и заемщика-дебитора. В этом клубке взаимно и противоположно перекрещивающихся финансово-экономических интересов находят нередко свое отражение и различные политические интересы. Эти интересы нетрудно проследить, в особенности после периода войн и революций, когда свободный иностранный капитал стал открыто направляться только в те страны, где у него обнаружились или особые экономические, или особые политические и военные, или вообще империалистические интересы.

При заключении внешних займов заимодавец в целях охраны своих интересов выдвигает нередко, помимо ряда финансово-экономических, также и ряд политических условий, вокруг которых ведется торг и переторжка между дебитором и кредитором.

Агент национальной буржуазии—правительство страны, в которой был заключен заем, имеет, обыкновенно, наблюдение за точным исполнением условий договора о займе. Это наблюдение в большинстве случаев превращается, как это нетрудно установить из ряда исторических примеров, в попытки непосредственного влияния и вмешательства в так называемые «внутренние дела» и в попытки вовлечения страны-заемщицы в орбиту своей международной политики. При этом за всеми этими «деликатными попытками» на стороне кредитующего государства само собой стоит и политическая, и экономическая, а если нужно, и военная мощь государства, и формальное право, вытекающее из условий толкования договора, за ними стоят также и «общепринятые международные финансовые обычаи» и методы давления; на стороне же государства-заемщика находятся...— государственный долг, боязнь за свое финансовое положение и за свою кредитоспособность...

При заключении внутренних займов положение государства несколько иное. Кредиторы государства, в целях охраны своих финансово-экономических интересов, и здесь, правда, стараются принять ряд доступных им легальных и нелегальных мер и осуществить ряд доступных им финансовых комбинаций на внутреннем и на внешнем рынках денежных капиталов, чтобы тем самым добиться влияния на политику своей государственной власти. Послевоенный опыт многих стран, а также опыт и революции показал, что здесь, однако, в распоряжении государственной власти имеется много возможностей для защиты общегосударственных интересов от посягательства кучки финансовых дельцов или спекулянтов.

Несмотря на все эти отрицательные стороны, государственные кредитные операции имеют, однако, такое громадное положительное значение для развития производительных сил и народного хозяйства страны, что при известных условиях можно и должно пренебречь всеми этими отрицательными сторонами государственного кредита. При известных условиях выгоды государственного кредита покрывают все невыгодные его стороны и не только делают возможным и полезным его использование, но и настоятельно необходимым.

С точки зрения народного хозяйства и государства внутренние займы, конечно, выгоднее внешних, однако ограниченность рынка денежных капиталов внутри страны обязывает нередко обратиться к займам на внешних денежных рынках.

Обыкновенно государства комбинируют, сочетают и используют одновременно и внутренний и внешний государственный кредит. Но Союз Советских Социалистических Республик находится в этом отношении в особом положении. Выйдя из первой волны мировой социалистической Революции, СССР находится в окружении шакалов и стервятников мирового империализма, которые готовы в любую минуту растерзать на куски живое тело пролетарской страны. В то же время разобщенность мирового рынка в результате Версальского мира, расколовшего весь мир на победителей и побежденных, и общее состояние мирового рынка денежных капиталов после империалистической кровавой бойни, когда все, или почти все, страны Европы потонули в море бумажно-денежной инфляции, затруднившей не только внутренний хозяйственный оборот, но, в особенности, переливание свободных денежных капиталов из страны в страну,— исключают или во всяком случае делают пока сомнительной возможность заключения СССР внешних займов.

С другой стороны, поскольку иностранный капитал потерял всякие надежды на возможность вовлечения СССР в орбиту своей международной империалистической политики, поскольку он потерял и надежды на возможность влияния на наши «внутренние дела» и поскольку он, наконец, отдает себе ясный отчет в том, какое громадное значение имеет государственный кредит для увеличения политико-экономической мощи нашей страны внутри и за пределами ее,—он не спешит с оказанием ему кредита, с предоставлением ему займов.

Это общее положение прекрасно подтвердилось на английском примере. Англо-Советское соглашение 1924 г., как известно, предусматривало, между прочим, и предоставление гарантии английского правительства при заключении Советской Республикой займа в Англии. После смены так называемого Рабочего Правительства Англии консервативным, соглашение это превратилось, однако, в клочок бумаги и вопрос о гарантированном английским правительством советском займе отодвинулся тем самым в неизвестное будущее.

При таких условиях можно, конечно, надеяться на возможность заключения внешнего займа (вообще говоря, надеяться никому не возбраняется), но в области практического финансового строительства необходимо в настоящее время ориентироваться исключительно на внутренний государственный кредит.

Возможность организации такого рода кредита в СССР частью уже выявилась в проведенных внутренних кредитных операциях, частью их надо еще выявить, путем сложной комбинации подготовительных и разведывательных мер.

* * *

После аннулирования Октябрьской революцией государственного долга кое у кого может явиться вопрос, допустимы ли и вообще нужны ли СССР государственные займы.

Нами уже была сделана попытка указать, какое громадное значение для народного и государственного хозяйства имеют государственные кредитные операции. Здесь мы попытаемся мель-

ком рассмотреть этот вопрос с принципиальной и финансовой его сторон.

Советская власть аннулировала в Октябрьские дни государственный долг российской империи не потому, что она вообще против государственного кредита, а потому, что долг этот образовался из займов, заключенных царским и Временным Правительствами для империалистических и полицейских надобностей российской и вместе с ней и мировой буржуазии, а не в интересах развития народного хозяйства. Даже кадетская буржуазия и та не считала себя в 1906 г. ответственной за царский заем, размещенный в том году во Франции и спасший, по существу, заколебавшийся под ударами волн революции 1905 г. трон Романовых. Что уж говорить про рабочих и крестьян, их партию и их власть.

Совсем, совсем иные цели преследует государственный кредит Советского государства. Будучи поставлена в условия соревнования с буржуазной системой хозяйства и не получая ниоткуда прямой хозяйственной поддержки, Советская власть обязана использовать все средства, какие только имеются или могут иметься в ее распоряжении, Советская власть, в частности, обязана использовать и государственный кредит для восстановления государственного и народного хозяйства страны и для усиления темпа своего хозяйственного строительства, ибо на этот раз на этом фронте решаются все вопросы революции и все вопросы социализма.

К тому же, государственные займы могут экономически связать Советское государство с капиталистическими странами мира, могут создать там заинтересованные группы, которые, будучи заинтересованы в СССР, умерят агрессивность против него своего империалистического государства. Государственные займы могут таким образом до известной степени содействовать созданию элементов для более нормальных международных отношений с Советским государством и гарантировать ему на более продолжительный срок возможность мирного хозяйственного строительства, одним словом, содействовать продлению дарованной историей революции передышки.

Касаясь вопроса концессий, в речи своей от 27/IX—1920 г., Владимир Ильич говорил: «Пока мы не завоевали всего мира, пока мы остаемся с точки зрения экономической и военной слабее, чем остальной капиталистический мир, до тех пор надо держаться правила: надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами. Если б мы этого правила не держались, мы давно, к удовольствию капиталистов, висели бы все на разных осинах» (Ленин, т. XVII, стр. 383).

Касаясь далее того же вопроса, Вл. Ил. говорил: «Пока остается капитализм и социализм, мы мирно жить не можем: либо тот, либо другой, в конце концов, победят; либо Советской Республике будут петь панихиды, либо по мировому капитализму. Это—отсрочка в войне. Капиталисты будут искать поводов, чтобы воевать. Если они примут предложение и пойдут на концессии, им будет труднее. С одной стороны, в случае войны мы будем иметь наилучшие условия; с другой—не пойдут на концессии те, кто хочет воевать. Существование концессий есть экономический и политический довод против войны. Те государства, которые могли бы с нами воевать, воевать не смогут, если возьмут концессии» (Ленин, т. XVII, стр. 408).

Те же доводы, не касаясь других, можно смело привести и в отношении государственных займов.

На основной вопрос, допустимы ли вообще государственные займы со стороны социалистического государства, мы имеем уже общий ответ в осуществляемой Советской властью новой экономической политике.

Переход Советской власти от продразверстки и политики военного коммунизма к новой экономической политике обозначал фактически перевод народного и государственного хозяйства страны с натуральных на товарные рельсы, т.-е. обозначал раскрепощение хозяйственного оборота и организацию товарно-рыночных отношений в стране.

Свобода товарообмена порождала в стране такие условия, при которых, на-ряду с оживлением хозяйственной жизни страны, вырастали нетрудовые группы населения, которые не принимали никакого участия в процессе производства, а посвящали всю свою деятельность процессу распределения, откуда и черпали средства не только для обеспечения своего существования, но и в фонд собственнического накопления. Таким образом, развиваясь и в городе, и в деревне, нэп порождал и тут и там новых буржуа, которые вырастали из данной системы хозяйственных отношений.

Однако нэп есть, по существу, глубокое обходное движение пролетарского государства, практически поставившего перед собой задачу строительства социализма. Применяя и используя лучший опыт, методы и формы капиталистического способа организации и ведения хозяйства, Советская власть стремится этим путем восстановить и далеко двинуть вперед развитие народного и государственного хозяйства СССР, при этом Советская власть отнюдь не закрывает глаз перед опасностями, таящимися в осуществлении новой экономической политики в стране с такой отсталой промышленностью, как у нас, в стране, тонущей в море мелко-собственнических крестьянских хозяйств.

Организация государственного кредита может, конечно, способствовать созданию и выделению в стране группы рантье, которая будет жить исключительно на свои нетрудовые доходы—на проценты, получаемые ею с ссуженного государству капитала. Эта возможность не вносит, конечно, ничего принципиально нового в принятую и проводимую Советской властью систему нэпа.

В результате широко проведенной, в период военного коммунизма и гражданской войны, системы экспроприации экспроприаторов и созданной этой системой экономической нивелировки населения, группа вновь народившихся рантье не может быть ни особенно многочисленной, ни экономически сильной, а потому она не может быть и опасной.

К тому же и сама система государственного кредита СССР организуется, как это видно будет ниже, на таких началах, которые должны создать ей базу среди самых широких слоев рабоче-крестьянского населения и тем еще более сократить все те опасности, которые так или иначе могли бы проистечь для нового, только-только складывающегося, еще неокрепшего социально-экономического строя первого в мире пролетарского государства.

Помимо того, налоговая система Советской Республики основана, в первую очередь, на прямом обложении и города и деревни, при чем, в основу ее так или иначе положены начала прогрес-

сивного подоходно-поимущественного обложения. Указанная система обложения, обеспечивая государству регулярное поступление дохода, дает в то же время государственной власти возможность осуществлять при ее помощи определенную социально-экономическую политику в интересах рабочего класса.

Определяя об'екты, подлежащие обложению, устанавливая и изменяя в необходимых случаях шкалу обложения, Советская власть имеет возможность так построить свою налоговую систему, чтобы она способствовала увеличению доли рабочего класса в национальном доходе и в то же время срезывала в пользу рабочего государства и высокие прибыли и часть нетрудовых доходов отдельных групп населения, главным образом, предпринимателей, торговцев, рантье и земледельцев, находящихся почему-либо в особо выгодных условиях землепользования и получающих поэтому высокую ренту.

Кроме того, сохранив в своих руках все достигнутые в Октябре командующие хозяйственные высоты: и национализированный кредит, и национализированные промышленность и транспорт, и монополию внешней торговли, строя вновь внутреннюю государственную торговлю и реорганизуя на совершенно новых началах кооперацию,—Советская власть оставила в своем распоряжении достаточно средств экономического воздействия на хозяйственный оборот страны и создала условия, при которых она может не только овладеть и в основном подчинить своему руководству все хозяйственные процессы в стране, но и создать условия контроля над процессом нэповского накопления в стране.

Таким образом государственные кредитные операции и с принципиальной и с практической точек зрения не вносят ничего нового в так называемую новую экономическую политику, наоборот, они вытекают из общей системы этой политики и являются одним из ее элементов, используемых в тех же целях восстановления и дальнейшего развития народного и государственного хозяйства.

Но вполне законно может еще явиться вопрос, нужны ли государственные кредитные операции Советской республике вообще и стоит ли итти на те жертвы и на тот риск, которые так или иначе все же связаны с их организацией и проведением.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть, хотя бы в самых беглых чертах, состояние нашего государственного финансового хозяйства за последние 3 года.

В 1922—23 году наш государственный бюджет был сведен в сумме 1.332,8 милл. р., при чем бюджетный дефицит определился в сумме около 461,3 милл. руб. Путем эмиссии сознаков дефицит этот можно было покрыть лишь в сумме 374,2 милл., таким образом оставался непокрытый дефицит в сумме 87,1 милл. руб. В то же время, будучи сведен в сумме 1.332,8 милл. руб., государственный бюджет являлся, как известно, достаточно жестким и дальнейшее сжатие его расходов без значительного ущерба государственному хозяйству, обороне и управлению было невозможно. Все же, несмотря на такое жесткое сжатие бюджета и полное исчерпание эмиссии, в бюджете оставался непокрытый дефицит в сумме 87,1 милл. руб. При таких условиях нужно было найти какой-то дополнительный и при том чрезвычайный источник дохода для покрытия непокрытого остатка указанного дефицита. Этим источником, естественно, могли явиться только государственные кредитные операции.

Следующая таблица показывает, какую роль в фактическом исполнении доходной части государственного бюджета сыграли эмиссия и государственные кредитные операции:

Кварталы 1922—23 бюджетного года.	Сумма бюджетного дефицита.	Покрытие бюджетного дефицита.			
		Эмиссией совзнаков.	% ко всей сумме дефицита.	Государств. кредитные операции [1]).	% ко всей сумме дефицита.
	В миллионах червонных рублей.				
I	118,1	113,1	95,8	5,0	4,2
II	120,7	108,3	89,7	12,4	10,3
III	109,7	91,6	83,5	18,1	16,5
IV	112,8	61,2	54,2	51,6	45,8
Итого за год .	461,3	374,2	81,5	87,1	18,9

В 1923—24 году наш государственный бюджет был сведен в общей сумме 1.917,5 милл. рубл. с дефицитом в 375,2 милл. р. Ввиду почти полного исчерпания эмиссионных возможностей и ввиду проведения в середине бюджетного года реформы денежного обращения, дефицит этот можно было покрыть путем эмиссии совзнаков лишь в сумме 180,4 милл. руб. Таким образом и здесь определился непокрытый остаток дефицита по бюджету в сумме 195,8 милл. руб. Источником для покрытия и этой части дефицита опять-таки могли быть только государственные кредитные операции.

Следующие данные показывают роль эмиссии совдензнаков и государственных кредитных операций в покрытии дефицита при фактическом исполнении бюджета (данные предварительной отчетности):

Кварталы 1923—24 г.	Сумма бюджетного дефицита.	П О К Р Ы Т О.					
		Кредитн. опер.		Эмиссией.		Доходом от выпуска звонк. монеты.	
	В милл. руб.		В %% ко всей сумме дефицита.	В милл. рубл.	В %% ко всей сумме дефицита.	В милл. рубл.	В %% ко всей сумме дефицита.
1-й квар.	110,9	65,4	59,0	45,5	41,0	—	—
2-й „	94,3	34,4	36,5	59,9	63,5	—	—
3-й „	98,5	53,2	54,0	45,3	46,0	—	—
4-й „	72,5	42,8	59,0	—	—	29,7	41,0
Итого за 1923—24 бюдж год	376,2	195,8	52,0	150,7	40,1	29,7	7,9

[1]) Без платежных обязательств центрокассы, обороты с которыми проходят вне бюджета.

Государственный бюджет на 1924—25 год сведен в сумме 2.478,5 милл. руб., с дефицитом 244 милл. руб. Реформа денежного обращения, давшая стране и народному хозяйству устойчивую валюту, лишила государственное казначейство возможности использовать эмиссию для надобностей покрытия бюджетного дефицита. Таким образом основным источником для этой цели в 1924—25 г. могли быть исключительно государственные кредитные операции.

Все эти данные показывают, вместе с тем, что, начиная с 4,2% в 1922—23 г. государственные кредитные операции, постепенно увеличиваясь, дали уже в 1923—1924 г. возможность покрыть больше половины бюджетного дефицита. Эти же данные говорят и о том, что и государственные кредитные операции, в известной мере, создали возможность отказа от эмиссии денег для надобностей государственного бюджета, что и они об'ективно подготовили условия для успешного проведения реформы денежного обращения, которая покончила и с экономическим хаосом и с финансовым развалом страны, которые достались Советской власти в наследство от эпохи империалистической и гражданской войны, интервенции и революции.

Государственные кредитные операции, кроме того, имели и имеют еще и до сих пор громадное значение для регулирования денежного обращения страны. Это значение было особенно велико в первый период, после проведения денежной реформы, когда свободные денежные средства потенциально могли бы быть, в случае каких-либо временных заминок или других случайных причин, выброшены на рынок, породить на нем денежную инфляцию и тем самым неблагоприятно отразиться на молодой и не окрепшей еще денежной системе страны. Таким образом государственные кредитные операции, помимо особого своего значения в деле покрытия бюджетного дефицита, имели и имеют громадное значение в деле подготовки и укрепления реформы денежного обращения.

Таким образом государственные кредитные операции являлись и являются не только допустимыми, но и настоятельно необходимыми для разрешения общих задач практического строительства социализма в нашей стране.

* * *

Руководясь состоянием рынка денежных капиталов и стоимостью ссудного капитала, всякое государство в нормальных условиях использовывает одновременно и внешний и внутренний государственный кредит. СССР, как мы видели, находится в этом отношении в исключительном положении. Это обстоятельство побуждает Советскую власть ориентировать все свои мероприятия и в области восстановления и в области проведения тех или иных государственных кредитных операций исключительно на существующие в стране внутренние возможности. Эти возможности зависят, главным образом, от степени доверия населения к существующему социально-политическому строю государства и от степени накопления свободных денежных капиталов в стране.

Доверие основных масс населения—рабочих и крестьян—к вышедшему из Октябрьской революции Советскому государственному строю было уже достаточно раз проверено и в период гражданской войны, и в годину страшного голода, и в условиях хозяйственного строительства, и в моменты самомалейших угроз Советской власти со стороны мировых империалистических хищников и, наконец, в периоды перевыборов советов и руководящих органов власти. Таким образом, в условиях советской действительности, вопрос о возможности внутренних государственных кредитных операций сводится исключительно к степени накопления свободных капиталов в стране.

И до империалистической войны в нашей стране не было в достаточном размере крупных и свободных денежных капиталов. Их, в особенности, нет теперь, после бурной эпохи войн и революций.

Проведение в широком масштабе внутри страны государственных кредитных операций возможно будет лишь в результате длительной работы по восстановлению народного и государственного хозяйства страны. В процессе этого восстановления и в процессе хозяйственного роста страны будет, конечно, улучшаться материальное положение широких масс населения, образовываться свободные на более или менее длительный срок сбережения, которые смогут быть мобилизованы посредством государственных кредитных операций для производительных надобностей государства.

В условиях нашего послевоенного революционного и хозяйственного роста, в нашей стране нет еще достаточно крупных свободных денежных капиталов, но в настоящее время в нашей стране могут быть и наверно есть уже, правда, в небольших еще размерах, свободные мелкие капиталы, которые являются или фондом сбережений отдельных групп или слоев населения, или фондом временно освободившихся из хозяйственного оборота резервных капиталов.

Поскольку, однако, дефицит по государственному бюджету, не мог быть изжит ни путем повышения налогового обложения, дошедшего в 1922—23 г. до предела, ни путем получения доходов от государственных имуществ и предприятий, бывших в то время убыточными, ни путем дальнейшего сокращения государственных расходов,—поскольку, с другой стороны, для покрытия бюджетного дефицита уже в 1922—23 г. нельзя было прибегать к увеличению бумажно-денежной эмиссии, разрушавшей и без того все основы товарного хозяйства,—постольку уже тогда необходимо было вплотную подойти к проблеме восстановления государственного кредита внутри страны.

До войны государственные кредитные операции в России были слабо развиты. Они, к тому же, проводились, главным образом, среди тех групп и классов населения, которые были заинтересованы в сохранении царского «правопорядка» в стране. Широкие массы населения, в особенности, рабоче-крестьянские массы населения, не оказывали буржуазно-крепостническому государству почти никакого кредита и не принимали почти никакого участия ни в какой государственной кредитной операции. Эти обстоятельства сами по себе создавали колоссальные трудности для Советской власти в области восстановления государственного кредита в стране, но эти трудности усугублялись еще для молодой власти тем, что за время революции и гражданской войны население отвыкло, во-первых, от государственных кредитных операций и, во-вторых, аннулирование всех заключенных царским и меньшевистским—буржуазно-эсеровским—правительством займов не могло не подорвать, в той или иной мере, доверия населения к

кредитным операциям государства вообще. Этим, однако, трудности не ограничивались,—они усугублялись еще и вследствие отсутствия у населения более или менее крупных свободных сбережений, и вследствие существования в стране падающей валюты. В этих условиях Советской власти поневоле приходилось и приходится выступать крайне осторожно в деле восстановления государственного кредита и проведения тех или иных государственных кредитных операций. Неудивительно поэтому, что все выпущенные до сих пор Советской властью государственные займы носят на себе следы первоначальных робких шагов и следы прощупывания денежного рынка страны по всем его направлениям.

Советская власть, как власть рабочих и крестьян, естественно, могла ориентироваться в деле восстановления государственного кредита только на доверие и поддержку этих двух классов населения.

Чтобы обезопасить в возможно большей степени государственные интересы от возможности давления со стороны кредиторов из враждебного Советской власти класса, последней по необходимости приходилось и приходится строить всю систему своей государственной кредитной политики на поддержке ее со стороны самых широких слоев рабоче-крестьянского населения страны.

Наши государственные займы и были, главным образом, рассчитаны на эти, именно, слои населения. Только с их стороны Советская власть ожидала, могла получить и действительно получила необходимую поддержку на первых путях восстановления государственного кредита. Для проведения среди этих классов населения государственных кредитных операций, нужно было найти и использовать новые и при том такие формы государственных кредитных операций, которые были бы наиболее понятны и доступны этим, именно, массам населения.

Рабочие и крестьянские массы не знали до сих пор о государственных кредитных операциях, они не знали того, что свободные свои сбережения выгодно иной раз накапливать в гарантированных государством процентных бумагах, но даже, если б они это и знали, то они все равно не доверили бы их полицейскому или авантюристическому Временному Правительству,—они и в этом отношении не оказали бы ему никакого доверия. Вследствие этого ни у этих масс не было опыта в области государственного кредита, ни у государства не было опыта распространения государственных займов среди этих масс населения. Советской власти и здесь пришлось поднимать целину.

В силу этого, все проведенные до сих пор Советской властью государственные кредитные операции приходилось строить с таким расчетом, чтобы каждая из них падала, во-первых, на другие группы и слои населения и, во-вторых, имела отношение к другому хозяйственному кругу операций в стране. Иначе говоря, все эти операции поневоле должны были, на первых порах, иметь самый разнообразный и притом множественный характер.

Для приобщения широких масс крестьянского населения к государственным кредитным операциям и мобилизации их временно свободных и небольших сбережений, нужно было раньше всего сделать доступными для них все эти операции, т.-е. нужно было на первых порах выпускать все займы на небольшие суммы, в мелких купюрах, и на возможно более короткий срок. К тому же, нужно было, чтобы обычно принятые в государственных кредитных операциях выгоды представляли в данной обстановке исключительный интерес для широчайших масс населения, среди которых рассчитано размещение этих займов.

В этих целях, помимо обычных прямых выгод, как-то: процентов на капитал, помещенный в государственные процентные бумаги, возможности залога этих бумаг в банках и получения под них ссуд, возможности выигрыша, если заем выигрышный, возможности внесения их, вместо денег, которые в этом случае не приносили бы процентов на капитал—в обеспечение исполнения договоров по заказам и поставкам, или в обеспечение при пред'явлении гражданских исков или взятия кого-либо на поруки при пред'явлении уголовных обвинений; помимо котировки облигаций займов на фондовой бирже и возможности роста, при известных условиях, самой стоимости облигаций, наконец, помимо прямых выгод, при покупке облигаций в начале выпуска займа, когда последние продаются ниже своего номинала,—Советская власть предоставляла и предоставляет до сих пор своими займами особые еще выгоды, которых никак нельзя учесть, но которые все же очень и очень велики.

Выпуская займы в натуральной (хлебной и сахарной) или золотой (золотой выигрышный заем) валюте и реализуя их в обесценивающихся совзнаках, Советская власть, в период существования «военных» денег и отсутствия широко разветвленной сети кредитных учреждений и сберегательных касс, которые страховали бы падающую валюту от обесценения, тем самым давала возможность самым широким массам населения обеспечить свои трудовые сбережения от обесценения, давала им возможность избавлять себя, до известной степени, от платежа тяжелого эмиссионного налога.

Выгода эта, обусловливаясь чрезвычайной обстановкой времени, была, конечно, не из маленьких, хотя размеры ее очень трудно учесть. Население скоро раскусило, учло и оценило ее по достоинству.

Первые государственные кредитные операции, будучи выпущены в натуральной валюте (хлебной или сахарной), но реализованы в деньгах, являлись в то же время одним из элементов в деле подготовки реформы денежного обращения, так как подобной реализацией займов изымалась, во-первых, из населения некоторая часть денежных средств, уменьшалась, во-вторых, общая масса их в обращении, создавался, в-третьих, спрос на деньги, расширялась, в-четвертых, сфера их обращения в стране и, наконец, замедлялся темп их обесценения.

Помимо прямого своего назначения, натуральные займы облегчали еще разрешение громадной задачи времени, а именно, задачи по развитию в стране товарно-денежных отношений и ликвидации, главным образом, в деревне пережитков натурально-потребительских отношений периода «военного коммунизма». Как раз эти займы явились средством дальнейшей денатурализации крестьянского хозяйства, средством постепенного и безболезненного перевода крестьянского обложения с натуральных на денежные рельсы.

Натуральный налог—продналог, будучи для крестьянского хозяйства громадным облегчением в сравнении с продразверсткой, все же ложился тяжелым бременем на это хозяйство. Бремя это

обусловливалось тем, что крестьянское хозяйство, будучи обязано уплачивать государству известную долю своей сельско-хозяйственной продукции, в то же время вынуждено было производить целый ряд непроизводительных, как с точки зрения крестьянского хозяйства, так и с точки зрения государства, затрат, которые были связаны с доставкой, сдачей и приемом в казну налога в натуре.

Покупая облигацию займа на деньги, крестьянское хозяйство, помимо страховки своих денежных сбережений от обесценения, имело еще возможность уплатить налог облигацией займа и, таким образом, освободить себя от всех непроизводительных затрат, связанных со сдачей налога в натуре.

Как известно, необходимость уплаты продналога хлебом в натуре волей-неволей заставляла крестьянское хозяйство разводить те именно сельско-хозяйственные культуры, которые государство требовало у него в уплату налога, хотя культуры эти могли нередко оказаться невыгодными для данного хозяйства и по рыночным и по иным хозяйственным соображениям.

Путем покупки облигаций государственного хлебного займа крестьянское хозяйство получало об'ективную возможность свободного выбора в области производства у себя тех или иных сельско-хозяйственных продуктов, получало возможность освободить себя и страну от перепроизводства одних и недопроизводства других продуктов сельского хозяйства, могло приобресть известную маневренную способность в отношении рынка, могло, наконец, сломать душившие его узкие рамки натурального и потребительского хозяйства и сомкнуться с рынком, войти в сферу товарно-денежных, рыночных отношений, т.-е. могло подняться на более высокую хозяйственную ступень, отвечавшую его хозяйственным запросам, потребностям, видам и интересам.

Это отвечало не только интересам сельского хозяйства, но и общим интересам роста хозяйства страны и, в частности, интересам развертывания и восстановления обрабатывающих отраслей хозяйства страны.

Как чисто финансовая операция, первые государственные кредитные операции (хлебные займы) были рассчитаны на получение натурального налога до наступления срока его платежа, на получение его в момент наибольшего кассового напряжения государственного казначейства. Значение этих займов вышло, однако, далеко за пределы узко кредитных операций государства. Иначе и быть не могло, раз займы эти затрагивали самые насущные интересы крестьянского хозяйства. Поскольку операции эти развертывались по линии удовлетворения интересов этого хозяйства, они не могли не вызвать доверия к себе у самых широких слоев крестьянского населения, привыкшего, как известно, не принимать ничего на веру, а практически подсчитать все выгоды pro и contra.

Займы эти имели громадное, ничем не измеримое значение и в области денатурализации народного хозяйства, и в области строительства финансового хозяйства, и в области дальнейшего развертывания новой экономической политики (нэпа), а кроме всего этого при их помощи удалось возбудить доверие среди самых широких масс населения, главным образом, крестьянского населения, к кредитным операциям государства.

Чтобы по достоинству оценить успех первых кредитных операций Советской власти, нужно учесть общую обстановку, в которой эти операции приходилось проводить. Нэп только-только начал разворачиваться, страна только что вышла из гражданской войны и интервенции и ужасного голода 1921 г., в обращении были еще «военные» деньги, небольшие капиталы, имевшиеся в стране, устремились в область торговли, кредитные учреждения—банки—стали лишь создаваться, биржа существовала на нелегальном положении, население отвыкло от государственных кредитных операций, а те слои его, к которым Советская власть могла обратиться и на которые она могла рассчитывать, вовсе не знали этих операций. В таких условиях малейшее достижение в области государственного кредита нужно расценивать, как громадный успех в области строительства этого кредита.

Но факт остается фактом, что при помощи натуральных займов Советской власти удалось завоевать в деле строительства внутреннего государственного кредита и в доверии населения определенную финансово-хозяйственную и политическую позицию, которая облегчила дальнейшие проведения в стране государственных кредитных операций. Поэтому, воистину, кажутся жалкими все былые разговорчики о финансовом провале второго хлебного займа...

С конца 1921 г. государственное и народное хозяйство страны стало делать попытки перевода своего оборота на золотое, так называемое довоенное золотое исчисление, а с конца 1922 г. в хозяйственный оборот страны начали внедряться червонцы. С этого времени золотое исчисление и золотая валюта становятся мало-по-малу мерилом ценности и валютно-счетным средством в стране.

В целях усиления и закрепления в области денежного обращения и расчетов этих именно достижений, которые, как предпосылки, нужны были для будущей реформы денежного обращения, а также в целях обеспечения дальнейшего развития государственных кредитных операций,—Советская власть уже в 1923 г. приступила к выпуску внутренних займов в золотой валюте. Займы эти должны были как бы предуказывать пути дальнейшего финансового и денежного развития и пути дальнейшего строительства государственного кредита в стране.

(Продолжение следует).

И. Д. Марков.

К отчету английских трэд-юнионов.

Крупные конфликты английских рабочих с капиталом, постепенное изживание рабочими иллюзии о возможности осуществления «социальной гармонии между трудом и капиталом», попытки освободиться от засилия вождей-соглашателей,—все эти черты, характеризующие современное состояние английского трэд-юнионизма, нельзя рассматривать, как неожиданный поворот или как результат только послевоенной экономической и политической неразберихи, только как звено в цепи общеевропейских социальных сдвигов послевоенного периода.

С середины восьмидесятых годов и до 1911—1912 г.г. мирно развивался тот национальный классический английский трэд-юнионизм, который, казалось, вошел в плоть и кровь английского рабочего. Но уже в 1910—1911—1912 г.г. картина резко изменилась. Начинается неуклонный рост цен на товары, реальная заработная плата понижается. Стачки охватили всю страну, все отрасли промышленности поражали грандиозностью своего размаха. Правда, все это движение носило узко-экономический характер, но уже начинало понемногу падать безраздельное подчинение авторитету вождей, ревностных поборников идеи «мирного сотрудничества».

Традиционный «мирный» трэд-юнионизм начинает терять почву под ногами.

Опыт войны и эпохи послевоенной «стабилизации» капитализма, не могли, конечно, пройти бесследно в смысле политического развития английского рабочего. С окончанием войны начинается неуклонный рост безработицы, и к декабрю 1924 г. число только зарегистрированных безработных достигает 1.285.000 человек. Поднялась снова прерванная войной волна стачек, но она уже не укладывалась в рамки 1911—1912 г.г. Перед рабочими встала необходимость найти выход из тяжелого положения. Такого рода попыткой являлся факт кратковременного, но все же чрезвычайно знаменательного существования «рабочего правительства», попытка установления тесных экономических взаимоотношений с СССР. Еще при правительстве Макдональда вожди английских рабочих полагали, что нормальные отношения с СССР дадут возможность смягчить тяжелые экономические условия, порождающие безработицу. Результатом этого и явилось заключение англо-советского договора, подписанного Макдональдом и Раковским.

С другой стороны, победа консерваторов в Англии и всеобщий разгул реакции в Европе поставили перед английскими профсоюзами вопрос о защите рабочего движения против свирепствующей реакции в международном масштабе. Нарастало сознание необходимости единства международного профдвижения. Экономические, а также политические успехи СССР привлекали внимание рабочих всего мира. Необходимость иметь такого могучего союзника в борьбе с реакцией сделалась совершенно очевидной.

Вот эти два факта и были той причиной, которая толкнула английские трэд-юнионы на сближение с советскими профсоюзами.

Победа консервативной партии на выборах, наступление вслед за ней реакции, охлаждение англо-советских отношений уже не могли задержать растущие симпатии к советским профсоюзам, к СССР, и 7 ноября, воспользовавшись приглашением ВЦСПС, Генеральный Совет трэд-юнионов направил в СССР делегацию под председательством Перселя, для ознакомления на месте с положением в СССР, с хозяйственным строительством Союза, с бытом рабочих и пр.

Отчет делегации.

Отчет делегации, опубликованный ею после возвращения в Англию, достоин того, чтобы на нем подробно остановиться. Отчет подписан всеми членами делегации (Альбертом Перселем—председатель, Фредом Брамли—секретарь, Бен-Тиллетом—секретарь союза транспортных рабочих, Джоном Бромли — генеральный секретарь союза машинистов и кочегаров, Гельбертом Финдлей—председатель союза литейщиков и модельщиков, Джоном Тернером—представитель торговых служащих) и подробно освещает все отрасли советского и профессионального строительства СССР.

Неспособность понять русскую революцию до конца, боязнь солидаризироваться с ней полностью сказывается во всем отчете. Но не менее ярко сказывается и желание быть беспристрастными. В этом и заключается его ценность. Сама делегация так формулирует цель его опубликования: «Ложным освещением русской революции пользовались для создания «красного пугала», чтобы отвлечь английский народ от тех реформ, которые ему необходимы для собственного мира и благополучия. Ввиду этого конгресс трэд-юнионов считает необходимым сделать все от него зависящее, чтобы познакомить английского избирателя с действительным положением вещей в России. Цель этого отчета—дать возможность английскому избирателю, во-первых, понять, что русская революция не имеет связи с английской эволюцией и, во-вторых, что результаты революции выразились в создании нового могущественного государства, имеющего все предпосылки к дальнейшему процветанию». Этим вступлением начинает делегация свой отчет. Характерное вступление. С одной стороны, «ничего общего их революция с нами иметь не может», с другой стороны—признание достигнутых ею результатов.

Национальный вопрос.

Англия—страна колоний, и вполне понятно, что представители английских трэд-юнионов, об'единяющих большей частью рабочую аристократию, подкармливаемую за счет колониальной сверх-прибыли, заинтересовались в первую голову разрешением нами национального вопроса. Вот почему с этого и начинает свой отчет английская делегация.

«Одним из первых результатов революции было избавление национальных меньшинств от тех репрессий и гонений, которым они подвергались при царизме». Одним из самых интересных и, пожалуй, поучительных явлений для других государств с федеральной структурой является сочетание национализма и интернационализма, центральной власти и местной автономии, достигнутое союзной конституцией». Делегация искренно поражается отсутствием сепаратистских тенденций у отдельных республик. «Они спокойно платят налоги, принимают от Союза то, что Союз может им дать, не проявляют абсолютно никакого возмущения Москвой и не протестуют даже тогда, когда какая-нибудь часть их выделяется в самостоятельную единицу». И делегация задает вопрос: «Как

могут отдельные национальности, в первом увлечении свободой после долгих репрессий и руссификаций, с одной стороны, без всяких трений признавать союзный контроль, а, с другой стороны, добровольно давать полную автономию своим собственным меньшинствам». Ответа на этот вопрос делегация так и не дает, но виденное ею в СССР ясно доказывает возможность разрешения этой проблемы.

Советская власть и ее достижения.

«Мы надеемся, что этот отчет ясно докажет и навсегда опровергнет всю ложь, которую можно прочесть чуть ли не каждый день о том, что русские рабочие еще больше ограничены и пользуются еще меньшей свободой, чем наши. Русские рабочие составляют правящий класс России. Они пользуются всеми правами правящего класса».

Переходя дальше к Советской власти, как таковой, делегация констатирует, что «без сомнения власть поддерживают все промышленные рабочие, многие крестьяне и те промежуточные классы, которые по убеждению, или даже в силу обстоятельств, примкнули к движению». «Делегация не встретила никакого недовольства Советской властью среди рабочих и служащих, но много недовольства среди тех, кто не захотел или не смог примкнуть к новой системе». Делегация ни одним словом не выражает сожаления о них. Если она еще и не понимает, то, повидимому, чувствует, что горсточке никчемных плакальщиков о прошлом нечего делать в Советской Республике.

«Основной принцип системы—это создание такого государства и такого общества, которые будут наиболее благоприятными для большинства рабочих (как физического, так и умственного труда) и дадут одинаковые права всем мужчинам и женщинам».

Касаясь вопроса об образовании, искусстве, спорте, отдыхе, жилище, положении крестьянства, медицине, госаппарате в целом, она неизменно приходит к одному и тому же выводу, что все, что царская власть могла дать, она давала небольшой группе избранных, и что все, что Советская власть может дать, она дает трудящимся, и, что «чем богаче будет она становиться, тем больше будет давать». В то время, как всюду права трудящихся ограничиваются имущими, в России «эти ограничения налагаются самими рабочими на себя, для своего собственного дальнейшего процветания». «Такие ограничения являются в России договором между рабочими и их собственной властью, которой они доверили свое управление и свою промышленность, свои заводы и свои земли. Во всех других странах они являются результатом компромисса между классом правителей—буржуазией и натиском рабочих, до сих пор никогда не распоряжавшихся, а только бунтующих».

Посещая санатории, дома отдыха, клубы, детские дома, больницы, квартиры рабочих, «делегация на каждом шагу отмечает, что там, где раньше помещалось 2—3 человека с многочисленной, исключительно их обслуживающей прислугой, размещаются сотни детей, сотни рабочих получают здоровый отдых в хороших клубах. Реквизиция частных дач на курортах дала возможность подлечить в одно лето до 700.000 человек. Не безынтересны и некоторые статистические данные, помещенные в отчете о работе медицины до революции. Оказывается, что 85% медперсонала обслуживало 5% населения, в то время как 95% населения должны были довольствоваться тем обслуживанием, которое могли дать 15% медперсонала. Чистота улиц, домов, лечебных и пр. учреждений абсолютно удовлетворяет даже требовательных англичан. Оборудование больниц не уступает европейскому.

Посещение различнейших фабрик и заводов заставляет делегацию признать огромные достижения последних четырех лет. Техника улучшается и быстро нагоняет довоенную, в некоторых областях (добыча соли и др.) даже перегоняя ее. Заработная плата неуклонно повышается.

Все эти достижения тем более поразительны, что «в распоряжении Советского правительства было меньше средств, чем у любого из других, разоренных войной, народов».

Профсоюзы в СССР.

Государство управляется и поддерживается рабочими. Отсюда вытекает особое положение, занимаемое в СССР профсоюзами. «Будучи освобожденными от основной функции профсоюзов во всех других странах—от необходимости защищать рабочих от эксплоатации имущими, профсоюзы имеют возможность заняться воспитанием рабочих, как граждан и как правителей». «Главнейшей задачей профсоюзов в СССР является предоставление своим членам домов отдыха и больниц, воспитание и другие социальные функции, не входящие в круг задач британских профсоюзов. Установление минимума зарплаты, максимума рабочих часов и широкое рабочее законодательство дало возможность союзам вести работу помимо той, которая обычно ведется в странах, где профсоюзы имеют исключительно характер защитника». В капиталистических странах договоры между рабочими и предпринимателями «являются результатом конфликта между, с одной стороны, экономической властью—капиталом, с другой стороны — трудом. В России они являются соглашением между профсоюзом и государством о том, какая часть прибыли может быть распределена в виде дивиденда рабочим, а какая часть должна пойти в фонд, на оборудование и т. д.». «Хотя русские профсоюзы, как таковые, не являются больше частью Советского правительства, тем не менее было бы величайшей ошибкой предположить, что их положение в России не является более значительным и более влиятельным, чем в других странах. В России рабочие—владельцы и руководители промышленности, и, хотя они передали управление ее специальным лицам, они оставляют за собой контроль».

Пропаганда, проводимая Советской властью за повышение производительности труда, «не вызывает той оппозиции, которая возникла бы в странах, где промышленность все еще находится в руках частного капитала. Это происходит потому, что рабочие понимают, что всякая дополнительная прибыль, получаемая от увеличения продукции, вернется в их карманы, и что увеличение производительности труда не будет производиться за счет ухудшения условий их жизни». Представители профсоюзов принимают участие не только во всех комиссиях, контролирующих производство, но и во всех комиссиях Советского правительства. «Через профсоюзы все промышленное население втянуто в систему, управляющую жизнью большинства».

Просвещение.

Музеи и памятники искусства не только не разрушаются, но значительно обогащены национализацией богатейших частных коллекций.

Все школы и высшие учебные заведения как общеобразовательные, так и технические,—рабочим. Рабочие легко могут совершенствоваться в своей специальности или избирать другую. Библиотеки и учебные заведения в их полном распоряжении. В смысле жилища, образования и

различных привилегий в России рабочие получают больше и лучше, чем где бы то ни было, находит делегация. Во всех даже начальных школах из детей воспитываются борцы за новую жизнь. Огромное внимание уделяется развитию их классового самосознания. Пионеры вызывают их восхищение своим развитием, огромным влиянием, оказываемым ими на окружающих ребятишек. Вообще, подчеркивает делегация в своем отчете, «детям уделяется большое внимание и дети выглядят здоровыми и довольными».

Карательная политика Советской власти.

Касаясь пресловутого «красного террора», «что касается уверений прессы в том, что теперешний режим в России—это «сплошной террор», делегация считает нужным отметить, что этому не может поверить ни один честно и беспристрастно настроенный человек, путешествующий по Союзу и соприкасающийся с его гражданами». Правда, контр-революционные наступления Колчака, Юденича, Деникина вынудили создание чрезвычайной комиссии, обладающей всеми правами не только следственной, но и карающей власти. «Но как только кончилось активное наступление контр-революции, права применять высшую меру были лишены как чека, так и трибуналы». «ЧК же можно рассматривать только как организацию, к которой приходится прибегать всем государствам, независимо от их революционности или реакционности, когда правительственной власти угрожает гражданская или внешняя война. Единственная разница заключается в том, что реакция, такая как царизм, все больше и больше опирается на свою «охранку» и на своих казаков, в то время как революция (это показал опыт России) может демобилизовать подобные силы в тот момент, когда исчезает острая необходимость в них». Совершенно свободно обходя как уголовные, так и политические тюрьмы, беседуя с глазу на глаз с арестованными, вместо рассказа об ужасах и истязаниях, так подробно комментировавшихся в иностранной прессе, делегация делает следующее заявление: «Мы были очень рады увидеть, что заключенные в тех тюрьмах, которые когда-то были худшими тюрьмами во всей Европе, пользуются теперь необходимыми удобствами, с ними обращаются в высшей степени человечно, и они получают полную возможность по-иному начать свою жизнь». «Вся система тюремного режима и обращения с арестантами основана на новейших теориях криминалистической психологии. Введение человеческих условий существования в тюремную жизнь—одно из замечательнейших достижений. Преступник содержится в тюрьме не с целью наказания, но с целью воспитания из него полезного гражданина и работника». «Атмосфера теперешней русской тюрьмы напоминает скорее мастерскую с свободными рабочими, чем тюрьму». О политических заключенных делегация сообщает следующее: «Мы получили возможность свободно говорить с самыми опасными врагами теперешней власти; с лидерами социалистов-революционеров, осужденными на расстрел два года тому назад, с тех пор сидящими в Бутырках. Разговор с арестованными происходил в коридоре, в который выходят их камеры, в отсутствии каких бы то ни было представителей власти. Из этого разговора выяснилось, что арестованные не согласятся на освобождение, если им не будет обещана полная свобода действий. Технические условия их заключения не уступают условиям первоклассных английских тюрем». «При всех этих обстоятельствах делегация не сочла себя в праве брать столь серьезную ответственность, как хлопоты по освобождению столь непримиримых».

Пролетарский суд тоже вызывает их удивление: суд, отступающий от формальной буквы закона, чтобы принять во внимание ряд обстоятельств, «которые даже не вошли бы в рассмотрение других судов» (в Европе) и в результате «безусловная охрана личности и имущества при минимуме индивидуального страдания». Что касается беспристрастности суда, то существует общее положение, по которому чаша весов должна склоняться на сторону рабочих против имущих. Это об'ясняется обратным положением вещей во всем остальном мире.

Выводы.

Заканчивая главу о Советской власти, как таковой, делегация резюмирует свои впечатления следующим образом: «Советскую систему представительства и ее схему конституционного и частного права нельзя назвать недемократической (в широком смысле этого слова). Она во многих отношениях дает отдельным лицам гораздо более действительную и полную возможность участвовать в общественных делах, чем дают парламентские правительства. Но в некоторых отношениях это участие строго ограничено. Это об'ясняется тем, что до сих пор вся система находилась под строгим контролем своих организаторов при согласии огромного большинства выборщиков. Это согласие избирателей об'ясняется отчасти той энергией и той удачей, с которой лидеры вели страну через кризисы, а отчасти личной честностью пионеров революции».

«Конституция (СССР) предоставляет такие же, вероятно, даже бóльшие, чем где бы то ни было, возможности для народного правительства, политического мира и социального прогресса».

Не террор, не угнетение всех небольшой кучкой захватчиков, и не медленное умирание страны, как старательно изображает Европа Советский Союз, а бóльшие, чем где бы то ни было, возможности для социального прогресса. Подобные заявления делаются делегацией много раз на протяжении отчета. Если весьма печальны для царизма все сравнения, проводимые делегацией между новой и старой Россией, то не менее выгодны и для Европы часто проводимые делегацией сравнения «культурной» Европы с «полуазиатским» Союзом. Для резюме этих сравнений мы приводим слова самой делегации:

«Если в новой советской системе не совсем определились ее законодательные и исполнительные функции, и в некотором отношении они еще даже недоразвились, то некоторые из ее опытов могут служить примером для все еще хаотического руководства и контроля национальной экономикой в западных государствах».

«Делегация по вопросу о законе и порядке (в СССР) пришла к тому заключению, что общественный порядок (в СССР) значительно выше, чем во многих странах континента».

«В отношении народного здравия, жилищ и тюремной системы делегация пришла к тому заключению, что Советское правительство достигает замечательных результатов. Несмотря на то, что в этих областях Россия до революции была, вероятно, самой отсталой из европейских стран, тем не менее, во многих отношениях она уже достигла европейского уровня; при теперешнем темпе прогресса она в недалеком будущем сможет служить примером».

Крестьянский вопрос.

Но, может быть, это относится только к городу, к рабочим, к промышленности? Делегация подробно останавливается и на крестьянском вопросе вообще, и на сельском хозяйстве, и на отношении крестьянства

к Советской власти. И в этом вопросе опять наталкивается на сравнение с тем, что было до революции. «До революции положение крестьянства было ужасно. Они владели только одной третью земли, в большинстве плохой, а помещики держали их в положении полукрепостных. Кроме того, из земли, принадлежащей крестьянам, большой и все увеличивающийся процент был в руках кулаков, которые неуклонно доводили середняков до состояния бедняков, а бедняков до состояния батраков. До большевистской революции ничто не было сделано для того, чтобы действительно отдать землю крестьянам». «Но уже в 1919 г. 96% земли находилось в руках крестьян, а 4% в коммунальном владении». И тут же маленькое, но, вероятно, не совсем приятное для кое-кого из наших соседей, сравнение: «В Бессарабии также крупные владения аристократии были отняты у нее во время революции. Но с тех пор страна была оккупирована Румынией и большое количество мелкого и среднего крестьянства вынуждено было, под давлением налогов, продать как прежнюю, так и вновь приобретенную землю кулакам». Какова же дальнейшая политика Советской власти по отношению к крестьянству? Делегация дает следующий ответ: «Первыми шагами правительства (при переходе к мирному строительству) было принятие энергичных мер, чтобы побороть катастрофические последствия войны и голода. Эти мероприятия были доведены до максимума в 1922 г. Все же еще много осталось сделать для того, чтобы восстановить разрушенные районы. Тем не менее, сделано уже так много, что правительственная деятельность в области сельского хозяйства ежегодно меняет свой характер, переходя от помощи и восстановления к перестройке сельского хозяйства путем электрификации и технического просвещения (крестьянства)».

«Русское правительство делает в этом отношении все, что может».

«Бюджет текущего года ассигнует на финансирование сельского хозяйства 62 миллиона золотых рублей... прибавьте к этому 48 милл., истраченных на помощь (неурожайным районам), и вы увидите, что бóльшая часть сельско-хозяйственных налогов снова размещается в сельском хозяйстве».

Делегация подробно останавливается и на смычке: «правительство не только позволяет, но и помогает крестьянству продавать свои продукты по возможно лучшим ценам и пользуется своим экономическим руководством промышленностью для того, чтобы крестьянин в обмен за свои продукты получал справедливый эквивалент в промышленных изделиях».

Приведенными здесь цитатами из отчета делегации как будто исчерпывается вопрос об экономическом взаимоотношении города и деревни. Но делегация не удовлетворяется этим. Она разбирает и их политические взаимоотношения и приводит ряд примеров как из эпохи военного коммунизма—эпохи агитации и пропаганды среди крестьянства, так и из эпохи нэпа — эпохи вовлечения крестьянства в советское строительство и воспитания его путем широкого привлечения к работе в местных и центральных советах. И экономически и политически государство стоит на страже интересов крестьянства, всемерно ему помогая и всемерно его развивая. «70% украинских крестьян,—пишет делегация,—приняло участие в последних выборах и поддержало советскую систему, поддерживая ее и теперь уплатой налогов, собираемых без затруднений; и хотя крестьяне—упорные индивидуалисты, но быстрая уплата налогов, интерес, проявляемый ими к политическим выборам, и поддержка, оказываемая им советскому правительству, указывают на то, что они довольны теперешним режимом». И дальше: «Число выбранных (в деревнях) женщин повысилось с 7% в прошлом году до 16%, в некоторых же случаях достигало 25%. Процент избираемых коммунистов увеличился с 10 до 15%, а красноармейцев—с 1 до 4%.

Около половины прежних делегатов были переизбраны. Увеличилось число избираемых бедняков, а число середняков упало с 33 до 20%. Среди крестьянства не было недовольства общей системой выборов, хотя отдельные подробности и подвергались критике. Ясно, что целью теперешней системы является научить крестьян самоуправлению».

Защита революции.

Советская власть не забывает и о защите рабоче-крестьянского государства. И в этой области ее достижения поражают делегацию. «Мы были свидетелями маневров первой дисциплинированной, вооруженной и обученной армии, созданной и предназначаемой для защиты учреждений рабочего класса. Хорошо снаряженные, хорошо обученные солдаты, находящиеся в распоряжении офицеров, назначенных рабочими организациями. Мы не совсем уверены в том, как отнеслись бы к этой демонстрации те, кто входит в так называемые пацифистские организации Великобритании, как бы то ни было, это (армия)—абсолютная необходимость в Российской Республике. Власти и те, кто в России ответственен за социальную и экономическую жизнь, принимают все меры к тому, чтобы защитить теперешний социальный порядок против всех опасностей, включая контр-революцию и нападение на советскую страну извне». «Помимо технического обучения офицеров, большое внимание уделяется общему и политическому образованию нижних чинов». В этом отношении употребляются все усилия для того, чтобы красноармеец ясно понял, что он защитник прав и революционных завоеваний своих братьев—рабочих и крепость нации от внешних атак. Дисциплина строга во время службы, но вне службы высший и низший свободно смешиваются, все—на равных началах. Нет и следа той социальной грани, которая разделяет офицера от солдата, грани так старательно культивируемой в других европейских армиях». «Образование Красной армии—самое могущественное средство борьбы с неграмотностью и некультурностью русской деревни». «К солдатам не применяется никаких ограничений в смысле участия в политической и социальной жизни». «Призыв к их пролетарской солидарности вместо патриотических чувств оказывается действительнее в смысле военного энтузиазма и боеспособности. Делегации ясно, что солдат—не только гражданин, но временем отбывания им воинской повинности пользуются, чтобы развить в нем чувство гражданина, и дисциплина от этого не страдает».

И все это проводится, несмотря на то, что «расходы на Красную армию равняются приблизительно одной пятой расходов на бывшую царскую армию».

Закавказские республики.

Особую часть своего отчета делегация посвящает Закавказской Федерации.

Прежде всего она опровергает столь распространенные за границей слухи о насильственном перевороте на Закавказье и, в частности, в Грузии, о меньшевистском рае, о последовавшем большевистском терроре, насилии, зверствах.

«Армянские большевики, которых было уже значительное количество, свергнули националистическое меньшевистское правительство. Таким образом Армения, как и Азербайджан, стали советской рес-

публикой». Что касается Грузии, то делегация приводит разговор члена делегации Бромлей с одним из меньшевистских лидеров, до конца сражавшегося за свое правительство.

Меньшевик: «Борьба была так коротка, что было невозможно во-время получить подкрепление из Москвы».

Бромлей: «В таком случае не верно мнение, распространенное в Англии о том, что в Грузии было прочное правительство, царил порядок и все было незыблемо, когда явилась Красная армия и низвергла прочное правительство?

Меньшевик: «Я был в то время членом ЦК профсоюзов, и мы боролись со всеми рабочими, которые хотели стать большевиками. Меньшевики разогнали четыре союза, потому что они не хотели бороться с большевистскими лидерами. Меньшевики избегали собраний своих собственных профсоюзов потому, что они боялись большевистского влияния и власти в этих союзах. После этого часть рабочих ушла за границу и образовала отряд для борьбы с правительством. 5-й полк и 7-я рота перешли к большевикам. Началось восстание. Было образовано Советское правительство. Все это было сделано самими грузинами, без единого русского».

О том же, какое правительство сумело больше вовлечь весь грузинский народ в управление страной, достаточно ясно свидетельствует следующее сообщение делегации: «При меньшевистском правительстве среднее участие в выборах равнялось приблизительно двум третям избирателей. Теперь оно достигает трех четвертей», «и если бы выборы были простой комедией, то трудно понять, почему в них принимают такое активное участие». Касаясь пресловутого большевистского террора в Грузии, делегация напоминает, что одним из первых актов большевистского правительства было опубликование декрета, об'являющего легальными все партии, которые откажутся от вооруженной борьбы. Этого предложения не приняли меньшевики, продолжая из Парижа настраивать своих сторонников в пользу конспиративных организаций. «Убийство меньшевиками 18 заложников вывело из себя большевиков». Это вызвало террор, скоро прекращенный. Все слухи о терроре и репрессиях, доходившие до делегации, ею тщательно проверялись. Но ни разу ей не удалось при расследованиях натолкнуться на этот террор. Делегация пришла к тому выводу, что «нет оснований предполагать, чтобы страдали невинные». Ряд богатых в прежнее время туземцев и русских в Азербайджане благополучно и мирно работает в качестве специалистов. Что касается тюремного режима в Грузии, то «достаточно сказать, что все сенсационные слухи абсолютно не верны». «Во время меньшевиков в Грузии, большевистские члены профсоюзов были лишены права пользоваться домами отдыха, санаториями и т. д. Дома отдыха теперь широко открыты для меньшевистских членов профсоюзов, и во многих случаях терпимость, проявляемая к членам профсоюзов, бывшим раньше меньшевиками, привела к тому, что многие из них примкнули к большевистской партии».

Что сделала Советская власть на Закавказье?

В Баку—«старые конки заменены электрическими трамваями, соединяющими все части города с нефтяными источниками». «Благодаря национализации все проекты электрификации нефтяных промыслов и концентрации производства, о которых говорили в течение 15 лет, осуществлены». «Результатом этого была огромная экономия топлива (около 15.000 тонн) и рабочей силы». «Построено свыше 120 верст жел. дороги, соединяющей промыслы со складами и мастерскими». В Тифлисе «совершено чудо. Построена огромная плотина—«современная цивилизация обращает бурные воды в источник полезной энергии». «Тифлис превратится в современный город, осветит окружающие деревни, будет иметь даровую энергию для своего производства». Эти и многие другие достижения наводят делегацию на мысль о том, как много можно достигнуть благодаря национализации. Централизация и электрификация проводятся по схеме, выработанной еще до войны, но не осуществленной из-за невозможности согласовать противоречивые интересы частных предпринимателей».

«Советское правительство не эксплоатирует выгодное предприятие (добыча нефти) за счет рабочих или подрывая будущие возможности промыслов. Наоборот, оно приняло программу прогрессивного улучшения квартирных условий рабочих и промышленного развития, которая должна быть покрыта увеличивающимся доходом».

И опять делегация не может удержаться от постоянных сравнений с тем, что было раньше. При царе «в лачугах люди разных национальностей жили в таких условиях, которые в нашей стране заставили бы привлечь владельца скота к ответственности за жестокость содержания его в подобных условиях». «В виде контраста этим условиям мы осмотрели новые дома, построенные на доход от нефти советским правительством для рабочих». Помимо этого много денег тратится на образование. «При меньшевиках в школах было всего 156.600 детей, с помощью профсоюзов их число увеличено теперь до 230.000. Число учителей в 1920 г. достигло 5.680, теперь—около 9.000. Число технических сил увеличено с 5 до 17, научных—с 9 до 13. Число студентов возросло с 2.814 до 4.738. Число публичных библиотек—с 38 до 57». «При царском режиме промышленность Грузии не представляла крупной величины и политика правительства вела не к развитию, а к затемнению народа—отсталым народом легче управлять политически. При меньшевиках с 1918 до 1921 г.г. та промышленность, которая существовала раньше, была сведена на-нет, но она значительно улучшилась за последние три года при советской власти». «Несмотря на последствия войны и постоянные смены правительств, продукция национализированной промышленности увеличилась на 35%по сравнению с 1922 г. «Жалованье рабочих на нефтяных промыслах увеличено на 54½%. Увеличено жалованье и всех остальных рабочих и служащих».

Неудивительно, что рабочие Закавказья активно поддерживают Советскую власть. «Положение в Грузии в общем таково же, как в Азербайджане и Армении — большинство промышленных рабочих готовы отдать свою жизнь за теперешнее правительство, а немногочисленное меньшинство, остающееся в оппозиции, отнюдь не намерено отдать свою жизнь за то, чтобы его опрокинуть». «Нацменьшинства, угнетаемые при меньшевистских правительствах и пользующиеся теперь равными со всем населением правами, активно поддерживают Советскую власть». «Меньшевистский Комитет Грузии, ликвидирующий теперь партию, посылает специальную комиссию за границу к Жордания просить его отказаться от агитации против сотрудничества с Советской властью». Дальше делегация приводит выдержку из разговора Перселя с одним из меньшевиков.

Персель: «Когда Жордания был в последний раз избран представителем Грузии во Втором Интернационале? Когда Грузия последний раз платила членский взнос II Интернационалу? Кто уполномочил II Интернационал поднять вопрос о Грузии в Лиге Наций?»

Меньшевик: «Жордания никогда не был избран представителем меньшевистской партии во II Интернационал. В 1918 г. центральный комитет избрал четырех представителей—Церетели, Ахмедишвили, Чхенкели и Чхеидзе. После этого не было никаких выборов. Последний раз членские взносы были уплачены в 1920 г. Пока я был членом централь-

ного комитета, ничего не предпринималось, чтобы поднять вопрос о Грузии в Лиге Наций. Нелегальный центральный комитет просил Жордания поднять вопрос о Лиге Наций, но ни один человек здесь и ни один из членов президиума в Грузии никогда не разрешал подобного выступления. Вопрос даже никогда не обсуждался действительным центральным комитетом партии».

В связи со всем виденным делегация не может не выразить самого резкого возмущения теми многочисленными интервенциями, которые долго не давали возможности Советской власти приступить к мирному строительству. По поводу французского и английского хозяйничанья на Черном море она заявляет: «Больше половины судов было уничтожено, и Черное море было совершенно очищено от всяких торговых судов—вот образчик беспримерного в мировой истории разбоя». Если Грузия и встретила более или менее сочувственно турецко-германскую и франко-английскую оккупацию, то это об'яснялось только общей ненавистью к русским—в результате царской политики. Но политика англичан привела к не меньшей ненависти к ним и не без горечи делегация заявляет: «В разговоре с меньшевиками пришлось услышать много тяжелых истин о роли всех британских партий по отношению к Грузии, доведших до катастрофы этого года» (восстание в Грузии). Об этом последнем восстании делегация говорит: «Оно было поддержано иностранными политическими партиями, враждебными новой России и связанными с русскими эмигрантами, а также финансовыми и торговыми организациями, заинтересованными в нефтяных богатствах этого района. Остается только удивляться тому, что при такой комбинации материальных сил в Советской Грузии дело не приняло более серьезного оборота».

Что касается пресловутого признания союзниками независимости Грузии, делегация сообщает: «Освободившись в конце 1919 г. от Деникина, Москва обратила внимание на Кавказ. Она прежде всего помирила Азербайджан с Арменией. Эти обе страны, а также Грузия получили тогда полную автономию, как самостоятельные государства. Это лишило англичан возможности играть на их национальных чувствах. Ведь союзники не дали Кавказу полного признания его независимости, так как они давали свои деньги на Деникина и на восстановление империи. Признание западных держав, данное в январе 1920 г., таким образом, отпадает». «Присоединение Закавказской Федерации к СССР лежит в интересах рабочих и крестьян Кавказа и всего мира. Их интересы требуют и того, чтобы Кавказ не стал опять ареной военных оккупаций и войн».

Выгодность экономического сотрудничества.

Делегация не может не видеть необходимости тесного сотрудничества с СССР. Колоссальные, еще очень мало разработанные, природные богатства заставляют ее десятки раз на протяжении отчета возвращаться к вопросу о том, как бесконечно много можно было бы сделать при условии получения иностранных кредитов. Несмотря на богатство почвы, во много раз превосходящее Европу, урожай равняется $1/3$ и даже меньше (с десятины) европейского. Уже увеличение его на $1/10$ дало бы дополнительных 500 миллионов руб. Интенсификация сельского хозяйства тормозится отсутствием средств. Часто достаточно было бы одного-двух тракторов, чтобы произвести экономическую революцию в деревне. Недостаток средств тормозит развитие железнодорожного и водного транспорта и наносит большой ущерб иностранной торговле. Благодаря иностранным кредитам легко было бы увеличить добычу соли на 75%. Увеличение продукции нефтяных промыслов также тормозится из-за отсутствия средств. На многих фабриках применяется ручной труд, там, где он мог бы быть заменен машинным. В табачном производстве лучшими машинами считаются английские. Они получили бы широкое распространение, если бы создались нормальные условия торговли с Англией. Это дало бы работу многим безработным английским инженерам. И беспрестанно мелькает одно и то же опасение: Англия опоздает, СССР перебросит свои коммерческие операции в другие страны, торговля с которыми сопряжена с меньшими формальными неудобствами. Особенно пугает ее заключаемый нами с Германией торговый договор. «Торговля, могущая иметь огромное значение для Великобритании, целиком зависит от ее политического отношения» (к СССР). «Она была бы наиболее выгодным помещением капитала для стран с избытком капиталов, но с недостатком жизненных припасов». «Капитал, помещенный в России, дал бы большую прибыль и дал бы западным странам достаточное количество жизненных припасов и топлива».

Вот то, что говорит делегация о Советской России, поскольку она только беспристрастно описывает то, что она видела.

Значительно хуже обстоит дело там, где она пытается об'яснить самую сущность Соввласти, там, где она пытается понять и об'яснить идеологию и психологию созидателей новой жизни. Экономика толкает вождей английского профессионального движения к СССР и она заставляет их быть беспристрастными, но психология по существу мелких мещан-эволюционистов мешает ей действительно понять происходящее. В начале своего отчета делегация обещает посвятить его результатам, достигнутым русской революцией, а не философии русского коммунизма. И остается только пожалеть, что она не полностью исполняет свое обещание. Вдаваясь все же местами в эту самую философию, представители английских трэд-юнионов безнадежно путаются в понятиях «демократии», «личной свободы», «власти большинства или меньшинства», опровергая на одной странице своего отчета то, что они утверждают на другой. (Например, делегация утверждает, с одной стороны, что наша политическая система основана на захвате власти меньшинством, вывод, к которому она приходит, повидимому, на основании того, что у нас нет знаменитой «демократии», с другой же стороны, при изложении тех конкретных фактов, с которыми она сталкивалась в СССР, делегация утверждает, что у нас власть большинства и для большинства.) Еще безнадежнее дело обстоит там, где она старается об'яснить, что такое РКП. Если партия свободно допускает критику, то они не могут не приписать ей тех тенденций, которые были бы понятны, близки им самим: «вероятнее всего, что русский коммунизм пойдет на компромисс с установленными политическими системами, развивая двухпартийную систему и конституционную оппозицию». Для «русского коммунизма» они не видят других путей, кроме тех, которыми десятилетиями шли сами. Не приходится удивляться в дальнейшем и вероятному в будущем слиянию русского коммунизма с религией и прочим чудесам, предсказываемым делегацией. Пока же русский коммунизм не оправдывает еще блестящих предсказаний, делегация утешается тем, что «русская революция не имеет ничего общего с английской эволюцией» и «что социальная система теперешней России не может быть полностью применена в Англии. Русские люди больше приспособлены для массовой организации, они меньшие индивидуалисты, чем англичане».

Но, несмотря на все свои отрицательные стороны, отчет может сыграть и, очевидно, сыграет большую роль в развивающейся борьбе за единство мирового профессионального движения, за экономическое сближение Европы с СССР. Это—первое, вполне беспристрастное изложение того, что происходит в СССР. Для рабочих всех стран он явится ценнейшим документом.

„Пан - Европа“.

(Патентованное средство для склейки Европы).

Заатлантический гигант, быстро, как-то неожиданно окрепший и возмужавший, Новый Свет все настойчивее и грузнее наседает на одряхлевший Старый Свет, на расшатанную издерганную Европу.

20 миллиардов долларов займов и инвестиций, 60% мирового запаса золота, 55% мирового производства чугуна и стали, 41% мировой добычи угля, 71% добычи мировой нефти—вот те гири, которые американский империализм может бросить на чашу весов в его борьбе с Европой.

Германию опутал сетью Дауэс; за 110 миллионов долларов (участие Штатов в займе в 200 милл. долл. согласно плану Дауэса) американский капитал купил себе право контролировать германский бюджет, государственный банк, устойчивость валюты, железные дороги, налоговую систему,—словом, по своему усмотрению, распоряжаться в самых решающих областях политико-экономической жизни. За 100 миллионов моргановского займа американский империализм купил себе возможность оказывать давление на внутреннюю и внешнюю политику Франции; за уступки в урегулировании вопроса о военном займе (около 4 миллиардов долларов) он, по всей вероятности, и здесь добьется почти такого же контроля, как в Германии; это уже предусмотрено проектом Герли, этим «планом Дауэса» для Франции; за входную плату в 50 миллионов долларов американский империализм получает возможность вторгнуться в Италию; за меньшие суммы он занимает командные политические высоты в Польше, Венгрии и в некоторых окраинных странах. В менее грубых и менее явных формах он оказывает давление на Англию; здесь нажим называется американской «дружбой». Но эта «дружба» дорого, очень дорого обходится английскому империализму. Ради нее Англия первая из союзников приступила к уплате своего военного долга Штатам, закабалив себя взносами в 150—180 миллионов долларов на целых 65 лет; ради нее она на Вашингтонской конференции отказалась—вынуждена была отказаться—от первенства на море, порвала старый союз с Японией, сдала ряд важнейших дипломатических позиций на Дальнем и Ближнем Востоке, в Германии и др. европейских странах.

Капиталистическая Европа больно ощущает «филантропический» нажим Америки; заискивающе улыбаясь американскому империализму, она с сильной внутренней тревогой следит за его экспансией на европейском и азиатском континенте, на южно-американском, где он распространяет свою власть под маской доктрины Монро и пан-американизма. И неудивительно, что европейская буржуазная мысль начинает выдвигать планы спасения Европы. Таким планом является «Пан-Европа».

Его пророком является известный австрийский «сиятельный» пацифист граф Р. Н. Куденгове-Калерги. Он создал в Вене т. н. пан-европейский союз, издающий свой периодический орган и литературу; он выступает со своим планом на разных пацифистских с'ездах; привлекает на свою сторону соответственно настроенных буржуазных политиков (Эррио, Пенлеве, Маркс, Массарик, Зейпель) и социал-демократов (Отто Бауэр, Поллебе и др.). Союз готовится в скором времени созвать широкий пан-европейский конгресс. С этим пан-европейским планом, который в нашей печати, кажется, не освещался, стоит подробнее ознакомиться: он без сомнения весьма симптоматичен для кризиса европейского капитализма и европейской буржуазной и мелко-буржуазной мысли: он также может и должен служить одним из исходных пунктов для коммунистической пропаганды в западных странах.

Обратимся к недавно вышедшей книге: R. N. Coudenhove-Kalergi «Pan-Furopa» (Wien, Pan-Furopa Verlag, 1924 г).

Раньше всего автор рисует картину распада Европы и нужно ему отдать справедливость—в смелых и в общем довольно верных штрихах:

«Европейская мировая гегемония навсегда обанкротилась. Когда-то Европы боялись; теперь ее жалеют... Вся в долгах, раздробленная, беспокойная, расслабленная, раздираемая национальной и социальной борьбой; тяжко пострадавшая в экономическом отношении и в смысле живой силы: в таком состоянии она идет от безутешного настоящего к неизвестному будущему.

«Как политическая категория Европа не существует. Та часть света, которая носит это название, представляет собой хаос народов и государств, пороховой погреб международных конфликтов, реторту будущих войн»...

И указывая на усовершенствования орудий истребления, в частности на удушливые газы, автор говорит:

«В будущей войне не будет разницы между фронтом и тылом. Всякий город в пределах достижения будет разрушен; всякий враг в пределах достижения будет убит... Такая истребительская война будет означать гибель Европы».

На-ряду с этим надвигается угроза со стороны Америки.

«Благосостояние Америки возрастает в то время, как благосостояние Европы падает... На мировых рынках европейская индустрия не будет в состоянии выдержать конкуренцию со стороны Америки, так как она (европейская индустрия) все более дорожает вследствие внутренних пошлин, насильно и бессмысленно отрывающих сырье от фабрик, руду от угольных шахт и аграрные районы от индустриальных».

И, указывая на т. н. «пан-американизм», Куденгове-Калерги с тревогой говорит о том, что «в то время, как Европа остается раздробленной, на том берегу Атлантического океана организуется целая часть света».

Но автор видит другую опасность, в его глазах еще более грозную—опасность со стороны Москвы. И, об'ятый страхом перед большевистским Востоком, он роняет свои пацифистские одежды и предстает перед нами во всей своей наготе как мелкий буржуйчик, обыватель, который истерически вопиет о том, что большевиков нужно поставить вне закона.

Автор не верит в то, что барьер окраинных государств, Польши и Румынии может служить защитным валом против «российского нашествия по путям Аттилы и Чингис-хана».

«Начинаются гонки между Россией и Европой. Кто из них раньше оправится от разрухи, пока Европа еще имеет преимущество: ее производственный аппарат и железнодорожная сеть остались почти не поврежденными. Но за то Россия имеет преимущество политической и экономической целости, в то время как Европа разбита на две дюжины экономических районов. Удастся России путем нескольких хороших урожаев восстановить свое хозяйство, прежде чем Европа сплотится,—и судьба Европы предопределена».

Итак, Европа меж двух огней. С одной стороны, американская опасность, а с другой—русская. Что же ей остается делать?

И тут мы уже подходим к самому «пан-европейскому плану»:

«Европа должна—через столетие после Америки—провозгласить свою доктрину Монро: «Европа—для европейцев». Пройдя через стадии пан-европейского арбитражно-гарантийного договора и таможенного союза—пан-европейское движение выльется в форму Соединенных Штатов Европы, по образцу Соединенных Штатов Америки».

В эти Соединенные Штаты графа Куденгове-Калерги будут допущены все европейские государства за исключением большевистского СССР. Не будет там представлена и Англия, так как, занимая среднее положение между Европой и Америкой, обладая колониями вне Европы, она сама вряд ли захочет пойти туда.

Таков этот новый продукт пацифистской мысли, ее новая хартия, которая была провозглашена автором «Пан-Европы» на международном пацифистском конгрессе в Берлине. Этот описываемый Калерги кровавый хаос в Европе и надвигающийся на Европу новый еще более страшный кровавый ураган не могут не видеть и те буржуазные политики, которые еще сохранили остатки чувства зрения, как, напр., б. премьеры Ллойд-Джордж и Нитти.

«Статистический обзор нынешних европейских армий,—пишет Ллойд-Джордж [1],—вызывает тревогу. Европа не учла урока войны. Она скорее сделала ложные выводы из этого несчастья... Европа теперь держит под ружьем больше людей, чем до войны... Народы копят взрывчатые вещества, усовершенствуют, увеличивают их силу; они также насыщают почву теми воспламеняющими страстями, которые и дадут взрыв. Несправедливость, обиды, заносчивость—все это растворенное духом мести носится над землей... Старый континент (Европа) бросает псам войны хлеб, которым он должен кормить своих детей. И наступит день, когда псы, взбесившись, бросятся на детей и разорвут их на куски».

Нитти идет дальше Ллойд-Джорджа в критике нынешнего положения вещей в Европе.

Автор Версальского мира и связанных с ним договоров называет свою книгу: F. Nitti—Das Friedlose Europa, Frankfurt a/M [2]).

«Распад Европы угрожает всем... Опять во всех речах звучит ненависть... Для некоторых стран, для некоторых общественных классов война еще является коммерческим делом... Нынешние договоры угрожают гибелью победителям и побежденным. Не мир они дали Европе, а состояние войны и насилия!.. И завтра они станут страшным обвинительным актом, который сегодняшними побежденными будет пред'явлен сегодняшним победителям».

Но какие же выводы он отсюда делает насчет роли Америки. Он как будто не видит действительных замыслов американского империализма в отношении Европы.

«Раньше всего,—говорит он,—я верю во влияние американской демократии. Америка весьма заинтересована в том, чтобы видеть пред собой богатую счастливую культурную Европу, которая, как и до 1914 г., управляет судьбами мира».

А в новой готовящейся к печати книге «La pace» («Мир»), отрывок из которой дан в «Neue Freié Presse» 24 мая с. г., он пишет:

«Америка, между тем, избрала наиболее логичную политику: она удалилась от Европы... Она пришла, чтобы побороть империализм, который угрожал всем. Но после войны сами победители стали на сторону национализма и империализма. Так зачем же Америке заниматься такой Европой? Она была бы заинтересована в этом, если бы Европа проводила политику мира и опять привела в порядок свою торговлю и обмен. Руководимая мудростью Америка, послужившая решающим фактором победы, не захотела для себя ни территориальных, ни финансовых компенсаций. Она хотела только одного—получить обратно деньги, одолженные ею союзникам».

Едва ли, конечно, можно предположить, что Нитти настолько наивен, что не понимает действительной роли Соединенных Штатов в Европе! Ведь эта роль была достаточно рельефно обрисована французской и итальянской националистической печатью, когда Америка стала нажимать в вопросе о долгах. Скорее всего, заискивая и лицемеря перед Америкой, он делает хорошую мину при плохой игре. Наконец, им так же, как и Ллойд-Джорджем, руководит желание заручиться помощью Америки против Франции. Но какова бы ни была тактика итальянского пацифиста по отношению к Америке, он так же, как и К.-Калерги, видит, что буржуазная Европа катится в пропасть. Его также пугает «большевистская опасность».

«Большевистская Россия,—говорит он испуганно,—все-таки была признана всеми или почти всеми странами, несмотря на то, что ее раньше так ругали и проклинали. Стоило ей только отказать в уступках,—и она, наконец, победила. И теперь Россия угрожающе продвигается в Азию и Монголию; продвигается также неожиданно в Китай... Оттолкнутая Европой она находит вновь более широкие пути... политика соглашения с Японией, выгодная для обеих стран, уже обрисовывается на горизонте». И на смерть запуганный зияющей пропастью распада Европы, с одной стороны, и грозно надвигающейся большевистской лавиной, с другой стороны—европейский обыватель Нитти вместе с Калерги задали роковой вопрос:

— Что будет завтра?

Такие же нотки мы слышим и в выступлении представителя страны, познавшей все прелести «оздоровления» путем впрыскивания американского капитала Австрии. На недавно состоявшемся с'езде католических студентов в Кельне, б. австрийский премьер Зейпель, указывая на процесс распада Европы, заявил:

[1]) David Lloid-George, Is it peac? Hodder and Stoughton, London.
[2]) Цитируем по авторизованному немецкому переводу.

задает секретарь государственного департамента Штатов (мининдел). Второй—питающийся идеями известного освободителя Южной Америки от испанского ига Голивара и ныне играющий жалкую роль—пытается осуществить неосуществимое—мирное сожительство волка—жадного империализма Штатов, с овечками малыми республиками Латинской Америки в особой пан-американской Лиге Наций, в которой Штаты не пользовались бы большими правами, чем, скажем, Урагвай или Парагвай. И когда Куденгове говорит о Вашингтонском пан-американском союзе и о пан-американских конференциях, как об образце международного сотрудничества, то не знаешь, чему это приписать—полнейшему невежеству или все тому же подобострастному заискивающему лицемерию по отношению к «богатому дядюшке», которое теперь так свойственно буржуазным и соглашательским политикам.

Чтобы не быть голословны, мы приведем пару выдержек из двух американских (северо-американских) авторов. В весьма содержательном и интересном обзоре в солидном американском журнала «Atlantik Monthly» (июль 1924 г.), С. Г. Инман, публицист, на месте изучивший положение в Латинской Америке, пишет о пан-американской конференции в Сант-Яго (Чили) в 1923 г., о последней из тех конференций, которые вызывают восторг наших пацифистов.

«В Сант-Яго Соед. Штаты заявили Латинской Америке, что мы (т.-е. Штаты) заинтересованы в торговых соглашениях, но мы не хотим иметь ничего общего с Американской Лигой Наций... что мы против реорганизации Пан-Американского Союза, добивающийся того, чтобы господство Соед. Штатов не выступало в нем так заметно».

Что же касается до терминологии Куденгове-Калерги—«мирной интервенции» Соед. Штатов в Центральной Америке, то об этом Инман говорит:

«В этих малых странах Юга, контролируемых нашими солдатами, банкирами и нефтяными королями, мы создаем свои Ирландии, Египты, Индии... Мы нагромождаем подозрения, ненависть, эксплоатацию и нарушение суверенности Ю. Америки».

А вот еще один документ: книга «The Monro-Doctrine—an obsolete Shiboleth». It. Bingham. London.

Отмечая тот факт, что в Вашингтоне отказали в мелкой ассигновке на пан-американский научный конгресс, автор, несколько раз путешествовавший по Латинской Америке, пишет, что этот факт служит лишним доказательством, что «наша (т.-е. Вашингтонская) политика—чисто-эгоистическая, осуществляемая только в наших интересах и не интересующаяся поощрением международного мира. Автор далее приводит мнение дипломата в Перу, который говорит: «чтобы спасти себя от империализма янки, латинско-американские демократии почти согласились бы на союз с Германией, или на помощь оружием со стороны Штатов».

И действительно Мексика, например, ищет поддержки у Японии против Соединенных Штатов; она оказывает широкое гостеприимство столь нетерпимым в Штатах японским эмигрантам и даже, по уверению А. Штейцмана, в Archiv für Politik und Geogeschichte, апрель с. г., имеет тайный договор с Японией, разрешающий последней высадку войск в Мексике в случае японско-американской войны.

Так обстоит дело с пан-Америкой, с пан-американским «самосознанием».

Едва ли более радужные перспективы и второй группы этих прожектируемых Соединенных Штатов Мира с об'единенной, умиротворенной пан-Европой. Вся Европа, по справедливому утверждению самого Куденгове-Калерги, представляет собой «пороховой погреб». Как же может вдруг случиться, что он превратится в рай земной? Неужели одни пацифистские проповеди вызовут такую метаморфозу?

А как представляет себе наш миротворец британскую группу? Кто, например, будет говорить в «мировом ареопаге» от имени 300-миллионного народа. На сей счет, на счет колоний мы у Куденгове-Калерги находим довольно-таки любопытные вещи. Оказывается, наш пацифист озабочен тем, чтобы за пан-Европой остались все африканские колонии и даже предлагает какой-то товарообмен, обмен колониальных народов с Англией? Это недурно для установления мира и справедливости на земле! Стоит ли в самом деле просвещенным пан-европейцам считаться с какими-то риффами, неграми, индусами и прочей цветной расовой мелюзгой!? Тут линия Куденгове вполне совпадает с линией его поклонников из рядов германской социал-демократии, которая, как известно, тоже усиленно хлопочет о том, чтобы мировые империалисты сжалились и уступили Германии захваченные у нее во время войны колонии: разве Германия менее цивилизована, разве она не обсуждает вопроса о вступлении в Лигу Наций, которая в числе прочих целей ставит себе цель «опеки» (так и сказано в уставе)—низших рас? И чем, наконец, германская секция II Интернационала хуже французской, спокойно содействующей эксплоатации «своих» марокканцев и их укрощению генералом Лиотэ?

Не стоит больше задерживаться на деталях планов рыцарей пан-Европы. Но сами эти планы все же заслуживают серьезного внимания, как барометр настроений известных слоев буржуазии, мелко-буржуазной интеллигенции и социал-соглашателей, которые видят пред собой безнадежный тупик настоящего, надвигающуюся ужаснейшую небывалую бойню в близком будущем, ищут выхода из положения в искусственных высасываемых из пальца пацифистских схемах. Их пугает хищный американский империализм, просовывающий свои цепкие щупальцы в Европу. Бороться с ним они боятся, не хотят, не умеют и не могут. И они с тревогой в душе, с живыми похвалами на устах кривляются и лицемерят перед ним, строят свои карточные домики—пан-Европа и проч. в смешной надежде, что они будут служить им крепостями против опасного врага с Дальнего Запада. Но не меньше их пугает Восток,—СССР, поднимающаяся Азия. И они загораживают свой карточный домик еще одной картой—это защита против вторжения «большевистских орд» в их пан-европейский уголок. Вот каковы те новые настроения в определенных кругах Европы, вызванные дегенерацией Европы, усилением Америки, с одной стороны, и СССР, с другой. Эти настроения, как мы видим, захватывают не только пацифистских политиков; через агентов буржуазии в рабочем классе, через социал-демократов они проникают и в рабочие ряды, где так сильна тоска по миру, по прекращению вечной грызни и вечных войн.

Нельзя проходить мимо этих новых настроений. Нужно сделать все эти жалкие пан-европейские планы исходным пунктом для борьбы за действительные Соединенные Штаты Европы. Книги, подобные «Пан-Европе» Калерги, «Европа без мира» Нитти, «Мир ли это?» Ллойд-Джорджа, не должны быть оставлены без внимания компартиями соответствующих стран. «Идеи» этих книг подкупают отсталые широкие слои пролетариата, интеллигенции и мелкой буржуазии, критикой послеверсальской Европы завоевывают их доверие для всяких лицемерных и иллюзорных миротворческих планов об'единения Европы и установления общеевропейского мира и братства при господстве капитализма». Нужно только уметь увязывать антимилитаристскую и вообще коммунистическую пропаганду с этими настроениями и выступлениями буржуазных пацифистов и их друзей из лагеря социал-демократии.

Капиталистическая Европа действительно распадается внутренними противоречиями. Европа действительно идет к новой войне, бесконечно более кровавой и разрушительной, чем война 1914—1918 г.г.

Европейские народы должны об'единиться; они должны создать Соединенные Штаты Европы. Но при капиталистическом строе — как бы ни изощрялся в пацифистских софизмах Ледебур — не только не возможна никакая «Пан-Европа», но не возможна хоть и самое скромное координирование экономической деятельности в интересах народов. Этому с неотразимой убедительностью учит тот европейский «порядок», который наводит отчаяние и уныние на самих буржуазных политиков. Соединенными и об'единенными в общеевропейском масштабе могут быть только советские социалистические штаты республики. Но такой союз европейских советских республик не может возникнуть в результате стихийной общеевропейской революции. Откладывать спасение Европы до такого момента, значит самому поддаться вредным иллюзиям. Экономическое и политическое развитие каждой страны протекает в своеобразных специфических условиях. Каждая страна имеет свои сроки для революции. И, раз упущенные, их трудно вернуть назад,—приходится в муках борьбы ждать их повторения. А потому Соединенные Штаты Европы могут возникнуть только в результате постепенного нарастания числа новых советских республик по мере созревания условий и их успешного использования революционным пролетариатом то в одной стране, то в другой. Но успешно использовать эти условия можно лишь в результате длительной и каждодневной революционной борьбы широких масс пролетариата, руководимых стальной революционной организацией, борющейся не на живот, а на смерть с целью насильственного разрушения капитализма и постепенного создания социалистического общества. Такая организация есть к о м м у н и с т и ч е с к а я п а р т и я. Только коммунистическая партия каждой страны в отдельности, приспособляя свою тактику к окружающим экономическим внутренне и внешне политическим условиям ведет борьбу за подготовку будущих Соединенных Штатов Европы, этим путем она подготовляет свержение собственной своей буржуазии. **В международном масштабе эту борьбу координирует, сплачивает и организует союз коммунистических партий—Коммунистический Интернационал.**

В этой формулировке, конечно, нет ничего нового. Но ее исходный пункт должен быть взят в указанных новых «пан-европейских» настроениях. Здесь в этой точке нужно увязывать пропаганду, и тогда она будет иметь успех у широких масс отсталых рабочих и крестьян, не желающих войны мелкой буржуазии, мелко-буржуазной интеллигенции.

Х а о с «с т а б и л и з о в а н н о й Е в р о п ы», я в с т в е н н а я у г р о з а в о й н ы, у г р о з ы з а к а б а л е н и я с о с т о р о н ы а м е р и к а н с к о г о к а п и т а л а, с о д н о й с т о р о н ы, к о л о с с а л ь н а я р о л ь С С С Р в б о р ь б е п р о т и в э т о й у г р о з ы — в с е э т и к а р д и н а л ь н ы е ф а к т о р ы н а ф о н е б е с п о м о щ н о г о б а р а х т а н и я р а з н ы х с п а с и т е л ь н ы х с х е м — в о т с и т у а ц и я, к о т о р а я м о ж е т и д о л ж н а б ы т ь с у с п е х о м и с п о л ь з о в а н а д л я п р о п а г а н д ы к о м м у н и з м а.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

П. Лапинский.

О двух Аяксах и о „революционном консерватизме“.

(Ответ моим критикам).

С критикой моей небольшой брошюры «Новая фаза империализма и ее экономические источники» мне положительно повезло. Правда, брошюра дала повод к бесчисленным, подчас самым неожиданным и даже забавным недоразумениям, зато эти-то недоразумения не лишены некоторого более общего поучительного характера. В них, как в кривом зеркале, отражается рутина, косность, банальная неподвижность революционной мысли, повидимому, ставшая достоянием отдельных товарищей и могущая представить настоящую опасность для развития революционной идеологии.

Поэтому над этими своеобразными недоразумениями, быть может, стоит остановиться.

Сразу же должен оговориться, что по тону и содержанию в стороне стоит от других критических статей появившаяся в «Правде» за подписью М. Т. краткая критическая заметка. Но эта составленная в весьма осторожных тонах заметка ограничивается, главным образом, правильным по существу изложением мысли моей брошюры. Правда, уж и это одно отличает ее выгодно от критических упражнений других авторов: ведь другие-то «критики» изобразили совершенно фантастически содержание моей брошюры и притом до того, что если бы их изображение было верно, то автор брошюры был бы не только плохим марксистом и коммунистом—это бы еще ничего!—но, хуже того, просто недоразвитым суб'ектом...

Тов. М. Т. только вскользь намечает пару критических указаний, да и эти указания формулирует скорее в вопросительной форме. Автору заметки думается, что в одной своей части данная в брошюре «постановка вопроса не вполне совпадает с постановкой его на пленуме Коминтерна. Некоторые экономические положения т. Лапинского несколько расходятся с положениями т. Варги в его периодических обзорах».

Что касается последнего указания, то, не говоря о том, что т. Варга вряд ли и сам считает, что степень уклонения от экономической истины с совершенной точностью совпадает со степенью расхождения со всяким положением его периодических отчетов—такая канонизация этих, впрочем, весьма ценных отчетов меньше всего, мы не сомневаемся, отвечала бы вкусам т. Варги,—но, не говоря уже и об этом, отметим, что, наоборот, в своем последнем периодическом отчете т. Варга весьма близко подходит к развитой мною точке зрения. В самом начале своего отчета т. Варга констатирует, что основная мысль моей брошюры

(относительное преодоление расстройства механизма обмена и обращения при все яснее и острее выступающем кризисе производства и сбыта) «по сути верна».

Но в чем же,—по мнению автора заметки,—выражается неполное совпадение «одной части» данной мною постановки вопроса с постановкой его на недавнем пленуме Коминтерна? Автор заметки формулирует конечные выводы брошюры в следующих словах: «Он (автор брошюры) видит возможность революционных взрывов не вследствие загнивания капитализма на корню, а вследствие его перерастания в новую, так сказать, гиперимпериалистическую фазу, которая в условиях непрекращающейся активности пролетариата, роста пролетарского государства и самосознания восточных народов, неизбежно должна привести к столкновению двух миров». Согласно т. М. Т., можно было бы, стало быть, предполагать существование двух принципиально отличных прогнозов революции: из них один опирался бы на предположение (на гипотезу) «загнивания капитализма на корню», а другой—на, повидимому, противоположное предположение перерастания капитализма в новую фазу («так сказать, гиперимпериалистическую»).

Нам думается, что автор заметки тут специфически заострил и поэтому не вполне верно передал нашу мысль. В нашей брошюре не было и не могло быть столь резко выраженного противопоставления обеих «возможностей». Но нам кажется, что и по самому смыслу столь резкое разграничение и противопоставление революционных прогнозов, опирающихся в одном случае на факт загнивания капитализма на корню, а в другом—на факт дальнейшего развития капитализма в какую-то новую фазу (если только слово «фаза» не понимать педантически)—неверно, с марксистской и ленинской точки зрения.

Ибо что же в точности понимать под несколько литературным термином «загнивания капитализма на корню»? Доныне мы, как будто, привыкли относить этот термин, главным образом, к наблюдаемой после войны картине внешнего распада капиталистического хозяйства, расстройства простейших функций его механизма, механизма, прежде всего, денежно-кредитной системы. Катастрофа валют, трагический фарс беспримерного обесценения бумажных денег, полная атрофия кредита, к тому вдобавок такие явления войны во время мира, как оккупация Рура, явления сверх'естественной политической неурядицы: вот что бросалось прежде всего в глаза, свидетельствуя о чрезвычайной болезни капитализма и до некоторой степени освобождая от необходимости и потребности более точного, более конкретного анализа всего состояния послевоенного капитализма. Больной извивался в смертельных судорогах: чего же еще было его аускультировать и перкутировать. Было не до того: руки—напряженно вытянутые—ждали, чтобы нанести ему последний, смертельный удар.

Но эта картина ярких, всякому видных, режущих глаза симптомов до некоторой степени избаловала нас: за внешними симптомами, за расстройством некоторых простейших функций организма мы не замечали—не вполне замечали — самого источника и более глубоких проявлений более глубокой, по и, как опыт показал, более длительной болезни.

6*

Между тем, следует сказать, что Маркс менее всего предусматривал как раз эти внешние формы и эти *наружные* симптомы распада, застарения капитализма, формы и симптомы, *теснее всего связанные с фактом мировой войны*, являющиеся ее *непосредственнейшим* результатом и последствием в хозяйственной области.

У Маркса той основной силой, которая непреодолимо приближает капиталистическую систему к ее естественному неизбежному концу и которая должна ее фатально столкнуть в преисподнюю истории—является ее собственная, неот'емлемая антагонистическая природа, находящая свое конечное, высшее выражение в основном, центральном противоречии капитализма: противоречии, выражающемся в том, что все условия и методы производства толкают капитализм «под угрозой гибели» и как к предпосылке «самосохранения» (как говорит Маркс) к непрекращающемуся расширению производственного аппарата и самого производства, тогда как пропорциональное соотношение отдельных отраслей производства и, прежде всего, потребительные возможности построенного на базе частной собственности общества кладут этой тенденции капитала неизбежный и—в форме кризисов—внезапно выступающий предел.

Развитие капитализма должно неизбежно обострять и углублять это радикальное несоответствие между фатально разбухающим производственным аппаратом и «все сужающейся базой, для которой работают эти огромнейшие производственные силы».

Хотя, конечно, это непрекращающееся противоречие является конечным источником неизбежных империалистических войн и конфликтов, но, по самому смыслу своему, оно и без внезапных военных вспышек продолжало бы развиваться и обостряться, приближая капитализм к катастрофе. И все же *действия и последствия войны* этим не устраняются. Наоборот! *Несмотря на колоссальное, совершенно небывалое разрушение и истребление войною производственных средств, мировая война необычайно обострила это центральное динамическое противоречие капитализма у обоих его полюсов: она привела к весьма значительному увеличению производственного аппарата, в особенности в некоторых основных для современности отраслях производства* [1],—*с одной стороны, она же, с другой стороны, у другого полюса, привела к совершенно небывалому обнищанию громаднейших человеческих масс.* Центральное, универсальнейшее внутреннее проти-

[1]) Что не мешает тому, что *абсолютно*, если сравнить *все в целом* развитие производственных сил за последние 10 лет с предвоенною эпохой, то придется признать, что война в общем и целом скорее задержала, замедлила темп развития. Но она придала этому развитию *односторонний* характер (диспропорция между отдельными отраслями производства, о которой говорит Маркс, усилилась) и, с другой стороны, она колоссально сократила покупательную способность многомиллионных масс. В *результате, основное, центральное противоречие капитализма получило большую силу напряжения, чем, если бы общие производственные силы и потребительские способности капиталистического общества развивались „нормально", в прежнем ускоренном довоенном темпе и без внесенных войной осложнений.*

воречие капитализма оказалось доведенным войною—в экономической и социальной области—до высшего напряжения, до пароксизма!

Мы видим, что некоторая «избалованность», развинченность, изнеженность нашего анализа, которые питались в нас долголетним наблюдением послевоенного распада, увлекли нас, быть может, несколько далеко от этих элементарных марксистских схем, которые, между тем оказываются весьма полезными, сугубо полезными для уяснения себе более глубоких, *труднее устранимых* пороков послевоенного капитализма, кроющих в себе притом неменьшие революционно-взрывчатые силы.

Мы видим, что «загнивание капитализма на корню» не должно необходимо находить свое бессменное проявление в распаде валют, атрофии кредита и т. п. И разве не напоминает «загнивания на корню» состояние, при котором значительнейшие участки производственного аппарата остаются бездеятельными и парализованными в течение беспримерных в истории, ибо длящихся целые годы и пятилетия, промежутков времени—из-за растущего несоответствия отдельных отраслей производства и принимающей чуть ли не хронический характер неспособности капитала выполнять свою вторую основную—рядом с расширением производства—историческую функцию: создавать себе соответствующий мировой рынок?

И разве достижение и на этом пути среди ожесточенной борьбы за рынки и обостряемых ею противоречий отдельных и временных успехов, успехов, могущих сложиться на целую новую «фазу» (если к этому обыденному слову не относиться мифологически)—противоречит представлениям Ленина о капитализме эпохи социальной революции? В полемике с подобными слишком статистическими по сути консервативными толкованиями ленинских конструкций тов. Сталин еще недавно напоминал в своем докладе активу московской организации РКП:

> «Неверно, что капитализм не может развиваться, что теория загнивания капитализма, выставленная Лениным в своем «Империализме», исключает будто бы развитие капитализма. Ленин вполне доказал в своей брошюре об «Империализме», что рост капитализма не отменяет, а предполагает и подготовляет рост прогрессивного загнивания капитализма».

Хотеть безусловно отрицать, игнорировать возможность дальнейшего развития, роста капитализма (т.-е. по существу, некоей новой «фазы», ибо капитализм никогда не восстанавливается, не «растет» в тождественных формах) было бы явлением *революционной рутины*, революционного *консерватизма*, который мог бы стать опасным не только в области теории, но и практики: *ибо он мог бы иметь своим последствием игнорирование и тех новых, добавочных революционных факторов, новых источников активности мирового пролетариата, которые несет с собой всякий дальнейший «рост» капитализма в современных условиях.*

Эти беглые замечания только ради того, чтобы показать, что рецензент «Правды» несколько специфически заострил мою (в брошюре только весьма бегло затронутую) мысль, и, видимо, и по существу слишком резко формулирует свое противоречие

наше время, единственным фактором расстройства рынка, затруднений сбыта?! Тов. Спектатор, сам того не сознавая, приближается здесь к наивным представлениям, в последнюю предвоенную эпоху особенно распространенным в С.-А. Соед. Штатах о финансово-кредитных затруднениях, как единственном источнике кризисов.

«Мы считаем, что стабильной бумажной валюты нет и быть не может. Но и с точки зрения т. Лапинского чрезвычайно странно говорить о стабилизации валюты и в то же время утверждать, что нет рынка для европейской промышленности»...

Буквально, протираешь глаза! Итак, паки и паки: достаточно, мол, стабилизовать валюту и от этого волшебства развернутся рынки... Больше для этого ничего не требуется. Итак, весь кризис современного капитализма есть чисто валютный кризис!.. Но ведь это же наивнейшее, отчасти же только деланно наивное, на самом деле вытекающее из вполне определенных интересов—представление тех буржуазных публицистических чревовещателей и с ними тех банковских кругов, которые от возвращения европейских валют в золотую Каноссу ожидали чуда воскрешения капитализма (а, по существу, прежде всего усугубления власти англо-американского капитала!)... Тов. Спектатор, как Мосье Журдэн у Мольера, и сам того не замечает, что говорит—прозой: прозой англо-американских романтиков дефляции, международных банкиров, «экспертов», резолюций конференций в Спа, Генуе и т. д., и т. п.

Моя маленькая брошюра, повидимому, имела несчастье появиться в свет в неподходящий момент: в момент, когда т. Спектатор высиживал какую-то теорию денег (за последние 10 лет теории денег стали множиться, как грибы, почему они часто и оказывались дешевле грибов), о чем можно судить по торжественному вводному заявлению т. Спектатора: мы, мол, считаем, что стабильной бумажной валюты нет и быть не может... (как и в другом месте: «мы считаем далее абсолютно неверной мысль, что в Америке имеется «золотая инфляция»...). Ну и на здоровье! Но мы-то ставили себе гораздо более скромную задачу: для нас пока что достаточно было констатировать некоторую относительную, частичную стабилизацию валют, приближающую их в некоторой степени к валютам довоенного времени. Почему «пока что достаточно»? Потому что и эта относительная частичная стабилизация (рядом с другими аналогичными явлениями) вносит нечто новое в интересующую нас картину капиталистической современности. Это «новое» обозначает собою некоторую весьма относительную, частичную стабилизацию отношений капиталистической Европы, хотя и далеко не означает полного восстановления рынков для капиталистического производства—вопреки предсказаниям международных банкиров, всесветных «экспертов» и тов. Спектатора [1]). Это «новое», быть может, недостаточно для того, чтобы попасть в возвышенное теоретическое поле зрения тов. Спектатора, но оно достаточно для того, чтобы быть отмеченным коммунистической политикой (оно и было отмечено последним пленумом исполкома Коминтерна).

[1]) Задачей критикуемой брошюры и было точнее указать на более глубокие противоречия и затруднения капитализма, которых не затронул „стабилизационный" процесс; и все развитие с декабря месяца прошлого года с характеризующим его состоянием хозяйственной депрессии подтверждает проведенные в брошюре разграничения.

Радикализм тов. Спектатора не допускает никаких зигзагов в развитии капитализма эпохи социальной революции: капитализм безостановочно, перманентно, однообразно-монотонно подыхает—да и только! Тов. Спектатор только от поры до времени безмятежно проверяет, продолжает ли это нудно подыхающее чудище выпускать из себя вороха обесцененных кредиток, да лихорадочно вооружаться (больше с него, так сказать, не требуется), и возвращается к своим теоретическим занятиям.

Ибо, не забудем, послевоенный капитализм, кроме фабрикации бумажек, страдает еще манией вооружений (других страданий, повидимому, в «концепции» тов. Спектатора у него не бывает), посему тов. Спектатор оповещает: «мы не разделяем мнение автора о «пацифистской эре», которой совершенно не было. Особенно странно говорить о ней теперь, когда идет снова волна вооружений. Впрочем, все время после войны... расходы на вооружение далеко превышали довоенные»... Как будто имеется наивный человек, который утверждал бы, что послевоенный «пацифизм» обозначал собою прекращение вооружений, а не просто навязанную всеобщим истощением и промышленным кризисом спорадическую тенденцию к кое-какому сглаживанию, замазыванию антагонизмов, к политике дырявых (и все же не лишенных некоторого преходящего политического значения) компромиссов...

До сих пор у нас было принято утверждать, что «эра демократического пацифизма» кончилась (в моей брошюре я попытался показать, на каких именно историко-географических перекрестках она кончается). Для тов. Спектатора ее и вовсе «не было»! Ну, конечно, тов. Спектатор и здесь всех «революционнее»...

Этих примеров теоретическо-политической мудрости, я думаю, достаточно. Всех не перечесть (кстати, откуда почтенный критик почерпнул убеждение, будто, согласно моим утверждениям, капитал уж и «приостанавливает свое наступление на 8-часовой рабочий день»? Нельзя ли с печатными текстами обходиться хоть чуточку поосторожнее и поприличнее, предоставляя подобные методы целиком фабрикантам «писем Зиновьева»?).

* * *

Но перейдем к тов. Бухарцеву. И он охотно выступает в облачении инквизитора, сокрушает в порошок неверных и тут же развивает, как и тов. Спектатор, «свой взгляд». Только «размеры статьи» не позволяют ему «дать детальный анализ современного положения мирового хозяйства», и поэтому он «вынужден перенести главное внимание на критику».

Эта критика начинается и кончается с двух «тонких» намеков. Первый—в самом заголовке статьи «О пафосе восстановления мирового хозяйства». Второй—в следующих словах скромного пост-скриптум (о, эта скромность!): «Настоящая статья была написана накануне расширенного пленума ИККИ. Нам представляется, что в настоящее время вопрос о «стабилизации» мирового хозяйства в значительной степени потерял свою остроту. Падение Эррио...

депрессия в целом ряде отраслей мирового хозяйства... понижение курсов германских займов... и целый ряд других симптомов иллюстрируют достаточно показательно высказанные нами выше положения. С другой стороны, пленум ИККИ сумел дать достойный отпор правым элементам, питающим свои корни иллюзиями «стабилизации» капитализма...».

Т.-е., иначе говоря, тов. Бухарцев «намекает» на то:

1) что автор критикуемой им брошюры есть «правый элемент, питающий свои корни иллюзиями о стабилизации капитализма»,

2) что автор этот страдает «пафосом восстановления капитализма»,

3) что он, тов. Бухарцев, с достойной быть отмеченной интуицией еще до пленума ИККИ совершил экзекуцию правых элементов в лице автора брошюры,

4) что, таким образом, между «взглядами» тов. Б. и взглядами руководителей Коминтерна имеется некая «предустановленная гармония» (по выражению старика Лейбница), что тождество взглядов здесь полное.

Последний пункт, по-моему, доказывает, что т. Бухарцев тоже «питает свои корни» некими «иллюзиями», хотя и другими, чем правые элементы. Мне думается, этого читателю и доказывать не приходится. Достаточно напомнить соответствующие речи и статьи товарищей Зиновьева и Сталина и принятые пленумом резолюции.

Но верны ли остальные три пункта? Верно ли, что критикуемая брошюра является ядовитым плодом «пафоса восстановления капитализма»?

Кстати сказать, сие крылатое словечко тов. Б. со свойственною ему скромной молчаливостью просто списал у меня—в брошюре оно применено к тем «идеологам» теперешней европейской социал-демократии, которые черпают весь свой «пафос» из факта частичного преодоления худших форм распада капиталистического хозяйства, приспособляя всю свою практику к раздуваемому и упрощаемому ими в «теории» процессу восстановления капитализма. Таким образом тов. Бухарцев бьет мне челом моим же добром, не без намека на мое сходство с идеологами с.-д. С каким основанием?

Послушаем самого критика:

«Тов. Лапинский не останавливается на «базе» послевоенного кризиса капитализма, а все свое внимание направляет исключительно (!) на явления, носящие характер производных функций, хотя, правда, «более всего, бросающиеся в глаза». Тов. Лапинский упускает из виду, что основной причиной современного кризиса является колоссальный рост во время войны производительных сил, главным образом, в сфере производства средств производства, при значительном падении покупательной способности широких масс населения».

Читатель, прочти или даже хотя бы «понюхай» мою брошюру или хотя бы только рецензию тов. М. Т. в «Правде», и ты убедишься, насколько серьезны и добросовестны боевые приемы нашего ретивого Аякса!

Фактически, конечно, утверждение тов. Б.—сплошной и грубый вымысел. Все содержание и, в частности, вся вторая глава моей брошюры посвящены именно тому, чтобы показать, что «основной причиной современного кризиса является колоссальный рост во время войны производительных сил, главным образом, в сфере производства средств производства». И сама-то эта формула—со все той же скромной молчаливостью—более или менее дословно списана со страниц моей брошюры. Так что даже и сказать нельзя, что слона-то тов. Б. не приметил!.. Нет, он только грациозным движением перевел его за свою перегородку и теперь стремится наводить страх на меня его добродушной и знакомой мордой... Но ведь научная формула не кошелек и не скотинка, которая, буде она очутится у кого-нибудь одного, то бывает основание думать, что она, стало быть, исчезла у когонибудь другого. Хватит, дорогой товарищ, этой не бог весть какой оригинальной мыслишки на нас обоих. Помилосердствуйте: чего уж пускать меня совсем голым по миру?

Я думаю, демонстрации этих «критических» приемов тов. Б. было бы, по существу, достаточно, но все же сделаем еще пару шагов вместе с ним, чтобы продемонстрировать «корни» этого чрезмерного усердия. Эти «корни» весьма схожи с «корнями», «питающими» нашего другого Аякса, тов. Спектатора, и в этом смысле их демонстрация не лишена, как уже было указано нами, некоторого об'ективно поучительного значения.

Ведь, конечно же, и тов. Б. не может существовать без инфляции. Мы читаем у него:

«Мы полагаем, что говорить о стабилизации европейских валют в настоящее время, когда мы имеем падение франка; когда понижаются валютные курсы нейтральных стран—Голландии и Швейцарии, которые котировались выше золотого паритета; когда происходит падение лиры, входящей в период сильных курсовых колебаний; когда проблема стабилизации валюты еще не разрешена даже в Чехо-Словакии, стране, первой вступившей на путь стабилизации валюты; когда в Австрии, где денежная реформа проводилась Лигой Наций, сам Генеральный Комиссар Лиги Наций вынужден признать, что дело валютной реформы не сделало никаких успехов... при всех этих обстоятельствах излишний оптимизм к стабилизации валют немного рискован».

Но, не говоря о том, что утверждения тов. Б. пестрят здесь от неточностей, не говоря о том, что наличность именно «излишнего оптимизма к стабилизации валют» еще нужно было бы доказать (и это было бы нелегким делом!), весь-то ведь вопрос в следующем: факт относительной, частичной, неполной стабилизации европейских валют (на-ряду с другими явлениями) он-то имеет сам по себе какое-нибудь с нашей точки зрения политическое значение? Обозначает ли он некоторый новый зигзаг, новый факт в развитии послевоенного капитализма, факт, который нам в наших расчетах приходится учесть (а, стало быть, и отметить),—конечно, не впадая в простецкие преувеличения, в смешную, недостойную панику и растерянность?

Но воображение и мысль т. Бухарцева и Спектатора (и, приходиться опасаться, не их одних только) вращаются среди одних абсолютов. Они знают и признают только две абсолютно непримиримые, полярно противоречивые вероятности: либо валюту,

катастрофически обесценивающуюся каждый день, либо валюту, прочность которой можно было бы сравнить только с прочностью их уверенности в себе, валюту, прочную, как гранит.

Но, уважаемые товарищи, вспомним слова старика Энгельса, что ответ на вопрос при помощи одних лишь категорических «да, да» или «нет, нет» есть ответ метафизиков, а не социалистов! Для нас, коммунистов, имеют ценность и факты относительные, частичные, факты в тенденции скрещивающиеся с другими. «Вся капиталистическая система производства и есть относительная система производства», — говорит Маркс. Кольми паче—в нашу эпоху упадочного капитализма, капитализма эпохи социальной революции, как это с особенной силой показано Лениным в его книжке об «Империализме»!

Ведь, если послушать вас, то наша тактика приобрела бы всю неподвижность и всю косность ваших представлений. Куда годится ваша революционная вера, если она вся питается брызгами Ниагары летящих беспрерывно в пропасть валют? И какое уродливо упрощенное представление о механизме капитализма вообще и капитализма в период его исторической дряхлости в частности!

Попутно, т. Б. приплетает тут, в качестве свидетеля против меня, и Кейнса. Кейнс, видимо, беспредельно импонирует тов. Б. «Не кто иной, как Кейнс» предсказывает в одной из своих статей, что возвращение Англии к золотой валюте при помощи Америки не вернет ей прежней, довоенной роли руководящего члена в золотом валютном союзе, а зато грозит ее экономической жизни новыми потрясениями. Тов. Бухарцев, вы уже знаете очень много, но, как гетевский Фауст, вы, простите, знаете не все. Кейнса вы тут приплели ни к чему: Кейнс (в котором притом журналист в последнее время все чаще берет верх над ученым) в цитируемой статье (как и в ряде других) отражает полу-инфляционистские тенденции британских промышленников, далеко не вполне довольных столь ускоренным возвращением к золотой валюте, отвечающим, по их мнению, прежде всего интересам чисто банковского капитала (Кейнсу же приписывается авторство известного инфляционистского по тенденции меморандума «Федерации британских индустрий», составленного в 1923 г.). Поэтому принимать всякое слово этого темпераментного публициста за чистое золото, по меньшей мере, неосторожно. Но пусть и этот неожиданный присяжный свидетель т. Бухарцева прав на 100%, пусть фунт попадет в результате возвращения к золоту в усугубленную зависимость от доллара (кто в этом сомневается?), чем создается «некоторая неуверенность» (по выражению Кейнса) в прочности фунта—что же из этого? Разве автор брошюры утверждает, что фунт стерлингов останется на всю вечность непоколебимым, как скала, и разве американские банки—тоже имеющие кое-какое представление об этих делах—не сочли для себя возможным ради этого пусть и только относительного упрочения фунта пожертвовать кредитом в 300 миллионов «больших, круглых долларов», как выражается Мистер Беббит, герой новейшего американского романа Синклер Льюиса?

Так чего же, тов. Бухарцев, горячиться и хвататься за фалды Кейнса? Почему эта «солидность» фунта является—по вашему—одним из «китов» моей «концепции»? Может быть, это просто рыбешка, хотя отнюдь не из самых малых, и весь вопрос в том, чтобы и поймать ее в свой невод, и не вообразить ее «китом». Живая природа не состоит из одних китов, тов. Бухарцев, и даже мы с вами, как это может быть ни обидно для нашего самолюбия, тоже не «киты»...

Приблизительно такого же порядка (усугубленного всякой путаницей и недомыслием) все прочие возражения тов. Бухарцева против моей «концепции» (как ее величает т. Б.). Итак, насчет восстановления международного кредита: «проблема международного кредита,—полемически констатирует т. Бухарцев жирным шрифтом,—сводится, собственно говоря, к кредитированию американским монополистическим капиталом при временном техническом сотрудничестве с английскими банками европейского хозяйства». Не прочли ли вы случайно, т. Бухарцев, этой премудрости среди других литературных произведений—и в моей брошюре? Но вот это-то «кредитирование американским капиталом европейского хозяйства», не является ли оно некоторым новым фактом, свидетельствующим — рядом с другими—о некотором восстановлении (конечно, в новых, в специфических, сугубо антагонистических формах—неужто вы, тов. Бухарцев, так-таки первый и открыли пресловутую «дауэсизацию»?) «единства» капиталистического мира, фактом поэтому, не лишенным кое-какого политического значения и посему, напр., и отмеченным на недавнем пленуме Коминтерна?

Или еще: согласно т. Бухарцеву—«в корне неверно, что вопрос о рынках, эта альфа и омега послевоенного капитализма, никогда не сходил с порядка дня мирового хозяйства». И тут же тов. Бухарцев прямодушно добавляет: «проблема рынков в настоящее время еще более обостряется». Но в этом-то «еще более» вся суть! Это-то «еще более» (и почему «еще более») и было отмечено в моей брошюре, в которой и было указано, что настолько «еще более», что тут можно было бы, пожалуй, и говорить о переходе «количества в качество» и предполагать в связи с этим наступление новой полосы более ожесточенных и более действенных империалистических противоречий и конфликтов...

Все это, ух, как нудно-элементарно. И все же, как уже сказано было, не лишено некоторой поучительности. Ибо все эти мнимо-критические выпады обоих ученых критиков, быть может, обнаруживают наличность и в более широких кругах коммунистов некоторого нездорового настроения, которое можно было бы охарактеризовать формулой: или пан, или пропал. Или подавай ему пенистый душ валютной Ниагары, дай ему непрерывно наблюдать грубые, внешние судороги отмирающего капитализма, или же он тотчас впадет в растерянность, в панику! От этих настроений только один шаг до, казалось бы, самых неожиданных, правых, насквозь опортунистских уклонов.

Ведь тт. Бухарцев и Спектатор, поскольку они пытаются на минуту отвлечься от валютных водопадов и несколько обобщить «свой взгляд», по существу удовлетворяются— при всем их видимом «радикализме» (а уж кто их радикальнее!)— самыми бессодержательными, пошленькими, можно сказать, филистерскими фразами. Каково последнее слово мудрости тов. Спектатора: «Итак, мы еще не вышли из послевоенного кризиса. Капитализм стремится приобрести известную устойчивость, но решительного успеха в этом отношении он еще далеко не имеет»...

И т. Бухарцев: «**Органический кризис капиталистической системы после войны, характеризуемый отсутствием устойчивого равновесия, несмотря на некоторые временные улучшения, не изжит... Проблема современного капитализма есть проблема рынков. Покуда не найден ключ к этой проблеме, нельзя восстановить равновесия капитализма**».

Правильно, сто раз правильно! И это необходимо повторять и не к чему при этом давать понять, что автор брошюры о новой фазе империализма думает и утверждает другое....

Но достаточно ли это? Достаточно ли констатировать,—после стольких потуг—что современный капитализм «характеризуется отсутствием равновесия» и что «проблема современного капитализма есть проблема рынков» и т. д., и т. п.? Мы уж не говорим о том, что по существу правильные мысли получают здесь уродливо-плоскую форму, напоминающую утверждения чеховского героя о том, что человек холостой одно, а человек женатый—другое... Ведь под этими фразами подпишется и всякий мелкобуржуазный филистер, ведь о «неустойчивости» современного капитализма, о проблеме рынков в этой общей форме вещают каждодневно с неменьшим апломбом все буржуазные журналисты, все ораторствующие банкиры...

Нет, к окружающей нас капиталистической действительности необходимо подойти поближе, поконкретнее, необходимо—не только ради одиноких теоретических развлечений и наслаждений.

Ведь для чего необходимо не бояться, не брезгать отметить и некоторые бесспорные тенденции к «стабилизации»? Потому, что этот об'ективный процесс создает, без сомнения, некоторые новые настроения среди западноевропейских рабочих, создает, несомненно, опасность реформистских, оппортунистских иллюзий и увлечений, с которыми приходится умело и с энергией бороться. Еще и потому, что этот процесс открывает и новые источники активности рабочих масс, которые необходимо использовать, стремясь направить их в революционное русло.

Параллельно необходимо улавливать, отмечать, развивать в систему противоположные, антагонистические тенденции современного, более чем когда бы то ни было исполненного, раздираемого, можно сказать, заживо внутренними противоречиями капитализма. Это, можно сказать, есть основа, исходный пункт всей марксистской, революционной мудрости. Но потому-то всего менее можно пробиваться здесь одними трафаретами, одной залежавшейся, затхлой, неподвижной мудростью, с точки зрения которой, можно подумать, с конца войны, с 1918—1919 г.г. в капиталистической действительности ничто не переменилось, не шелохнулось—и т. Бухарцеву с т. Спектатором предоставлена возможность спокойно наслаждаться привычным зрелищем, и жевать фразы («неустойчивое состояние», «проблема рынков» и т. п.), как семячки... Тут всего меньше можно делать сногсшибательные открытия, что в 1924 г. в С.-А. Соед. Штатах был промышленный кризис, который-де и явился «первопричиной» (!) всех изменений, происшедших в европейском хозяйстве... [1]).

[1]) Тов. Б. называет кризис в Соед. Штатах „крупнейшим событием" 1924 г. и даже сравнивает его с кризисом 1920 г. Это—чистейшее и, по своему размаху, забавное недоразумение. Конечно, никокого „кризиса" в С. Штатах в 1924 г. не было (а стало быть, он и не мог явиться „первопричиной" всех „изменений, происшедших в европейском хозяйстве")... Тов. Б. просто смешивает кризис с ставшими обычными колебаниями послевоенной американской кон'юнктуры. С 1921 г. эти колебания—иногда весьма солидные—повторяются чуть ли ни каждый год, но никогда еще не вырастали в настоящий „кризис", который можно было бы сравнить с кризисом 1920 г. Со времени столь поразившего т. Бухарцева ухудшения кон'юнктуры, депрессия уже опять успела уступить место новому „буму", а он в свою очередь, к концу зимы т. г. новой волне депрессии: словом, бухарцевские „первопричины" чередуются в совершенно легкомысленном темпе.

Моя брошюра, вызвавшая столь гомерический гнев наших Аяксов, и была скромной попыткой показать, какие более глубокие, более «органические» противоречия скрываются за теми более внешними и наиболее яркими явлениями расстройства прежде всего денежно-кредитной системы. Конечно, эта брошюрка является не более, как маленьким, скромным эскизом. Автор брошюры стремился ухватиться за то, что ему казалось основным звеном цепи, основным—и вместе с тем охватывающим относительный максимум явлений (поскольку противоречие между ростом производственных возможностей и оскудением мирового рынка обнимает частично и вопрос о мировом аграрном кризисе, и вопрос о промышленном под'еме колоний).

«Здесь-то,—говорит Маркс,—капиталистический способ производства попадает в некое противоречие. Его **историческая миссия** заключается в **беспощадно двигаемом вперед в геометрической прогрессии, развитии производительности** человеческого труда. Этой своей миссии капиталистическая система становится неверной, лишь только она, как здесь, сдерживающе противопоставляет себя этому развитию. Она показывает этим только то, что она становится старчески слабой и все более и более переживает самое себя» («Капитал», нем. изд., т. III, ч. 1, стр. 245). Как бесконечно далеко мы ушли от этого «беспощадного» развития в «геометрической прогрессии»! Миллионы безработных в течение пятилетий, хроническое неиспользование уже существующего, разбухшего производственного аппарата, искусственное сужение мирового рынка, необходимость во что бы то ни стало раздвинуть его рамки!..

Частичное исчезновение покрова инфляции и других экономических и политических «сродных» явлений **обнажает** основные противоречия капитализма, доводимые—мы уже говорили—до максимума напряжения. Было бы смешно, было бы своего рода «экономизмом» хотеть все противоречия современного капиталистического мира сводить к этому одному фактору—кризису производства и сбыта. Ибо никогда еще различные вторичные факторы не играли столь относительно крупной, паразитно-«самостоятельной» роли, как в хаосе послевоенного капиталистического мира. Но вряд ли можно сомневаться, что указанный кризис (ощущаешь некоторое затруднение, называя его тем же термином, что и предвоенные кризисы) совместно с фактом относительной стабилизации механизма международного обмена, обостряя всеобщую соперническую борьбу за рынки, кладет основы новых конфликтов и вместе с тем—**создает новые стимулы для активности масс**.

Не замечать первого значит и не замечать второго. Т.т. Бухарцев и Спектатор ничего не поняли.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

История против Ленина.

(По поводу брошюры т. Ваганяна «О некоторых вопросах истории РКП»).

Новая брошюра т. Ваганяна в своих самых существенных чертах не отличается, пожалуй, ничем от других его литературных произведений на партийные темы. Понимание предмета непомерно мало, самонадеянности—через край. Таковы два качества, которыми характеризуется от начала до конца это новое откровение т. Ваганяна.

Брошюра предназначена для читателей «Большевика». Основная ее задача—ознакомить активные кадры нашей партии с положением дел внутри российской социал-демократии на рубеже XX столетия. По мнению тов. Ваганяна партия неправильно информирована относительно этого периода. Происходит это потому, что все историки партии совершенно неверно представляют себе внутрипартийные события того времени и роль в этих событиях отдельных лиц и групп. Исследования их пристрастны, необ'ективны и, в сущности говоря, особенной ценности не имеют.

Отсюда, кстати, начинается история разбираемой нами брошюры. История эта, собственно, самая обыкновенная. Тов. Ваганян написал большую книгу о Плеханове.

Тов. Бубнов [1]) вполне основательно, усмотрел в книге Ваганяна попытки ревизии роли Ленина в истории русского марксизма.

Равновесие тов. Ваганяна было нарушено. Он ответил тов. Бубнову брошюрой в 50 страниц.

Ненормальные роды дают ненормального ребенка. Последняя брошюра Ваганяна является продуктом взвинченного состояния и носит на себе следы превеликой взбудораженности.

Обильное количество комплиментов, которыми тов. Ваганян несдержанно-щедро награждает тов. Бубнова, мы оставляем в стороне. Отметим мимоходом, что они не лишены интереса и, так сказать, типичны для тов. Ваганяна: «скромность публициста,—справедливо говаривал Плеханов,—прямо пропорциональна его способностям».

Нескромность между тем обратно пропорциональна. На основании некоторых фактов мы вынуждены предполагать... Впрочем, пусть предполагает что-либо сам читатель.

Разберем принципиальные доводы нашего историка.

I. Ленин, легальный марксизм и Петр Струве.

Конец XIX и начало XX столетия—относительно небольшой отрывок времени, в истории развития нашей партии, тем не менее отмечается как крайне важный и в известной степени решающий период.

По своему об'ективному смыслу это был период подготовления большевизма, его роста и формирования.

В стране с варварскими политическими порядками, на базе гигантского под'ема капитализма вырастало, проходило через горнило боевых

[1]) См. его статью по этому поводу в „Большевике“ № 1.

испытаний (стачек, забастовок и «беспорядков») мощное рабочее движение; складывалась, вставала на ноги родное детище рабочего движения—российская социал-демократия. Правда, эта последняя находилась,—по выражению Ленина,—еще в этапе разброда и шатаний. Но уже и на этом своем этапе социал-демократическое движение обрело некоторые специфические черты. Две из этих черт имеют глубоко-принципиальное значение.

1) Фактом остается, что к этому времени социал-демократическое движение успело выдвинуть новый слой политических руководителей нового своеобразного типа. Это были люди дела. Они сумели не только понять до конца революционную теорию Маркса, они успели окунуться в рабочее движение, успели получить опыт, навыки, политическое чутье. Борьба за идейную чистоту партийного движения с точки зрения этой группы представлялась безотлагательной, насущной задачей момента. Во главе этой группы стоял не кто иной, как Ленин.

2) С другой стороны, социал-демократическое движение успело разочаровать ту часть «марксиствующей» интеллигенции, которая видела в пролетариате в лучшем случае чернорабочего буржуазной революции, наборщика, но никак не метранпажа истории. Эта часть интеллигенции—идейный поставщик ее Струве—увидела в социал-демократии организующее начало самостоятельного пролетарского движения, с четкими, своими классовыми задачами.

Историк, если он всерьез хочет понять весь переплет тогдашней партийной борьбы, должен постоянно иметь в виду эти две черты раннего социал-демократического движения, ибо для последующего развития нашей партии они имеют некое определяющее значение.

История большевизма открывается борьбой между революционным марксизмом и его буржуазными извращениями (легальным марксизмом). По своему содержанию эта борьба—суть борьба за выбор путей рабочего движения. Две категории марксистов представляли в этом случае две различные классовые линии. В борьбе против легального марксизма Ленину принадлежит особенная роль, роль не только застрельщика, но и руководителя борьбы.

Этого как раз не понимает тов. Ваганян. Позицию Ленина он извращает. Сознательно или бессознательно—об этом читатель узнает ниже.

Что Ленин первый дал систематическую критику струвизированного «марксизма», это тов. Ваганян, конечно, признает. Но признает для того, чтобы сразу же все забыть, забыть характер ленинской критики, забыть связь первого выступления Ленина против струвизма с его последующей позицией в этом вопросе. Признание Ваганяна имеет стратегический смысл. Не более. В свете дальнейших рассуждений Ваганяна оно иного смысла иметь и не могло. Подумать только: в об'емистой книге (500 страниц) Ваганян и так и этак трактует вопрос о легальном марксизме, наворачивает кучу соображений, а о первом артиллерийском обстреле струвизма, о статье Ленина—только несколько беглых замечаний. Вот, мол, В. И. Ленин первый подметил шатание Струве.

В чем видел Ленин социальную подоплеку струвизма, какие его стороны больше всего критиковал—об этом ни слова. Почему?

Потому, что тов. Ваганян поставил себе специальную задачу показать, что в борьбе с легальным марксизмом Плеханов занимал последовательную революционную позицию, между тем как Ленин обнаружил

неустойчивость, стоял как бы за примирение и только потом осознал правоту Плеханова.

Свою неустойчивость Ленин,—как полагает Ваганян,—обнаружил особенно ярко в момент организации газеты «Искра», когда встал вопрос о приглашении к работе Струве.

Вот что по этому случаю повествует т. Ваганян.

Сущность струвизма «Плеханову,—пишет он,—была хорошо известна задолго до того, как он выступил публично против Струве, и решение о необходимости провести точное размежевание с новым либерализмом созрела в нем еще в конце 90-х годов, о чем свидетельствует В. И. Ленин».

«Ленин и Потресов,—пишет дальше т. Ваганян,—полагали, что Струве «идет к нам». А что оказалось на деле? На деле Струве оказался человеком, уже «осознавшим» себя, чувствующим представителем определенного политического течения...» (см. книгу Ваганяна «О Плеханове»).

После надлежащего отпора со стороны тов. Бубнова, Ваганян пытается привлечь к делу записи Ленина, опубликованные в 1-м номере «Ленинского сборника».

Пере...бирая эти документы в брошюре «О некоторых вопросах в истории РКП», т. Ваганян по-прежнему утверждает, что «в споре об отношении к Струве прав был Плеханов, а не Ленин и Потресов».

«Конференция 29/XII [1]) была хорошим предметным уроком для Ленина, окончательно убедившегося в том, что Струве уже перешел ту грань, когда «цивилизованный критик» становится «дюжинным либералом».

«Для Ленина и Потресова Струве был бернштейнианцем, критиком (как, повидимому, и для Плеханова) до этого знаменитого заседания, где выяснилось, что он прошел и эту стадию, выяснение это привело к окончательному разрыву с ним».

«Правильна ли моя оценка положения дел и позиции Ленина? Прав ли я, утверждая, что Ленин на опыте («предметный урок»), пришел к такому взгляду на тактику «предприятия», что и Плеханов? Прав ли я, утверждая, что Ленин на опыте 3-х месяцев столкновений с Плехановым о Струве пришел к тому, что нельзя относиться снисходительно к Струве? Я полагаю, что я был безусловно прав» (стр. 14).

Итак: по Ваганяну Плеханов был непримирим по отношению к Струве, Ленин снисходителен, Плеханов брал курс на разрыв, Ленин—на соглашение, Плеханов был прав, Ленин неправ.

Попробуем посмотреть, что по этому поводу говорит история. Нам придется начать несколько издалека.

Припомним, прежде всего, следующие обстоятельства:

Задолго до того, как Струве определился в качестве ревизиониста, сначала бернштейнианца, потом просто либерала—Ленин квалифицировал литературные произведения Струве как пример, как образец извращения на буржуазный манер, теоретической системы Маркса [2]).

По мнению Ленина, автор «Критических заметок» (Струве) неправильно абстрактно и идеалистично подходит к критике народничества.

Сбивается «на точку зрения апологета капитализма». Чересчур старательно защищает «разумность», «прогрессивность» и «рациональность» либеральной политики.

---

[1]) Речь идет о конференции, на которой имелось в виду выработать условия совместной работы со Струве в газете «Искра».

[2]) Статью о книге Струве Ленин так прямо и называет: «Отражение марксизма в буржуазной литературе». См. т. II. Собр. соч.

Ревизирует Марксову теорию государства, подменяя ее донельзя плоскими, либеральными разговорами насчет того, что «государство прежде всего есть организация порядка».

Считает недостаточным чисто философское обоснование марксизма. Отказывается от материализма, по крайней мере говорит языком об'ективиста, а не материалиста.

Проповедует мальтузианство; наконец, игнорирует классовое противоречие и опускается, стало быть, до уровня самого обыкновенного либерала.

Фраза Струве «пойдем на выучку к капитализму» получает поэтому особый, императивный характер.

Мы привели далеко не полный перечень обвинений, выдвинутых Лениным против Струве. Но из этого для всякого, кто оказал способность к пониманию, совершенно очевидно, что Ленин раньше, чем кто-либо, в частности раньше, чем Плеханов, раскусил Струве и соответственным образом определил к нему свое отношение. Мало того: тактическая линия Ленина и по отношению к легальному марксизму в целом и по отношению к Струве персонально определилось точно так же задолго до зарождения «Искры». Таковы факты. Версия тов. Ваганяна о том, что Ленин будто бы считал Струве после 1895 г. чуть ли ни до конференции 29/XII—1900 г. и учеником Маркса и социал-демократом, эта версия, как видит читатель, разлетается в пух и прах.

Ленин знал Струве со всех сторон, в предметном уроке не нуждался и в возможность союза со Струве по сути дела не верил.

В записи «Как чуть не потухла Искра», касаясь поведения Плеханова, Ленин пишет: «Г. В. (Плеханов) старался в спорах представить это (дело со Струве. *В. К.*), как будто мы не хотим беспощадной войны со Струве, будто мы хотим все примирить и проч.».

Ленин таким образом категорически отвергает самый намек на то, что по отношению к Струве возможна менее решительная, более мягкая, примиренческая линия. Ленин за беспощадную войну. Он заявляет, что Плеханов старался представить его позицию заведомо ложно, заведомо не верно. Старался представить—так и написано. Тов. Ваганян спустя 25 лет пытается сделать то же, что в свое время делал Плеханов. У Плеханова был в этом тактический смысл, свой, конечно. Любопытно, каким тактическим смыслом прикрывается попытка Ваганяна?

О том, что со стороны Плеханова такое искажение позиции Ленина было особого рода тактикой, Ленин недвусмысленно говорит в той же записи. «Мы сами не без вины в его (Струве) эволюции: мы сами, и Г. В. (Плеханов) в том числе, не восстали тогда, когда надо было восстать (1895—1897 г.г.). Г. В. (Плеханов) абсолютно не хотел признать своей, хотя бы малейшей, вины, отделываясь явно негодными аргументами, отстраняющими, а не раз'ясняющими вопрос».

«Плеханов,—продолжает Ленин,—обманывает себя, утверждая, будто бы в 95-м году ему было приказано не стрелять в Струве. Плеханов не хотел стрелять—вот и все».

Не ясно ли, что слова Ленина «мы сами не без вины»—относятся целиком насчет Плеханова? Ленин намекает здесь на то, что Плеханов в 1895 году не только не выступил против Струве, но даже защищал его «Критические заметки» в своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

«Зачем обманывать себя, уверяя, что в 1897 году (когда Струве писал в «Новом Слове» о своей цели опровергнуть одно из основных

положений марксизма—о революционном характере рабочего движения В. К.) он, Г. В. (Плеханов) не выступал против...» (там же).

Редакция Ленинского сборника поступила совершенно правильно, когда в примечаниях к ленинской записи она сделала соответственное примечание насчет «непримиримости» Плеханова.

По Ленину против Струве надо бы восстать еще в 95-м году. И сам Ленин восстал. В статье «Экономическое содержание народничества» он достаточно определенно характеризует «марксизм» Струве. Плеханов раньше отказывался от борьбы со Струве. Теперь он переносит вину на остальных членов редакции, в том числе и на Ленина, желая показать, что он, Плеханов, в этом случае революционнее всех. Ленина законно поражала эта неискренность, эта дипломатичность Плеханова. Ленин называет поведение Плеханова тактикой, отстраняющей, а не раз'ясняющей вопрос».

А касательно Струве Ленин черным по белому пишет, что «с этим джентльменом каши не сваришь».

Переговоры со Струве Ленин расценивает, между прочим, как печальную ошибку, получившуюся от того, что Потресов, который явился инициатором переговоров, неправильно информировал членов редакции о позиции Струве.

«По первоначальной передаче дела Арсеньевым (Потресовым) В. понимал так, что бл. (Струве) идет к нам и хочет делать шаги с своей стороны—оказывалось как раз наоборот. Произошла эта странная ошибка оттого, вероятно, что Арсеньеву (Потресову) очень уже хотелось того, чем «манил» бл. (Струве), именно: политического материала, корреспонденции и т. д., а «чего хочется, тому верится», и Арсеньев (Потресов) верил в возможность того, чем манил бл. (Струве), хотел верить—в искренность близнеца (Струве) в возможность приличного (способ поведения) с ним» (Запись от 29 декабря 1900 г.).

Итак, что же получается: по Ленину попытка столковаться со Струве—есть странная ошибка Потресова, по Ваганяну—это ошибка Ленина. Тов. Ваганяну, повидимому, не дано понять, что позиция Ленина, представлялась иной, нежели позиция Потресова. Ваганян по-прежнему утверждает, что Ленин только после 29 декабря перестал верить в возможность договориться со Струве. 29 декабря Ленин получил предметный урок, так выражается наш смелый историк. Между тем по Ленину это был предметный урок для Потресова.

«Бл. (Струве) показал себя с совершенно новой стороны, показал себя «политиком» чистой воды, политиком в худшем смысле слова, политиканом, пройдохой, торгашем и нахалом»—этими энергичными словами подытоживает Ленин в специальной заметке совещания от 29-го декабря.

Излагать сейчас позицию Плеханова, какой она была на самом деле, мы, к сожалению, не имеем возможности. По интересующему вопросу читатель может найти кое-какие материалы в статье т. Бубнова и особенно в Ленинских сборниках. Сейчас одно дополненьице.

По вопросу об использовании в газете «Искра» материалов, приходящих в журнал «Современное Обозрение», редакция «Искры» при отсутствии Плеханова против Ленина поддержала Струве.

В письме от 30 января 1901 года Ленин, сообщая этот факт Плеханову, приглашает его поднять «знамя восстания» против решения редакции, которое, как полагает Ленин, чревато вредными последствиями.

Что же ответил на это Плеханов? В письме Аксельроду от 2 февраля 1901 года, он пишет: «Я прочитал письмо Петрова (Ленина) и Ваши

три (два твоих и одно В. Засулич) и думаю, что надо согласиться на условия договора (стало быть как раз на то, против чего возражает Ленин. *В. К.*)—другого выхода теперь нет, а потом увидим».

В письме к Ленину Плеханов, кроме того, добавляет: «Разрыв теперь погубит нас».

Показывает ли это непримиримость Плеханова,—пусть судит читатель.

Непосредственное отношение к вопросу о легальном марксизме имеет вопрос о либерализме. Позицию Ленина в этом вопросе Ваганян, как ему полагается, запутал. Приходится начинать поэтому с выявления самых элементарных вещей.

Прежде, чем занять уготованное историей место вождей российского либерализма, Струве и иже с ним прошли через социал-демократию и «легальный марксизм». Это положение общеизвестно и в доказательствах, как будто не нуждается.

Сам «легальный марксизм» [1]) был российской формой катедер-социализма, извращения марксизма применительно к интересам буржуа.

Легальный марксизм мало-по-малу трансформировался в либерализм. Стрелять по либералам Ленин начал еще в 95-м году. Отнюдь не отказываясь от возможного союза с либералами, Ленин, тем не менее, ставил вопрос прямо: нужно отмежевать революционный марксизм от либерализма. Четкая пролетарская линия, прежде всего. Когда движение пролетариата встанет на ноги, когда будет обеспечена идейная чистота движения, тогда можно ставить вопрос о том, что «пролетариат всех зовет, всех приглашает». В статье «Наша ближайшая задача», напечатанной в третьем номере Ленинского сборника, Ленин выдвигает в качестве одной из задач социал-демократической организации «травлю отдельных представителей буржуазии» и разоблачение идейной немощи либерализма. Плеханов в этом вопросе занимал иную позицию. Мартов, заметивший, что по вопросу о либерализме имеются две линии: Ленинская и Плехановская—был прав.

Мы настоятельно рекомендуем читателю проштудировать материалы Ленинских сборников. Там можно найти весьма и весьма поучительные данные об отношении Плеханова к либерализму. Некоторые, из этих данных, кстати сказать, имеются в статье тов. Бубнова.

Ваганян не дал себе труд подумать над этими материалами. Не меньше десятка раз он подчеркивает, что «в своей книге делал заклю-

---

[1]) Мы употребляем выражение «легальный марксим» в его оппуртуническом смысле. Кстати, сказать тов. Ваганян и тут допускает ошибку. «В вопросе о легальном марксизме следует различать несколько этапов. С самого начала,—когда цензурные преграды были временно прорваны,—мы имеем перед собою, с одной стороны, марксистов, с другой—народников. В лагере марксистов были не только Плеханов и Ленин, но и Струве, Туган и др., при чем в те дни (примерно в середине 90-х г.г.—1892—1896) внутри марксизма споры шли не между «легальным» и «нелегальным», а между «механическим» и диалектическим марксизмом» (стр. 6). Эта тирада Ваганяна не совсем точная.

Еще в середине девяностых годов среди, так называемых «легальных марксистов» — марксистов, которые, пользуясь прорывом царской цензуры, печатались в легальной прессе, были уже оппортунисты и революционеры. Лагерь марксистов не представлял собой единства—это во-первых. Во-вторых, куда относит тов. Ваганян выступление Ленина против Струве, к спорам между «механическим» и диалектическим марксизмом или к спорам между ревизионизмом и революционным марксизмом. Надеемся, здесь есть две большие разницы. Как, наконец, расценивает тов. Ваганян нижеследующее место из Ленина: «Ни для кого не тайна, что кратковременное процветание марксизма было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами и этот вывод напрашивался кое перед кем еще во времена целости союза» (Ленин, Собр. соч., т. V. стр. 128).

чения лишь на основе солидного количества фактов». Не видно этого. Те из фактов, которые Ваганян все-таки приводит, тонут в море его «философических» рассуждений.

По поводу резкой статьи Ленина против Струве в письме от 14-го июля 1901 года, Плеханов писал буквально следующее: «Не следует теперь ругать либерала вообще. Это нетактично, надо от плохого либерала апеллировать к хорошему, хотя бы существование такового и было для нас сомнительно». В этом и последующих рассуждениях Плеханова о либерализме не чувствуется четкой линии революционного социал-демократа. В некоторых местах имеет место замена принципиальной критики противников малоутешительной иронией в таком, примерно, тоне: «Надо говорить, по-моему,—пишет Плеханов...—свысока: «дескать, жаль, что автор (Струве) не понял еще того-то и того-то, но по всему видно, что он (Струве) человек неглупый; вероятно, со временем он подвинется вперед». Ленин ответил, что общий тон его разноса «не поддается уже коренной переделке». Повторяем, в вопросе о либерализме Ленин до конца остался революционным марксистом, для которого возможный союз с либералами не исключает ни на минуту систематической критики идейного существа либерализма вообще. Плеханов смотрел на дело не так. Мы в праве констатировать, что на II с'езде партии автор резолюции о либералах (Плеханов) выглядел иначе, чем выглядел он в 1901 году. В линии Ленина сохранялась не только логическая, но и историческая последовательность.

Позднее, в 1908 году, переиздавая свои статьи против Струве в сборнике «За 12 лет», Ленин еще раз подчеркивает, как необходима была резкость и непримиримость в борьбе с противниками революционной социал-демократии.

«Устарелая полемика со Струве (речь идет о статье «Экономическое содержание народничества») имеет значение поучительного образчика. Образчик этот показывает практически политическую ценность непримиримой теоретической полемики. За излишнюю склонность к такой полемике с экономистами и с бернштейнианцами, и с меньшевиками упреками революционных социал-демократов бесчисленное количество раз».

Мы лишены возможности понять, почему это тов. Ваганяну все представляется либо наоборот, либо, вообще говоря, никак не представляется. Не будем допытываться: иные толкователи для того и обретаются на свете божьем, чтобы истолковывать все наоборот.

II. Борьба с «экономизмом».

Ознакомимся сначала с «открытиями» тов. Ваганяна по вопросу об экономизме.

«Плеханов,—говорит Ваганян,—не мог выносить не только прямых примиренческих половинчатостей, но и простых упоминаний о возможной мягкости по отношению к экономистам, в то время, как Ленин и Потресов были настроены более мирно, во всяком случае не столь резко. Об'яснить это очень трудно. Плеханов вел борьбу уже четвертый год, ему был совершенно ясен оппортунизм экономистов, и чем меньше были шансы на возможность скорой организации партии революционной социал-демократии, способной отвергнуть решительно экономический оппортунизм, тем решительней и непримиримей были его отношения ко всяким, хотя и малым, хотя бы кажущимся уклонениям от ортодоксии, незначительным послаблениям ревизионистам всяких толков. Это было

неизбежно, это было разумно и необходимо» (Ваганян, Г. В. Плеханов, стр. 129).

Запомните читатель: Ваганян «очень не трудно» об'сняет, что Ленин (вопрос о Потресове мы оставляем в стороне) был настроен «мирно» по отношению к «экономистам». Позиция Плеханова была безупречна. Плеханов не терпел половинчатости потому, что он боролся с экономизмом четвертый год, между тем, как Ленин человек свежий, так сказать, «новичек», еще не имел, на этот счет, сколько-нибудь твердой линии.

В ответе тов. Бубнову, Ваганян эту последнюю мысль (о линии поведения Ленина) доводит «до степеней весьма известных».

«Не будучи знаком с содержанием Vademecum'a, он (Ленин) вероятно был не прочь придать некоторое значение фарисейским возмущениям экономистов, дошедших до него еще в России» (стр. 30). Ленин, выходит дело, не только был настроен по «мирному», но даже сочувствовал некоторым из экономистов; придавал некоторое значение,—как изящно выражается Ваганян,—фарисейским возмущением экономистов против резких Плехановских приемов борьбы.

Но вот Ленин попадает за границу. Сначала он придерживается старой «мирной» точки зрения. В дрязгу с экономистами не лезет. Потом познает, что Плеханов поступает правильно, проповедуя решительную борьбу с экономизмом.

«Для того, чтобы... понять, мы должны обратиться к письму Ленина к Н. К. Крупской, относящемуся к концу сентября (1900 г.). Там Ленин рассказывает ей об экономизме, ни разу не намекая на «недопустимые якобы приемы», на борьбу, он там берет всего Плеханова, как он есть в «Vademecum'e, под свою защиту» (30).

В течение нескольких месяцев Ленин освобождается от своих старых «привезенных из России» «мирных» взглядов на «экономизм», меняет фронт и переходит на сторону Плеханова.

«Ленин,—умозаключает Ваганян,—на деле по первоисточникам, познакомившись с дискуссией, значительно эволюционировал в сторону Плехановского «бешеного» отношения к дискуссии и «дискуссирующим экономистам» (стр. 32).

Ваганян пишет с постоянными оговорками, но даже и в таком виде можно уловить основную нить его рассуждений.

Перечислив эти подробности, дополняющие «общую картину эволюции взглядов Ленина на обсуждаемый предмет» (стр. 31), Ваганян начинает разносить Бубнова.

В ожидании победоносного исхода, оставим тов. Ваганяна на поле брани. Рассмотрим факты.

Для характеристики взглядов Ленина «на обсуждаемый предмет» т. Бубнов ссылался на протест «17-ти» и на письмо Ленина к Якубовой.

По своему обыкновению тов. Ваганян не обратил внимания на эти документы, не то забыл их, не то вовсе не вспоминал. Повторять их нет надобности, тем более, имеются новые документы не менее, а еще более важные.

В 3-м номере «Ленинского Сборника» опубликованы письма и статьи Ильича из ссылки в «Рабочую Газету». Берем письмо Ленина к Редакторской группе, написанное им в 1899 году.

«Вы находите,—говорит Ленин в этом письме,—как мне пишут, что «старое течение» (группа «Освобождение Труда». *В. К.*) крепко и что в полемике против бернштейниады и ее русских отражений нет особенной нужды. Я считаю этот взгляд слишком оптимистическим. Публичное заявление Бернштейна о согласии с ним большинства русских социал-

демократов; раскол между «молодыми» русскими социал-демократами за границей и группой «Освобождение Труда», которая и является основательницей и представительницей и вернейшей хранительницей «старого течения»; потуги «Рабочей Москвы» (газета крайних экономистов *В. К.* сказать какое-то новое слово, восставать против «широких» политических задач возводить в апофеоз мелкие дела и кустарничество, пошло иронизировать над «революционными теориями»...; наконец, полный разброд легальной марксистской литературы и ярое стремление массы ее представителей ухватиться за модную «критику» бернштейниады—все это ясно показывает, по-моему, что восстановление «старого течения» и энергичное отстаивание его составляет прямо-таки злобу дня».

«Против «Рабочей Мысли» (слушайте, тов. Ваганян!) я думаю необходимо прямо поднять полемику, но для этого я просил бы достать мне №№ 1, 2, 6-й и после 7-го...».

Через некоторый промежуток времени после этого письма Ленин пишет статью «Попятное направление в русской социал-демократии», посвященное критическому разбору приложения к «Рабочей Мысли».

Из приведенных документов видно, что еще в ссылке Ленин считал необходимым резкую непримиримую борьбу против экономистов, еще в ссылке он начал эту борьбу. Нечего говорить о том, что «фарисейские возмущения экономистов» не имели для Ленина никакого значения.

А письма к Х—у? О чем свидетельствуют они? О том, в первую очередь, что у Ленина не было ни малейших сомнений в необходимости бороться с экономизмом.

Письмо к Крупской нужно рассматривать именно в связи с предшествующими статьями и письмами Ленина.

Тов. Ваганян говорит, что это письмо Ленина свидетельствует о перемене взгляда Ленина на экономизм. Оно свидетельствует, будто бы о том, что Ленин меняет фронт, начинает активно поддерживать Плеханова, «эволюционирует в сторону Плехановского «бешеного» отношения» к экономизму. На деле же Ленин не имел никакой другой точки зрения, кроме той, что в союзе с Плехановым, со «старым течением» нужно начать энергичное отстаивание принципов социал-демократии. В этом Ленин видел злобу дня еще в 1899 году, когда писал редакторской группе.

Надо констатировать, что тов. Ваганян помимо всего прочего ошибочно понимает «экономизм», просто как оттенок оппортунизма в рабочем движении.

Экономизм,—как справедливо говорит тов. Астров в своей брошюре об экономистах,—был либерализмом в рабочей блузе. Вот почему трудно, а для историка просто не простительно отделять, например, легальный марксизм от экономизма, какой-то китайской стеной, рассматривать и изучать эти течения, как нечто абсолютно самодовлеющее. Сам Ленин это понимал отлично.

«Начинающие борьбу,—писал он Якубовой,—в настоящее время отнюдь не разрушают единства. Единства уже нет, оно уже разрушено по всей линии. Русский марксизм и русская социал-демократия—рассыпанные храмины и прямая борьба против «критиков» бернштейнианцев и против «экономистов» (в ы г л у б о к о з а б л у ж д а е т е с ь, е с л и н е в и д и т е, ч т о и т е и д р у г и е р о д н ы е б р а т ь я) одно из необходимых условий восстановления единства» (Подчеркнуто нами. *В. К.*).

Такова действительная история борьбы с экономизмом. Не правда ли, как не похожа она на ту «историю», которой потчует нас тов. Ваганян в качестве плохого исследователя, зато находчивого «сочинителя».

III. О программных спорах.

Центральная теза тов. Ваганяна, как формулировал он ее в книге «Г. В. Плеханов» (стр. 362), гласит:

«Как всякое коллективное произведение, наша программа была результатом компромиссов. В занимаемом нас вопросе Плеханов представлял левое, наиболее резкое, так сказать, якобинское крыло, в то время, как все остальные члены редакции занимали позицию европейской ортодоксии, представляемой Каутским».

Из числа остальных «членов редакции» не исключается, разумеется, и Ленин. Он точно так же занимал позицию «европейской ортодоксии».

Если принять во внимание, что позиция Каутского и представляемая им ортодоксия были тогда уже далеко не ортодоксальными, о чем тов. Ваганян рассказывал немного раньше, то выводы Ваганяна станут вполне ясными.

«Во всей редакции,—таковы эти выводы,—Плеханов резче всего был против «каучуковой» политики Каутского» (стр. 355), в то время, как Ленин и остальные соредакторы «Искры» не только не понимали этой «каучуковой» политики, но даже разделяли точку зрения европейской ортодоксии, как ее представлял Каутский. Сказание становится любопытным. Чем дальше, тем больше.

Тов. Ваганян информирует затем, что «Эрфуртская программа Каутского была... примиренческой программой и совершенно естественно, почему Плеханов был не только противником такого примиренчества, но и противником того, чтобы хоть в какой-либо мере сгладить острые углы, «анти-демократические» моменты в своем проекте». Ну, а «Ленин и Мартов находились под сильнейшим влиянием Каутского» (стр. 354).

Отвечая Бубнову в последней брошюре, Ваганян развивает свою тезу. Нельзя не отметить, что делает это он крайне неудачно и сам не замечая того, нагромождает ряд противоречивых утверждений. Читателю трудно разобраться, подчас, что к чему. В общем, однако, Ваганян пытается защитить все ранее высказанные им положения.

На всякий случай, он вначале оговаривается, что Ленинское увлечение европейской ортодоксией им самим расценивается «не в качестве упрека и не в качестве аргумента против Ленина, ибо Каутский, как известно даже (!!) Бубнову, в то время был революционным социал-демократом. Я это отмечаю потому, что иначе никто не может понять целый ряд особенностей проекта (Ленинского. *В. К.*) 1896 года». Затем следует утверждение, что отличительной чертой этого Ленинского проекта является дословное подражание Эрфуртской программе (той самой, которую Ваганян вслед за Плехановым называет только что примиренческой).

Читатель заметил, очевидно, что Каутский, «каучуковый» политик, который не нравился Плеханову, теперь уже изображается революционным социал-демократом. Противоречие явное. Оно усугубляется тем еще, что ниже Ваганян сообщает: буквально «каучуковую природу Каутского, Плеханов прекрасно знал, он и пустил в обращение это крылатое слово, а Ленин знать не мог».

Остается невыясненным все-таки, кем же об'ективно был Каутский: революционным ли социал-демократом, или не более, как каучуковым политиком? Удивляться тут, впрочем, нечему. Ваганян нарочно создает некую тьму, некую неясность (есть, ведь, насчет мутной воды хорошая поговорка). Он продолжает «настроение (Ленина. *В. К.*) можно характеризовать как настоящее преклонение перед германским движением и

Эрфуртской программой», ну, конечно, на-ряду с отчетливым пониманием особенности России. В общем контексте последнее замечание звучит фальшиво.

Подчеркивая факт преклонения перед Эрфуртской программой, Ваганян считает, что Ленинский проект программы от 1896 года ценен и в других отношениях. Этот проект «замечательный документ для исследования вопросов об эволюции взглядов Ленина»... Не больше, не меньше.

Обратимся к программе 1896 года.

Совершенным вздором является мнение Ваганяна, будто этот проект программы, прямое подражание Эрфуртской, даже в формулировках. Предположение Ваганяна основано на одной выдержке, которую он приводит и которая походит на формулировки Эрфуртской программы постольку, поскольку выражает общие, присущие капитализму, экономические процессы.

В Ленинском проекте отчетливо, не в пример германской программе, формулирована задача завоевания власти рабочим классом [1]).

Дана характеристика особенностей России, в частности выпукло поставлена задача борьбы с самодержавием и крестьянская проблема. Ленин перечисляет ряд требований социал-демократической партии для крестьянства. Говоря о капитализме, Ленин имеет в виду, прежде всего, русский капитализм. В другой статье о проекте программы Ленин предостерегающе заявляет: как бы де незаконны ни были те или иные подражания европейским программам, «они ни в каком случае не должны вести к забвению особенностей России, которые должны найти полное выражение в особенностях нашей программы». Забегая вперед, укажем сейчас же, что эти особенности относятся, во-первых, к нашим политическим задачам и средствам борьбы и, во-вторых, к борьбе против всех остатков патриархального докапиталистического режима и к вызываемой этой борьбой особой постановке крестьянского вопроса.

Короче говоря, в проекте 1896 года есть не мало того, что позднее Ленин высказал в своих замечаниях о Плехановском проекте программы, и нужно быть воистину Ваганяном, чтобы квалифицировать этот проект только как замечательный документ для исследования эволюции взглядов Ленина, либо как преклонение перед Эрфуртской программой.

Не поняв ранних программных работ Ленина, тов. Ваганян не понял его позиции в программных спорах 1902 года.

В замечаниях на второй проект программы Плеханова, Ленин писал: «Неприемлемым я считаю весь тип программы, именно: это не программа практически борющейся партии, а Prinzipienerklärung, это скорее программа для учащихся (особенно в самом главном отделе, посвященном характеристике капитализма) и при том для учащихся I курса на котором говорят о капитализме вообще, а еще не о русском капитализме» (Ленинский Сборник, № 2, стр. 65).

Есть ли в этом абзаце хоть капелька европейской ортодоксии? Не думает ли тов. Ваганян, что написать программу для учащихся первого курса, вместо программы боевой партии пролетариата, значит определиться в качестве левого крыла?

В своих замечаниях Ленин подробно разбирает вопрос об отношении к мелким производителям, дает четкие формулировки отдельных положений, вносит свои дополнения и поправки (многие из которых были приняты даже во 2-м проекте Плеханова) и касается кстати вопроса о диктатуре пролетариата.

[1]) См. Н. Ленин, «Подготовление большевизма». Изд. «Красная Новь», стр. 207.

«В проекте,—пишет он,—упущено указание на диктатуру пролетариата, бывшей первоначально».

«Признание необходимости диктатуры пролетариата самым тесным и неразрывным образом связано с положением коммунистического манифеста, что пролетариат один только есть действительно революционный класс».

Это замечание Ленина, Ваганян пытается обойти следующими рассуждениями: в первом, мол, проекте Плеханова указание о диктатуре пролетариата было, но после того, как Ленин указал на «крикливость» этого замечания, Плеханов выбросил его. Получается впечатление, что упущение сделано по вине Ленина. На самом деле этот факт свидетельствует о том, как недостаточно серьезно относился Плеханов к вопросу о диктатуре пролетариата, если вместо того, чтобы правильнее и лучше формулировать проблему, он опустил ее совершенно.

Подытоживая в особой заметке свои замечания о Плехановском проекте, Ленин отмечает четыре главных недостатка.

«1) Проект дает не программу пролетариата, борющегося против весьма реальных проявлений, весьма определенного капитализма, а программу экономического учебника, посвященного капитализму вообще.

2) В особенности непригодна программа для партии русского пролетариата, потому что эволюция русского капитализма, порождаемая русским капитализмом, противоречие и общественные бедствия почти совершенно обойдены, благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще». Нужно об'явление войны р у с с к о м у капитализму, «русская программа не может быть в этом отношении одинаковой с европейскими» (сколько тут европейской ортодоксии, тов. Ваганян?).

3) Некоторым важнейшим пунктам придана в проекте такая неточная формулировка, которая неизбежно породит ряд самых опасных недоразумений и затруднит нам нашу теоретическую борьбу и пропаганду. Так, например, рост крупного производства ограничен одними «промышленными» предприятиями. Эволюция сельско-хозяйственного капитализма не то затенена, не то вовсе обойдена. Затем место «диктатуры пролетариата» заняла «революция, которую предстоит совершить пролетариату, поддержанному другими слоями населения, страдающего от капиталистической эксплоатации», и даже вместо классовой борьбы пролетариата поставлена «борьба трудящейся и эксплоатируемой массы».

4) Проект постоянно сбивается с программы в собственном смысле на комментарий. Этим она напоминает Эрфуртскую программу, которую (тов. Ваганян опять же насчет европейской ортодоксии!) «Энгельс совершенно справедливо и обвинял... в том, что она своей длиной, обстоятельностью и повторением и сбивается на комментарии».

К отзывам Ленина о проекте Плеханова редакцией Ленинского Сборника сделан ряд интереснейших примечаний, основанных на документах, между прочим, приложен и проект соглашения программной комиссии, написанный В. И. Засулич. Засулич, которую никак нельзя заподозрить в неуважительном отношении к Плеханову, пишет в пункте 3 соглашения: «в противность проекту Жоржа (Плеханова) **самый пункт о классовой борьбе и социальной революции формулируется в духе пролетарской классовой борьбы и добавляется диктатура пролетариата**» (подчеркнуто нами. *В. К.*). В противность Плеханову сделано это, к сведению Ваганяна, по предложению Ленина.

Можно было бы привести бесчисленное количество доказательств того, до какой степени нелепыми являются утверждения Ваганяна на

счет европеизма Ленина и социал-демократического, революционного якобинизма Плеханова. Но, думаем, сказанного достаточно.

Во избежание кривотолков, до которых, как всегда, охотники находятся, скажем о нашем отношении к Плеханову. Историческое значение Плеханова наша партия оценила давно. Плеханов был и остается отцом марксизма в России, его пламенным проповедником и оруженосцем. Попытки тов. Ваганяна «восстановить» якобы попранного Плеханова и под видом восстановления ревизовать исторический большевизм говорят о том, по меньшей мере, что нет у Ваганяна действительного, проникновенного уважения к Плеханову, ибо нет понимания его исторического значения, есть пустопорожнее воспевание и восхваление, в которых Плеханов не нуждается. Дешевка. Кому она нужна?

* * *

В заключение несколько общих замечаний.

Не подлежит сомнению, что ошибки тов. Ваганяна имеют свою принципиальную основу. Проревизовать историческую роль Ленина, развенчать Ленина—вот она—эта основа, альфа и омега новой «ваганяновской» «философии истории».

Тов. Ваганян может возмущаться сколько ему заблагорассудится. Голое возмущение не меняет об'ективного, крайне вредного, значения его литературных упражнений.

Ревизия нехорошее слово. Это верно. Слово «ревизионист»—прямо неприличное.

В памяти каждого из нас нарицательное «ревизионист» сопровождается, по большей части, собственными именами: Бернштейн, Струве или Туган, подобно тому, как со словом «ревизор» перед умственным взором суб'екта встает Гоголевский Хлестаков, собственной персоной.

Быть ревизионистом не каждому нравится. И когда тов. Ваганян возмущается, мы его понимаем. Нам ясны, скажем точнее, психологические пружины этого неуравновешенного состояния. Сочувствуем—раз понимаем. Можем утешить тов. Ваганяна, что «ревизия роли Ленина в истории русского марксизма», которую он предпринял, иная, своеобразная, с особыми задачами. Можем, опять же для утешения, заверить тов. Ваганяна в том, что его ревизия не удастся. Наконец, мы можем помочь тов. Ваганяну выяснить важнейшие черты и основные цели его исторических экскурсов, которые создали ему в партийной литературе столь печальную известность. Последнее нужно сделать, впрочем, главным образом, в интересах читателя.

В основном, большевизм, как система взглядов, сложился, несомненно, раньше, чем получил свое официальное начало на втором с'езде Р. С.-Д. Р. П. Раскол на втором с'езде партии был по сути дела не чем иным, как качественным изменением в количественном ряде. Оказалось, что в составе единой социал-демократической партии имеется на-лицо две основные группы людей, которые по различному понимают партию, по различному расценивают ее роль, ее задачи. Одни из них—большевики—подходят к оценке организационных и политических задач партии в качестве пролетарских революционеров; другие—меньшевики—в качестве мелко-буржуазных интеллигентских попутчиков пролетариата.

Откуда взялись те и другие, какой суммой исторических обстоятельств были даны большевики и меньшевики, случайно ли, как, почему?

На все поставленные вопросы мы не получили бы ответа, если бы признали правильными выводы тов. Ваганяна, ибо по Ваганяну: Ленин

в борьбе с легальным марксизмом, струвизмом и экономизмом занимал более умеренную позицию, чем Плеханов; Ленин заражен духом европейской ортодоксии, что Ваганяну особенно видно из проекта программы, написанного В. И. в 1896 году. Ленин был не прав в программных спорах.

Куда растет эта логика? А вот куда: ничего специфического, твердокаменного, непримиримого, что не с сегодняшнего дня мы привыкли считать особенностями большевизма, у Ленина в ту пору не было. Ликвидируется таким путем весь не только подготовительный этап в развитии большевистской партии, но и этап непосредственного роста и оформления идей большевизма, рвется логическая и историческая связь между периодом второго с'езда и периодом «Искры».

Вместо единого, цельного Ильича перед читателем две фигуры Ленина. Мы не говорим уже про то, что конец XIX столетия, для характеристики Ленина, основателя и вождя большевизма, исключительный и в высшей степени богатый период, исчезает неизвестно куда.

Разорвать и обкарнать историю большевизма—такова в общей формулировке идейно-политическая цель Ваганяна. Цель эта, конечно, маскируется и скрывается, правда, очень топорно и неумело.

Надо сказать, что в методологическом отношении работа Ваганяна—нечто патологическое. Ни малейшего намека на то, что называется марксистским историзмом.

Факты тов. Ваганян берет изолированно вне всякой их взаимной связи. Вместо того, чтобы поразмыслить над Ленинскими работами того периода, Ваганян старается доказать свою правоту парой выдержек из воспоминаний, которые сами еще нуждаются в тщательной исторической проверке.

Нити, которыми одна историческая полоса связывается с другой, остаются незамеченными. С другой стороны, нет минимальной способности, нет умения определить коэффициент того нового, оригинального, специфического, что отличает одну ступень исторического бытия от другой, 90-е годы, скажем, от эпохи «Искры» и т. д.

Историзм Ваганяна не марксистский, антибольшевистский, вредный историзм.

* * *

Конец брошюры классический.

Положение «генерала без армии» не смущает Ваганяна.

«В революционной литературе,—отпарирует он,—весьма не редки случаи, когда тот или иной публицист в тот или иной промежуток времени оказывается в состоянии «генерала без армии», но в галлерее революционеров мы знаем весьма мало случаев, когда литература, в особенности плохая, приносит публицисту и армию и генеральский чин» (Стр. 50).

Себя, как нетрудно заметить, тов. Ваганян уважает в достаточной степени.

Оказывается, что литература его не только революционная, но и лучшая. Оказывается, кроме того, что состояние генерала без армии—«временное» состояние. Ваганян верит даже в то, что его литература в конце концов обретет энное количество почитателей. Ну, что ж: чего хочешь, в то верится.

К прискорбию своему, мы не обрадуем тов. Ваганяна комплиментами. Сознаемся откровенно, что в будущее его ревизионистских откровений мы не верим. Верить, главное, не во что.

«Для невежды нет ничего лучше молчания. Но если бы он знал, что для него лучше, не был бы он невеждой». Этой изумительной сентенцией Саида Ширатского кончает тов. Ваганян.

Оспаривать этой престарелой мудрости у нас нет намерения.

Добавим от себя—поскольку поучение Ваганяна направлено против тов. Бубнова—что изругать противника всегда неизмеримо легче, чем показать силу своего собственного ума. Бывает даже наоборот: чем больше публицист ругает своих критиков, тем большие подозрения он вызывает на свой счет.

Нам вспоминается по этому поводу одно переданное Тургеневым «Житейское Правило».

«Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику,—говорил мне один старый пройдоха,—то упрекайте его в том самом недостатке или пороке, который вы за собой чувствуете. Негодуйте... и упрекайте.

Во-первых, это заставит других думать, что у вас этого порока нет; во-вторых, негодование ваше может быть даже искренним... вы можете воспользоваться укорами собственной совести».

Есть основание утверждать, что тов. Ваганян верен этому правилу до конца.

Остается спросить, на кого рассчитывает т. Ваганян свою «реадовскую» тактику?

В. Колоколкин.

А. Е. Ходоров, М. П. Павлович. «Китай в борьбе за независимость. Стр. 194. Научная Ассоциация Востоковедения, Москва 1925 г.

«Вступительная часть предлагаемой вниманию читателей книги, говорится в предисловии, состоит из 4-х статей М. П. Павловича, охватывающих историю национально-революционного движения в Китае в период с 1908 по 1922 г.г.».

«Работа т. А. Е. Ходорова состоит из ряда очерков, набрасывающих контуры политического положения, складывавшегося в борьбе народных масс Китая за национальное раскрепощение страны. Работа эта охватывает период от боксерского восстания до наших дней»...

Таким образом гвоздем настоящей книги являются очерки А. Е. Ходорова, чем, вероятно, и об'ясняется то, что имя его, мало что говорящее широким кругам советских читателей, значится первым, в то время как имя М. П. Павловича, чьи труды хорошо известны, скромно отступает на второй план. Однако при чтении книги невольно бросается в глаза, что вступительная часть, написанная М. П. Павловичем и по мастерству письма, как и по своей содержательности, является без сомнения наиболее ценной. При всем нашем желании, мы не можем сказать того же о работе А. Е. Ходорова, хотя написана она с большими претензиями. Эта претенциозность сказывается не только в социологических потугах автора, о которых речь будет ниже, но и в самой манере письма.

«Советско-китайский договор был заключен в один из майских дней 1924 г.».

«Парламент почувствовал биение часов истории и предвидел момент своей преждевременной смерти».

«Гром победы раздавался уже на улице контр-революции».

«Юань-Ши-Кай быстрыми шагами взбирался по лестнице контр-революции к реставрации».

«Томиться в кровавых пеленках военной диктатуры под прикрытием президентства».

«Южное правительство, несущееся навстречу своей социальной базе, своему общественному классу... мелкой буржуазии».

«Юань-Ши-Кай —боец, привыкший к политическим бурям, взяткой, угрозой и посулами усадил обе палаты на французский образец—в одном зале и... приказал себя избрать президентом».

Разумеется, «honni soit qui mal y pense», однако было бы несравненно лучше для самого же автора воздержаться, хотя бы из уважения к Научной Ассоциации, от столь изящно-галантерейного стиля. Но не будем «придираться к мелочам», тем более, что претенциозность, а зачастую и неряшливость языка далеко не главный недостаток разбираемого нами труда, есть другие недостатки куда серьезнее, как-то: склонность автора к гиперболе, к переливанию из пустого в порожнее, неверное толкование общеизвестных фактов, а главное непростительные промахи в результате недостаточного знакомства с некоторыми основными вопросами китайской экономики. Чтобы не быть голословным, мы проиллюстрируем наши положения на первой же части: «Китай и иностранный капитал», состоящей из трех статей, насчитывающих в совокупности всего лишь двадцать две страницы (63—84 стр.). Уже на этих 22 страницах все вышеуказанные недостатки автора выступают довольно рельефно.

I. Склонность к гиперболе.

«Боксерское восстание, утверждает А. Е. Ходоров, было неожиданным событием для мировых капиталистов, развернувшим перед «культурным миром» всю мощь и силу сопротивляемости крестьянских масс Китая». Это сильно сказано, но это неверно. Боксерское восстание выявило озлобление китайских масс против иностранного империализма, но, вместе с тем, полное невежество, недостаточную организованность, а отсюда и слабую сопротивляемость повстанцев. Сам же автор двумя страницами ниже пишет: «Важно отметить, что к моменту, когда карательные экспедиции со всей жестокостью набрасывались на китайских крестьян (т.-е. к моменту, когда и должна была выявиться «вся мощь и сопротивляемость». *А. И.*), восстания боксеров уже не было. Восстание деградировалось, утеряв свой революционный характер и обслуживая интересы династии больше, чем интересы самих масс».

Далее. «Итоги захватнической политики мирового капитала, выявившиеся к концу XIX столетия, были таковы, что из 18 провинций, составляющих территорию собственно Китая, 13 провинций формально и фактически находились под контролем иностранцев, будучи переведены на положение колонии капиталистических государств».

Некоторые находят возможным утверждать, что говорить о Китае даже как о полуколонии, приходится лишь условно. Для А. Е. Ходорова, рубящего с плеча, уже накануне боксерского восстания, следовательно до знаменитого протокола 1901 года и задолго до 21 требования 13 китайских провинций, т.-е. более $^2/_3$ Собственного Китая были переведены на положение колоний, находились не только факти-

чески, но и формально под контролем иностранцев. Если только автор не вкладывает своего собственного содержания в выражение «формально и фактически», то и это заявление есть, скажем из вежливости, небольшая гипербола. Впрочем, весьма возможно, что подобное «гиперболическое сгущение красок» произведено А. Е. Ходоровым из «революционно-педагогических» соображений. Если это так, то довольно странно тут же, рядом читать столь прекраснодушное заявление, как: «Этот беспардонный, бесцеремонный раздел Китая вызвал в свое время протест Америки, находившей способы эксплоатации китайских масс европейскими капиталистами чрезвычайно жестокими». А. Е. Ходорову, пишущему о взаимоотношениях Китая с мировым империализмом, не мешало бы знать, что «протесты» Америки ничего общего с гуманитарными соображениями не имели. Но здесь, как и в нижеследующем примере, мы имеем дело уже не со склонностью к гиперболе: здесь другой недостаток автора, именно:

II. Неверное толкование общеизвестных фактов.

«Учтя, что слезоточивые речи о бедах и кризисе не спасут монархии от гибели в Китае, Юань-Ши-Кай заставляет династию отречься от трона с сохранением «пенсии и гарантии благоприятного отношения к императорскому дому». Всякий, кто знаком с биографией Юань-Ши-Кая, может указать автору, что меньше всего Юань-Ши-Кай думал о спасении Цинской монархии.

«С момента утверждения Юань-Ши-Кая в Пекине до наших дней мировая буржуазия активно вмешивается в политическую жизнь Китая. Дипломатический корпус в Пекине претендует на роль фактического правительства Северного Китая, той части Китая, экономика которой сильно отстает от экономики Среднего и Южного Китая». Так заявляет А. Е. Ходоров на стр. 81, совершенно не забыв, что на стр. 64 он, впадая, как мы видели выше, в другую крайность, писал будто уже к концу XIX ст. 13 провинций, т.-е. более $^{2}/_{3}$ Собственного Китая «формально и фактически находились под контролем иностранцев».

III. Переливание из пустого в порожнее.

Этим недостатком А. Е. Ходоров грешит на протяжении всего своего труда, но в разбираемой нами части он ухитрился согрешить даже в своем резюмэ:

«В борьбе, идущей за независимость Китая против мирового капитала в условиях и обстановке 1924 года, есть,—резюмирует Ходоров,— целый ряд новых элементов». Что же это за новые элементы? Их пять, из коих два первых следующие:

«1. Борьба против Китая есть борьба за сохранение мировым империализмом Китая, как своей колонии, т.-е. борьба за сохранение своего господства над сотнями миллионов трудовых крестьян».

«2. Борьба против трудовых масс Китая, стремящихся к свободе и независимости, есть попытка сосредоточения сил мирового капитала на Дальнем Востоке и является угрозой собирания империалистического кулака на Дальнем Востоке»...

Спрашивается, что здесь нового характерного, особенно что касается первого пункта, для условий и обстановки 1924 г.

Но все это пустяки в сравнении с изумительными открытиями, которые делает все на тех же 22 страницах А. Е. Ходоров и которые показывают:

IV. Недостаточное знакомство автора с некоторыми основными вопросами китайской экономии.

Вот первое открытие:

«Крестьяне в Китае никакой собственности не имеют. Крестьянин в Китае — вечный арендатор дробного (парцельного) мелкого клочка земли, который он обрабатывает всеми силами своей семьи, включая и детей».

Правда, аграрный вопрос в Китае еще мало изучен, но все же это вряд ли дает автору «Опыта политико-экономического исследования Китая» право так обижать китайских крестьян. Как ни хромает статистика в Китае, все же кое-какие цифры касательно мелкого крестьянского землевладения в Китае имеются. А. Е. Ходорову, прежде чем оповещать мир о своем изумительном открытии, не мешало бы предварительно ознакомиться хотя бы с одним из томов статистических данных, опубликованных Китайским Министерством Земледелия и Торговли.

Второе открытие:

«Китай за последние несколько десятилетий переживает бурную эпоху развития капитализма в своей собственной стране. Еще с 90-х годов прошлого столетия Китай—речь идет о Срединном Китае долины реки Ян-цзы—идет по линии развития своих производительных сил. Феодальный, замкнутый, плановый уклад хозяйства постепенно разрушался. Нарождалось кустарно-ремесленное и мануфактурное хозяйство, требовавшее в своем дальнейшем развитии перехода к фабричному станку».

Проанализируйте внимательно этот отрывок и вы убедитесь, что по существу здесь не одно, а по меньшей мере два открытия, настолько разительных, что невольно задаешься вопросом, что собственно больше хромает у автора: знакомство с Китаем или же... с политграмотой. Действительно, нужно абсолютно игнорировать историю Китая, чтобы отнести зарождение в нем кустарно-ремесленного хозяйства к 90-м годам XIX столетия, точно так же нужно иметь лишь весьма поверхностное знакомство с азбукой марксизма, чтобы так механически, не вникая в суть дела, жонглировать с терминами: бурное развитие капитализма, феодализм, кустарно-ремесленное хозяйство и т. д., вследствие чего получаются такие курьезы, как совпадение эпохи зарождения кустарно-ремесленного хозяйства («Еще с 90-х годов прошлого столетия») с эпохой бурного развития капитализма («Китай за последние несколько десятилетий»...). Весьма, впрочем, возможно, что и в данном случае значительная доля вины падает на неряшливость языка, как и на неистребимую любовь автора к преувеличениям.

Все вышесказанное относится к первой части разбираемого нами труда. Вторая часть («Дальневосточная проблема», «Кит.-Вост. жел. дор.» и т. д.), нося главным образом компилятивный характер, особого интереса не представляет. Другое дело третья, последняя часть—она чрезвычайно любопытна, особенно глава: «Гражданская война в Китае», где автор пытается вскрыть классовую подоплеку китайской революции и «борьбы дуцзюнов». Посмотрим же как это ему удается.

«История знает случаи, справедливо отмечает А. Е. Ходоров, когда происходящие на поверхности политической жизни события являлись при всей своей видимой внешней разобщенности с первоисточником— отражением классовой борьбы, шедшей в самых глубинах «общества»,

Религиозные войны средневековья прикрывали собой классовое движение, борьбу буржуазии против феодальной аристократии».

Точно так же и в Китае. Борьба китайских дуцзюнов является отражением классовой борьбы: «Борьба военных губернаторов прикрывает собою более глубокие процессы классовой борьбы, заострившейся в период китайской революции 1911 г. и после нее». Поставь А. Е. Ходоров здесь точку, откажись от вхождения в детали, мало кто, особенно ввиду общего характера формулировки, стал бы возражать, ибо, как бы ни был своеобразен Китай, и он, разумеется, не менее стран Запада подчинен непреложному историческому закону борьбы классов. Но на беду автор вздумал пояснять и в результате напустил такого тумана, в котором сам же стал беспомощно плутать, доказывая совершенно обратное тому, что хотел доказать в начале. В самом деле, раз А. Е. Ходоров проводит аналогию между религиозными войнами средневековья «прикрывавшими борьбу буржуазии против феодальной аристократии» и борьбой дуцзюнов, он прежде всего должен ответить на вопрос: борьбу каких же классов отражает последняя? Однако все существенное, что можно выудить из рассматриваемой нами главы, сводится приблизительно к следующему:

«Борющиеся губернаторы, захватившие Китай, являются наследием эпохи китайской революции».

«Революция легко справилась с институтом богдыханов», но «Революция 1911 года не была тем вихрем, который ломает столетние дубы реакции.... Восторжествовала в об'ективных условиях Китая контр-революция в формах диктатуры».

Далее мы узнаем, что контр-революция, эта внеклассовая (!), что контр-революционная диктатура восторжествовала, несмотря на то, что для стремления к военной диктатуре нет, по выражению автора, «соответственного знака в общественно-экономических условиях Китая».

«Если буржуазия,—пишет А. Е. Ходоров,—третье сословие—интересы которой революция несла на своих знаменах, оказалась не в состоянии в то время взять власть в свои руки, то контр-революция в свою очередь никакого класса не имела».

«Установление дуцзюната Китая—по крайней мере северного и среднего Китая—сделалось возможным в условиях разрыва той тоненькой «исторической» нити, какая связывала монархию с экономикой страны. Наемные армии дуцзюнов, бандиты, в качестве метода управления, и борьба дуцзюнов между собой выражает стремление к военной диктатуре, стремление, для которого нет соответственного знака в общественно-экономических условиях Китая»...

Все это великолепно, но только какая же тут аналогия с религиозными войнами средневековья? Будем, однако, читать дальше:

«Контр-революция в Китае—не вернула к власти контр-революционного класса, помещичьего землевладения, успевшего разложиться в медленном процессе трехсотлетнего гниения династии маньчжуров». Итак, ко времени китайской революции помещичье землевладение успело, по словам А. Е. Ходорова, разложиться. Ну что же, разложилось, так разложилось. Странно только, что двумя страницами выше (см. 123 стр.) тот же самый А. Е. Ходоров пишет:

«Революция свалила династию, но не привела к власти нового класса. Она сняла последнего императора с трона, перенеся самый трон в исторический музей Пекина, но не вручила власти китайской буржуазии. Отношения между земельными собственниками и арендаторами-крестьянами не изменились. Революция 1911 года не была тем вихрем, который» и т. д.

Как видите, А. Е. Ходоров упорно держится за свое открытие согласно которому «крестьяне в Китае никакой собственности не имеют. Крестьянин в Китае—вечный арендатор дробного (парцельного) мелкого клочка земли». Но раз китайские крестьяне никакой собственности не имеют, то спрашивается, кто же эти «земельные собственники», если не помещики. А ежели земельные собственники помещики и ежели даже сама революция не могла изменить отношений между ними и арендаторами-крестьянами, то как же «увязать» это утверждение с заявлением, что помещичье землевладение успело разложиться в медленном процессе трехсотлетнего гниения династии маньчжуров. Или, быть может, под помещичьим землевладением автор подразумевает исключительно землевладение маньчжуров? Если да, то почему он не счел нужным, вернее—не рискнул, заявить об этом открыто, во всеуслышание?

Все эти, как и ранее отмеченные нами, перлы творчества А. Е. Ходорова разбросаны на пространстве каких-нибудь двадцати-тридцати страниц его труда, вероятно, не меньше жемчужин хранят и остальные сто тридцать, так что, если собрать их все воедино, то получится весьма внушительное ожерелье. Это, разумеется, еще не значит, что труд А. Е. Ходорова никуда не годится, ибо тогда он вряд ли бы смог появиться в издательстве Научной Ассоциации Востоковедения, но это значит, что он появился на свет слишком скоропалительно. Явление весьма прискорбное, ибо совсем еще недавно на нашего молодого китаеведа некоторыми возлагались весьма большие надежды. Так Вл. Виленский (Сибиряков) в списке, приложенном к «Современному Китаю» (Москва, «Пролетарий» 1925 г.), рекомендует читателям из новых изданий о Китае читать лишь труды Вл. Виленского (Сибирякова) и А. Е. Ходорова.

Более того, не далее, как в прошлом году профессор И. Бороздин в статье: «Изучение Востока в современной России», появившейся в сборнике: «Колониальный Восток», говоря о том, что «теперь и Западная Европа не сможет обойтись без русских работ по современному Востоку», указывал, между прочим, и на работы того же А. Е. Ходорова. Это обстоятельство, думаем мы, возлагает на последнего сугубую ответственность, всю серьезность которой он на этот раз упустил из виду. Будем, однако, надеяться, что ко второму изданию А. Е. Ходоров не пощадит своих усилий и заново основательно переработает свой труд, памятуя о том, что дело идет не только о престиже его самого, как китаеведа, но до известной степени и о престиже нашего заграничного экспорта.

А. Ивин.

Руководство деревенской агитпропработой.

Один мой друг из крестьян рассказывал, как в молодости, томимый жаждой знания, он пришел в восторг, узнав о существовании энциклопедического словаря. Здесь-то, думал он, можно узнать все, научиться всему. Эта наивная история вспомнилась мне, когда я просмотрел сборник «Агитация и пропаганда в деревне. Пособие для деревенских ячеек РКП и РЛКСМ, изб-читален, и шефских коллективов» (изд. «Прибой», Ленинград 1925, стр. 141, цена 40 к.).

Правда, это не энциклопедия, не справочник. Для этого здесь слишком мало фактов, цифр, точных определений и характеристик, слишком плоха, неполна, случайна библиография. Здесь обычные статьи с рассуждениями. Приложенные резолюции XIII с'езда партии дают повод думать, что цель сборника—служить комментарием к решениям этого с'езда. Но и такие комментарии есть там только, отчасти, в некоторых статьях. В общем 22 автора (перечисленные на особой красной бумажке), под редакцией А. Аболина, написали в 25 статьях обо всем понемножку и ни о чем толком, дали какую-то наскоро сготовленную, цитатами из Ленина приправленную окрошку для деревенского партийца, наивно думая удовлетворить таким образом его жажду просвещения в партийных вопросах.

Недостатки сборника—обычные для плохенькой энциклопедии. Тут и коротенькие определения общеизвестных вещей (напр., что такое индивидуальная агитация и что такое массовая), тут и пространные общие рассуждения, не дающие ничего конкретного, кое-какие цифры, ошибки (подчас грубые), путаница, то попытки «популярничать» (напр.: «Конечная цель работы советов—введение социалистического строя. Поэтому и наш Советский Союз называется Союзом Советских Социалистических Республик»), то типичная интеллигентщина, затруднительная для понимания деревенского читателя, и т. д.

Дадим характеристику содержания на отдельных, важнейших статьях. Вот статья первая: «Задачи партии в деревне и агитационно-пропагандистская работа» (Авторы статьи не указаны). Несколько хороших цитат из Ленина, которые испорчены очень плохой отсебятиной. Вот Ленин говорит о коммунизме, об уничтожении классовых делений и проч.: эту задачу «можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству... в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне» (Подчеркнуто мною). Место, откуда взяты цитаты, не указано: когда же мы научимся элементарной вежливости по отношению к читателю!). А вот отсебятина:

«Итак, наша цель—коммунизм. Но этой цели мы достигнем медленным путем, помогая крестьянину поднять и укрепить его хозяйство, создавая материальную (хозяйственную) основу для коммунизма» (Стр. 5. Подчеркнуто автором). Точка и дальше—новая глава.

Какая замечательная популяризация идей Ленина о коммунизме! Поднять и укрепить индивидуальное крестьянское хозяйство значит создать материальную базу для коммунизма! Слышал автор звон, да не знает, где он. Звонили-то о том, что под'ем сельского хозяйства необходим для развития промышленности, как основной базы социализма. У Ленина говорится о замене единоличного мелкого крестьянского хозяйства крупным общественным, о преобразовании в корне всей земледельческой техники. Можно—и нужно—говорить о многочисленных способах, какими совершается теперь в деревне эта замена и. это преобразование. Можно—и нужно—выяснять многосложную связь, какая существует между под'емом сельского хозяйства и возможностью социализации всего хозяйства в целом, и проч. Вместо всего этого, автор ставит знак равенства между укреплением единоличного крестьянского хозяйства и созданием материальной базы коммунизма. Точка. Новая глава.

Далее в особой главе, автор хочет доказать «рост значения и роли агитации и пропаганды» теперь, по сравнению с периодом гражданской войны. Путаный ход мысли автора приблизительно таков. Раньше приходилось об'яснять сравнительно простые вещи, да и об'яснять-то часто было некогда. Затем Ленин бросил лозунг: «не сметь командовать». Следовательно, умозаключает автор, «администрирование и приказ окончательно должны уступить место...—чему бы, вы думали?..—организации» (стр. 7). Да, ведь и Зиновьев сказал: «организация станет всеобщим лозунгом деревни» (там же). Но откуда же тут «рост значения и роли агитации и пропаганды»? А вот откуда: «... невозможна всякая организация вообще без правильно поставленной агитации и пропаганды» (стр. 8. Подчеркнуто везде автором).

Этакая околесица. Читатель мозги вывихнет, прежде чем разберется. И совсем не в том дело, чтобы доказать, в какой период революции агит-пропаганда имеет большее значение. Существенно важно выяснить, что в каждый период агит-пропаганда должна ставить себе особые цели и стремиться к ним особыми методами. Здесь гвоздь вопроса. Тем именно и страдает наша агит-пропаганда сейчас, что наши агитаторы и пропагандисты стремятся к новым целям старыми методами, от которых никак не могут отделаться. Об этом именно твердил Ленин еще с 1920 года. Вот наиболее характерное место из его речи на совещании политпросветов в ноябре 1920 года:

«Пропаганда старого типа рассказывает, дает примеры того, что такое коммунизм. Но эта старая пропаганда никуда не годна, так как нужно практически показать, как надо социализм строить. Вся пропаганда должна быть построена на политическом опыте хозяйственного строительства. Это наша главнейшая задача, и, если кто вздумал понимать это в старом смысле слова, тот оказался отсталым и не может вести работу пропаганды для массы крестьян и рабочих. Наша главная политика сейчас должна быть—экономическое строительство государства, чтобы собрать лишние пуды хлеба, чтобы дать лишние пуды угля, чтобы не было голодных,—вот какова наша политика. И на этом должна быть прилажена вся агитация и вся пропаганда. Нужно, чтобы было поменьше фраз, так как фразами вы не удовлетворите трудящихся. Как только война даст нам возможность освободить центр тяжести от борьбы с буржуазией, от борьбы с Врангелем, с белогвардейцами, мы обратимся к политике экономики. И вот тут-то играет громадную роль агитация, пропаганда. Каждый агитатор должен быть государственным руководителем, руководителем всех крестьян и рабочих в деле экономического строительства»[1]).

Из этого места речи автор статьи в сборнике привел какие-то обрывки (без указания источника), а самого-то смысла ленинских слов совершенно не понял.

В той же статье брошена мысль о необходимости использовать для агитации и пропаганды наличные силы из беспартийного крестьянства и деревенской интеллигенции. Правильно, конечно. Но, как использовать эти силы, какую именно работу по агитации и пропаганде

---

[1]) См. том XVIII, ч. 2, стр. 184—185. Цитировано в моей книжке «Как строить новую жизнь в городе и деревне. Задача культурно-социалистического строительства, задачи шефства города над деревней, как и ставил и учил разрешать В. И. Ленин». (ГИЗ. 1925. Стр. 126. 45 к.). Здесь уделено значительное место методам агитпропаганды.

можно переложить на них,—этот существенный вопрос совершенно не разработан.

Берем другую статью, которая должна как бы дополнять первую и служить комментарием к XIII с'езду: «Постановка и методы агитационной работы».

В ней есть отдельная главка: «Какими способами (методами) ведется агитация в деревне?». Это та самая интересная главка в десяток строк, в которой деревенский коммунист просвещается насчет того, что агитация бывает индивидуальная и массовая, первая называется так потому, что «здесь агитатор имеет дело с одним-двумя собеседниками». Массовая—«собеседования, доклады и др.—одним словом способы, которыми сразу можно воздействовать на целое собрание» (стр. 48—49). В остальном статья дает подобные же элементарные указания. Ни одной свежей мысли, ни одного больного вопроса в постановке нашей агит-пропаганды, как будто их нет вовсе. Можно назвать разве лишь совет заменять в избирательных списках, выставляемых партийной организацией, одного кандидата другим (в случае отвода со стороны собрания), и еще мысль (совершенно неразработанную) об устройстве летучих митингов на базарах.

Статья о кооперации принадлежит, пожалуй, к наихудшим. Цитатка в несколько строк из Ленина, о том, что кооперировать население это все, что нам нужно. А затем отсебятинка такая:

«Основные задачи, разрешить которые должна кооперация, определяются тем, что в современной деревне, на-ряду со все разворачивающимся культурно-хозяйственным под'емом, растет и углубляется классовое расслоение.

«Потому задача партии в деревне сводится к тому, чтобы найти простой, легкий, доступный для крестьянства путь к поднятию и развитию своего хозяйства. Кооперация является самым прямым и самым верным путем к разрешению этой задачи» (стр. 59, подчеркнуто автором).

Прочтешь такое местечко и не знаешь, что здесь: простая ли путаница или сознательное протаскиванье через партийную печать чуждой партии точки зрения? (Мы не говорим уже о том, насколько непопулярны приведенные строки для деревенского читателя). С точки зрения мелкого буржуа задачи кооперации, действительно, определяются растущей опасностью быть столкнутым в ряды пролетариев, с одной стороны, и возможностью удержаться в качестве мелкого хозяина при сотрудничестве с другими мелкими хозяевами. Мелкий буржуа и его идеологи, действительно, ищут и отчасти находят в кооперации «простой, легкий, доступный для крестьянства путь к поднятию и развитию своего хозяйства». Но эта точка зрения чужда и неприемлема для пролетариата, для его партии. В советской стране при власти пролетариата, при социализированной промышленности задачи кооперации в деревне состоят в том, чтобы об'единить миллионы разрозненных единоличных хозяйств на сбыте, снабжении, производстве и втянуть их постепенно в систему общего социалистического хозяйства. Автор этой статьи (если отбросить предположение о сознательном проведении мелко-буржуазной точки зрения) тоже слышал звон, да не знает, где он. Да, Ленин писал, что «кооперировать в достаточной степени глубоко и широко русское население при господстве нэпа, есть все, что нам нужно»..., но непосредственно за этим совершенно непонятым, оборванным на запятой, отрывком следует: «потому, что мы теперь нашли ту степень соединения частного интереса,

частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов» (см. том XVIII, часть 2, стр. 139—140). Да, Ленин тоже искал и нашел «путь возможно более простой, легкий и доступный для крестьянина», но только путь не укрепления частно-собственнического мелкого хозяйства, а путь «перехода к новым порядкам», к социализму (см. там же, стр. 140).

Кооперация интересует крестьянина с точки зрения непосредственного улучшения его положения, как частного хозяина, и вовсе не интересует, как средство социализации сельского хозяйства. Наоборот, пролетариат кооперация вовсе не интересует, как средство улучшения положения мелких собственников, но весьма интересует, как средство социализации сельского хозяйства. Вся штука, однако, в том, что это противоречие, неразрешимое в капиталистическом государстве, в советском строе благополучно разрешается самим фактом наличия крупного промышленного производства, торговли, банков в руках пролетариата, а не буржуазии, так что кооперирующийся в своих частных интересах крестьянин силою вещей втягивается постепенно в общую систему социалистического хозяйства, а роль частного капитала постепенно сводится к нулю. Эти основные мысли Ленина о кооперации не только не об'яснены в статье, но прямо искажены и запутаны.

Об остальной части статьи не хочется и говорить. Сел.-хоз. кооперацию автор понимает почему-то только как производственную, совершенно не говоря ни слова о кооперировании в области сбыта, которое партия считает наиболее широким руслом, «столбовой дорогой» в деле кооперирования деревни. «Колхозы и совхозы у автора близко соприкасаются с сел.-хоз. кооперацией». О колхозном движении—ни звука. На злободневные вопросы кооперативного движения ни одного живого отклика.

Статья «Общества крестьянской взаимопомощи» написана так, как будто бы в жизни их не произошло недавно крупнейшей перемены, как будто бы перед крестпомами не поставлено новых, важнейших задач, значительно расширяющих круг их прежней деятельности и далеко еще не осуществленных на практике. Новое положение о крестпомах даже не названо рядом с единственной указанной брошюркой. Этим задачам уделено всего десятка полтора строк. Из множества больных вопросов движения упомянуто (в одной строке) только о торговом уклоне. О привлечении в новые крестпомы также середняков, о создании из них широкой общественной организации, которая об'единяла бы бедняцко-середняцкую массу против кулацкой верхушки—ни слова.

Заглавие статьи «Как использовать шефа» правильно формулирует необходимую для деревни тему по этому вопросу, но сама статья совершенно не отвечает своему заглавию. Это обычная статья о шефстве с теми же ошибками, которые были отмечены нами в сборнике по шефству. Вопреки циркуляру ЦК РКП (б) по шефству, автор статьи выступает против материальной помощи не только в области хозяйства, но даже и в области просвещения (последнее никем никогда не оспаривалось!): «Шеф не должен тратить свои средства на материальную помощь крестьянам (дарить с.-х. орудия, вкладывать средства в хозяйственные предприятия подшефа и т. п.). Ту же линию необходимо проводить и в организации и развитии различных культурно-просветительных учреждений деревни...» (стр. 108). Если бы шефы последовали этому совету, то они должны были бы начисто прекратить всякую работу: без материальных затрат невозможна никакая помощь деревне.

Когда же все-таки в изданиях ЦК РКП (б) по шефству будут правильно толковаться и развиваться директивы ЦК РКП (б) по шефству? [Список литературы по шефству очень неполон. Отсутствует—случайность?—указание на руководящий циркуляр ЦК РКП (б)].

Отличается в хорошую сторону статья «Агро- и лесо-пропаганда». Но она страдает определенным индивидуалистическим уклоном, как и статья на ту же тему в шефском сборнике ЦК РКП (б). Рычагами агро-пропаганды, автор признает в первую голову культурного крестьянина-передовика, сельскую интеллигенцию, членов Всеработземлеса, шефов. Опорными пунктами—вик, агрономический участок, избу-читальню. Колхозам, их членам, совхозам—явный бойкот. Вся агро-пропаганда, в постановке автора, должна быть направлена исключительно к под'ему частно-собственнического, индивидуального хозяйства силами отдельных хозяев, без какого бы то ни было намека на об'единение их и преимущественно путем поощрения и выставления в качестве примера лучших индивидуальных хозяев. Статья сделала бы честь любому буржуазно-демократическому спецу какой-нибудь американской республики, и упоминание в конце статьи о том, что «задача дня—... всю мощь агрикультурного процесса направить в сторону приближения крестьянского хозяйства к социалистическому» (стр. 101)—звучит так же странно и неубедительно, как заверение в социалистических стремлениях автора какого-нибудь спецовского доклада, от каждой строчки которого несет буржуазным духом.

Мы не можем разбирать всех статей сборника. Нельзя отрицать, что, при недостатке литературы, некоторую пользу сборник все же может принести. Но от издания под маркой Агитпропа ЦК РКП (б) можно бы и должно ожидать лучшего, значительно лучшего. Во всяком случае можно бы не печатать ученических статей на 2—.

Серьезно следовало бы поставить вопрос о надобности подобных сборников, с потугами на всестороннее руководство деревенской работой. Комментарии к решениям партийных с'ездов и конференций необходимы, но это должны быть именно комментарии, подробно, пункт за пунктом, раз'ясняющие принятые резолюции. И печататься они должны тотчас после с'езда, когда во всех парторганизациях идет проработка решений, а не перед новым с'ездом. Статьи по текущим вопросам агит-пропаганды тоже необходимы, но их должны давать периодические парторганы, в которых у нас недостатка нет. Разработка и популяризация более общих вопросов агит-пропаганды в ее разных видах и формах должна итти своим чередом—частью в тех же парторганах, частью в особых брошюрах. Очень нужна, наконец, и хорошая библиография, которая была бы своего рода триэром, отбирающим для деревни из груды издаваемой литературы, только высокосортный материал. Но совмещение всех этих задач в одном издании приводит лишь к такой малополезной затрате сил и средств, примером какой служит данный сборник.

В. Карпинский.

Г. Сафаров. Ленинизм как теория развития пролетарской революции. Изд. «Прибой». 1925 г. Стр. 40.

Совершенно бесспорна необходимость в такой популярной литературе, в которой бы рассматривались как различные вопросы ленинской теории, так и развивались бы отдельные ценнейшие замечания, неразработанные самим гениальным творцом ленинизма. В этом отношении брошюра Г. Сафарова сослужит известную службу. Но еще более

бесспорным является то, что дело подобной популяризации требует от авторов всесторонней продуманности и теоретической безукоризненности формулируемых ими положений. Поэтому не мешает остановиться на тех местах брошюры, где автором это обязательство нарушается.

Г. Сафаров говорит, что ленинизм в общей форме есть теория превращения низших форм классовой борьбы в высшие ее формы.

> «Основных исторических ступеней революционных превращений в процессе классовой борьбы—по его словам—можно установить несколько: первая—превращение стихийности в сознательность, экономической борьбы в политическую на всех ступенях и этапах; это—то, что увязывает отношения между авангардом и массой революционных классов; вторая—превращение низших форм в высшие формы движения, оборонительной борьбы в революционно-наступательное движение; третья—превращение революционного движения полу-пролетарских и крестьянских слоев, а также национальных и колониальных движений, в международную революционную борьбу против диктатуры империализма под руководством пролетариата, т.-е. превращение промежуточных форм движения, промежуточных слоев (крестьянского, национального, колониального) в движение пролетарское, в конечном счете—в единый процесс международной социалистической революции; четвертая—превращение классовой борьбы в национальном масштабе в международную революционную борьбу за коммунизм, т.-е. ломка национальных рамок и переход на арену международной борьбы за коммунизм; пятая—превращение пролетариата в господствующий класс в форме установления диктатуры пролетариата; шестая—распространение пролетарской гегемонии на все отрасли общественной жизни, т.-е. охват пролетариатом задач управления, военной обороны, хозяйственного и культурного развития; седьмая—превращение капитализма в коммунизм путем развития хозяйственных условий пролетарской диктатуры (наша переходная экономика); восьмая—превращение классового общества в поголовно-организованный бесклассовый трудовой коллектив».

«Вот эти основные восемь этапов (подчеркнуто нами. *Г. М.*),—заключает т. Сафаров,—являются характерными моментами революционного развития» (стр. 23).

Прежде всего, бросается в глаза искусственность сооруженной тов. Сафаровым схемы. Не видно точно определенного признака, по которому подбиралась цепочка. Количество составляющих ее звеньев можно как увеличить, так и уменьшить без нарушения целостности всего сооружения. Сам автор это чувствует: на стр. 10 он насчитывает уже только пять видов революционных превращений. Дальше. Тов. Сафаров называет перечисленные им моменты революционного развития «этапами» и «ступенями». Едва ли с этим можно согласиться. Когда речь идет об этапах, предполагается смена одного этапа другим, чередование этапов в определенной последовательности. «Этапы» тов. Сафарова этому условию не отвечают. Революционная действительность, процесс социалистической революции, совершающийся на наших глазах, в эту формулу не укладываются. В самом деле. Сопоставим третий «этап» схемы с пятым «этапом». Получается, что сначала происходит «превращение революционного движения полупролетарских и крестьянских слоев, а также национальных и колониальных движений в международную революционную борьбу против диктатуры империализма», а затем следует «превращение пролетариата в господствующий класс в форме установления диктатуры пролетариата». Мы видим, что в формуле не находит себе места неравномерность революционного развития. Формула

не об'ясняет того факта, что социализм уже строится в одной стране, когда в других странах еще только начинается превращение «национальных и колониальных движений в международную революционную борьбу». Пройденная глава социалистической революции показала нам иное «расположение» этапов, чем указано в формуле. Сначала была завоевана пролетарская диктатура в России, а потом уже под ее влиянием началась борьба угнетенных империализмом народов против его диктатуры.

То, что фигурирует у т. Сафарова в качестве этапов, правильнее было бы назвать типами революционных превращений. А действительная связь между этими типами существенно отличается от связи между ними в разбираемой схеме.

Присмотримся теперь ко второй «ступени» схемы: «превращение низших форм движения в высшие формы движения, оборонительной борьбы в революционно наступательное движение». Всегда ли оборонительная борьба есть низшая форма движения, и наоборот?

Вспомним эпоху Бреста. «Левые коммунисты», как известно, предлагали тогда «революционно-наступательное движение», ленинцы отстаивали «оборонительную борьбу». Не может быть никаких сомнений, кто представлял «высшие формы движения». Возьмем теперь поворот к нэпу. Несомненно, что введение новой экономической политики, по сравнению с рэповским периодом, было в известном смысле отступлением, т.-е. употребляя терминологию тов. Сафарова, переходом к оборонительной борьбе. Кто же в этот момент воплощал высшую форму движения «оборонцы» или сторонники наступления? Ответ ясен.

Обратимся, наконец, к третьей «ступени»: «превращение революционного движения полу-пролетарских и крестьянских слоев, а также национальных и колониальных движений в международную революционную борьбу против диктатуры империализма под руководством пролетариата, т.-е. превращение промежуточных форм движения промежуточных слоев (крестьянского, национального, колониального) в движение пролетарское (подчеркн. нами. *Г. М.*), в конечном счете—в единый процесс международной социалистической революции». Здесь явное смешение понятий. Вот, что говорит о характере национального движения в эпоху империализма тов. Сталин.

«Несомненная революционность громадного большинства национальных движений столь же относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна возможная реакционность некоторых отдельных национальных движений. Революционный характер национального движения в обстановке империалистического гнета вовсе не предполагает обязательного наличия пролетарских элементов в движении, наличия революционной или республиканской программы движения, наличия демократической основы движения» (И. Сталин, О Ленине о ленинизме, Гиз., 1925, изд. второе, стр. 63).

Национально-революционное брожение в Индии занимает определенное место на весах международной социалистической революции. Еще больший удельный вес имеет движение китайского народа, восстающего против мирового империализма. Будучи революционными, «подпирая» мировую пролетарскую борьбу против капитала, оба эти движения сами по себе не являются пролетарскими. Конечно, при определенных условиях, при особом, благоприятном стечении обстоятельств революционно-демократическое движение может перерасти в социалистическое.

Основная особенность схемы тов. Сафарова—ее недиалектичность.

Еще одно замечание. На стр. 38 т. Сафаров утверждает, что «кооперация есть составная часть государственного капитализма. Именно, как таковая, она служит подготовительной ступени (ступенью? *Г. М.*) к социализму». Как недавно напомнил тов. Бухарин, тов. Ленин в своей последней статье о кооперации высказал иное мнение: «При государственном капитализме предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу».

Или ниже: «Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма...» (Ленин, О кооперации, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 143—144).

В заключение мы считаем необходимым отметить, что ряд вопросов поставлен автором интересно,—напр., вопрос о соотношении авангарда и масс в классовой борьбе.

Г. Марецкий.

От редакции: В № 9—10 «Большевика» была напечатана на стр. 52 и след. статья «Выборы фабзавкомов в Германии».

Статья ошибочно приписана тов. Рут Фишер, тогда как автором статьи является тов. Курт Фишер.

Кроме того, в рецензию т. Геласимовой о книге т. Томского «Принципы организационного строительства профсоюзов», напечатанную в том же №, вкрались две следующие опечатки:

1) на стр. 119, нужно читать вместо: «спорный момент о задачах профессионального движения»—«спорный момент о зачатках профессионального движения»;

2) на стр. 121 вместо: «заработной платой и рабочим делом» нужно читать: «заработной платой и рабочим днем».

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ: